ЖИТИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ

СЕНТЯБРЬ - ФЕВРАЛЬ

ТОМ ВТОРОЙ

Коллектив авторов

Жития русских святых. В 2 томах. Том 2: Сентябрь-февраль

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2477535
Жития русских святых: В 2 т. Том второй: сентябрь-февраль.:
Сибирская Благозвонница; Москва; 2011
ISBN 978-5-91362-466-6

Аннотация

Вниманию благочестивого читателя предлагается двухтомное издание Житий русских святых, которое может служить дополнением к многотомному собранию Житий святых, изложенных святителем Димитрием Ростовским. Русских святых Церковь называет небесными сродниками нашими. Внимательно всматриваясь в их подвиги, которыми они освятили нашу землю, будем стараться подражать их жизни, чтобы вместе с ними стать гражданами общего нам всем Небесного Отечества. Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Содержание

Сентябрь 6

Житие блаженного Иоанна Ростовского, Милостивого, Власатого (память 3/16 сентября) 6

Житие святителя Иоасафа, епископа Белгородского (память 4/17 сентября) 11

Житие преподобномученика Афанасия Брестского (память 5/18 сентября) 16

Житие Святого благоверного князя Муромского Глеба, нареченного во святом крещении Давидом (память 5/18 сентября) 58

Житие преподобномученика Макария Овручского (память 7/20 сентября) 62

Житие преподобного Серапиона Спасо-Елеазарского (память 7/20 сентября) 75

Житие святителя Иоанна, архиепископа Новгородского (память 7/20 сентября) 85

Житие преподобного Иосифа Волоколамского (память 9/22 сентября) 94

Житие святителя Феодосия, архиепископа Черниговского (память 9/22 сентября) 118

Житие преподобного Иоакима Опочского (память 9/22 сентября) 127

Житие преподобного Иоасафа, Каменского, Вологодского чудотворца (память 10/23 сентября) 128
Житие преподобного Павла Послушливого, в дальних пещерах почивающего (память 10/23 сентября) 137
Житие преподобных Сергия и Германа Валаамских (память 11/24 сентября) 139
Житие преподобного Афанасия Высоцкого (память 12/25 сентября) 143
Житие преподобного Вассиана Тиксненского (память 12/25 сентября) 150
Житие преподобного Афанасия Младшего, Серпуховского (память 12/25 сентября) 159
Житие и чудеса святого праведного Симеона Верхотурского (память 12/25 сентября) 161
Житие святой великомученицы Кетеваны, царицы Кахетинской (память 13/26 сентября) 193
Житие святых мучеников Иосифа и Исаака Грузинских (память 16/29 сентября) 196
Житие святителя Аркадия, епископа Новгородского (память 18 сентября/1 октября) 198
Житие святых мучеников Бидзина, Шалвы и Элизбара, князей Ксанских (память 18 сентября/1 октября) 202

Житие святого благоверного князя Феодора Ростиславича Ярославского и Смоленского (память 19 сентября/2 октября) 204
Житие святого благоверного князя Страстотерпца Игоря Черниговского (память 19 сентября/2 октября) 225
Житие и страдания святых мучеников благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора (память 20 сентября/3 октября) 233
Конец ознакомительного фрагмента. 242

Коллектив авторов

Жития русских святых: В 2 т. Том второй: Сентябрь-февраль

Сентябрь

Житие блаженного Иоанна Ростовского, Милостивого, Власатого (память 3/16 сентября)

По краткому рукописному его житию не видно, кто он и

откуда пришел в Ростов. Преосвященный Филарет предполагает, что Иоанн был знатного рода и человек образованный (знал латинский язык). Но по обстоятельствам времени царя Иоанна IV Грозного весьма вероятно, что он скрылся из Москвы от ужасов, чтобы в тиши и неизвестности служить Господу. В Ростове блаженный Иоанн принял на себя подвиг юродства, терпя нужды и скорби. Он не имел постоянного пристанища и лишь изредка отдыхал в доме своего духовника, священника Всесвятской церкви, или у одной престарелой вдовицы. Он имел «власы на главе велики», почему и назывался Власатым. Живя в смирении, терпении и непрестанной молитве, он духовно окормлял многих людей, в том числе и преподобного Иринарха, затворника Ростовского (память 13/26 января). Скончался блаженный Иоанн после долгих подвигов, перенеся много скорбей, в глубокой старости 3 сентября 1580 (1582) года и, согласно завещанию, был погребен за алтарем церкви святого Власия.

Погребение блаженного Иоанна ознаменовано было, по преданию, страшной бурей, молнией и громом, что произвело на всех удручающее впечатление. Благочестивые люди со времени погребения блаженного приходили на его могилу и брали землю; многие по вере получали исцеления и потому прозвали святого Иоанна Милостивым, отождествляя его со святым Иоанном Милостивым, Александрийским патриархом, память которого 12/25 ноября. В числе исцелившихся был Ростовский митрополит Кирилл, лишившийся в старо-

сти руки и ноги, а потому оставивший управление епархией. После усердной молитвы над гробницей блаженного Иоанна престарелый святитель, принесенный в церковь на руках, получил внезапное облегчение от своего недуга, так что уже мог сам идти в архиерейский дом, и впоследствии не только совершал богослужения, но и снова управлял епархией во время плена знаменитого своего преемника Филарета Никитича Романова (Патриарха Всероссийского).

Над могилой блаженного Иоанна вместо прежней деревянной Власиевской церкви была построена каменная церковь в честь Толгской иконы Божией Матери с приделом святого Власия.

Память блаженного Иоанна Власатого, Христа ради юродивого, Ростовского чудотворца, празднуется в день его кончины – 3/16 сентября и вторично – 12/25 ноября в память святого патриарха Александрийского Иоанна Милостивого, имя которого он носил.

Тропарь, глас 8

Явился еси во граде яко в пустыне, в смиренномудрии, чистоте и в трудех и подвизех, и в терпении мнозе, преблаженне отче Иоанне. Взем бо Крест Христов последовал ему и бе в молитвах и псалмопении день и нощь, иноязычнаго речения о спасении всего мира христианского рода и преселился еси к Невечернему Свету. Ныне же ко гробу твоему

вернии приходящи, моляся Господеви, Богородице и Предтечи, приемлют исцеления молитвами твоими. Но присно за ны молися, блаженне отче Иоанне, спастися душам нашим.

Ин тропарь, глас 4

Явился еси во граде, яко в пустыне, смиренномудрием и чистотою, и взем Крест Христов последовал ему в трудех и подвизех, и в терпении мнозе, преблаженне отче Иоанне. И ныне моли о нас, совершающих память твою, и усердно притекающих к раце мощей твоих, избавитися от бед, и душам нашим подати велию милость.

Кондак, глас 8

Христовою любовию уязвися, отче Иоанне блаженне, вышния красоты желая, земная же презре и нивочтоже вмени. И на земли ангельское житие препроводи, в вечный покой достиже, идеже глас празднующих, с нимиже молися за ны. И душам нашим прощение, и телесем исцеление даруй.

Ин кондак, глас 2

Христовою любовию уязвися, отче Иоанне блаженне, вышния красоты желая, земная же вся презре и нивочтоже

вмени, и на земли ангельское житие имея, преселился еси в вечный покой, идеже предстоя Христу Богу, моли спастися нам и всему христианскому роду, яко да зовем ти: радуйся, преблаженне отче Иоанне.

Житие святителя Иоасафа, епископа Белгородского (память 4/17 сентября)

Святитель Иоасаф родился в Прилуках, бывшей Полтавской губернии, 8 сентября 1705 года, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы. При крещении назван Иоакимом. Он происходил из древнего благочестивого малороссийского рода Горленковых. В 1712 году семилетнего Иоакима отец отдал в Киевскую духовную академию. В стенах академии он ощутил влечение к монашеской жизни. В течение семи лет испытывал себя будущий святитель, наконец, открылся родителям. Долго мать с отцом упрашивали сына-первенца не принимать монашеский постриг. Но в 1725 году он тайно от них принял рясофор с именем Иларион в Киевском Межигорском монастыре, а 21 ноября 1727 года был пострижен в мантию с именем Иоасаф в Киево-Братском монастыре. Это событие совпало с завершением обучения в духовной академии.

Через год инок Иоасаф был хиротонисан архиепископом Варлаамом (Вонатовичем) в сан иеродиакона. Его оставили преподавателем в Киевской духовной Академии. После смерти преосвященного Варлаама Киевской кафедрой стал управлять архиепископ Рафаил (Заборовский). Архиепископ Рафаил обратил внимание на выдающиеся способности молодого подвижника и привлек его для более широ-

кого служения Церкви. Ему было поручено ответственное послушание в должности экзаменатора при Киевской архиепископии.

В ноябре 1734 года архиепископ Рафаил посвятил иеродиакона Иоасафа в сан иеромонаха и перевел из училищного Братского монастыря в Киево-Софийский архиерейский дом. Одновременно он был назначен членом Киевской Духовной Консистории. Исполняя должность экзаменатора, он преложил много усилий к исправлению нравственных недостатков приходского духовенства. Консисторская должность святителя была прекрасной школой для его организаторских способностей. В это время он хорошо изучил нужды священнослужителей, достоинства и недостатки епархии. Здесь ясно определилась всесторонность деловых качеств Иоасафа, сочетающаяся с большими внутренними подвигами. Он быстро восходил по лествице духовного совершенства, о чем свидетельствует сохранившееся его произведение «Брань седми честных добродетелей с седми грехами смертными».

24 июня 1737 года иеромонах Иоасаф был назначен настоятелем Свято-Преображенского Мгарского монастыря с возведением в сан игумена. В своем монастыре все силы игумен полагал на благоустройство обители, в прошлом бывшей оплотом Православия в борьбе с унией. В монастыре находились мощи святителя Афанасия, патриарха Константинопольского, Лубенского чудотворца (память 2/15 мая).

Несколько раз патриарх Афанасий являлся игумену Иоасафу, свидетельствуя о своем покровительстве.

В 1744 году митрополит Рафаил возвел игумена Иоасафа в сан архимандрита. В конце того же года он был вызван в Москву и вскоре распоряжением Святейшего Синода назначен наместником Свято-Троицкой Лавры. В обители преподобного Сергия он также самоотверженно исполнял послушания Церкви (в те годы требовалось много сил для восстановления монастыря после пожара).

2 июня 1748 года в Петропавловском соборе Петербурга архимандрит Иоасаф был хиротонисан во епископа Белгородского. Вступив на архиерейскую кафедру, святитель Иоасаф строго следил за благочинием и состоянием храмов, за правильностью совершения богослужения и особенно нравственностью паствы. Большое внимание святитель уделял образованию духовенства, правильному соблюдению ими устава и церковных традиций. Как и прежде, святитель Иоасаф все силы отдавал архипастырскому служению, не щадя своего здоровья. Своему келейнику Стефану накануне своего преставления святитель запретил домогаться священного сана и предупредил, что в случае непослушания его постигнет безвременная кончина. Другому келейнику, Василию, святитель указал, что он будет диаконом, а сана священника никогда не достигнет. И это предсказание впоследствии исполнилось. 10 декабря 1754 года святитель преставился. Прославление святителя Иоасафа в лике святых со-

стоялось 4 сентября 1911 года.

Тропарь, глас 3

Святителю Христу Богу возлюбленне правило веры и образ милосердия людем был еси, бдением же, постом и молитвою яко светильник пресветлый просиял еси, и прославлен от Бога явился еси: телом убо в нетлении почивая, духом же Престолу Божию предстоя, чудеса преславная источаеши. Моли Христа Бога, да утвердит нас в Православии и благочестии и спасет души наша.

Ин тропарь, глас 2

Молитвенниче издетства преизрядный, богоизбранный святителю Христов Иоасафе, правило веры и образ милосердия благочестным житием всем являеши и с верою к тебе притекающим обильно исцеления источаеши. Моли Христа Бога, да утвердит правоверие, мир и благочестие и спасет души наша.

Кондак, глас 8

Многоразличныя подвиги жития твоего кто исповесть? Многообразныя милости Божия тобою явленныя кто исчис-

лит, дерзновение же твое у Пречистыя Богородицы и всещедраго Бога добре ведуще, во умилении сердечнем зовем ти: не лиши и нас твоея помощи и заступления, святителю Христов и чудотворче Иоасафе.

В тот же день совершается память преподобного Симона Гареджийского, Грузинского.

Житие преподобномученика Афанасия Брестского (память 5/18 сентября)

Святой Афанасий подвизался в Юго-Западной Церкви вскоре после объявления унии и мученически пострадал от латинян, защищая православную истину и Церковь. Положение Православия в Польше и Литве было тогда очень тяжелое. На Соборе в Бресте в 1596 году было объявлено единение (уния) Православной Юго-Западно-Русской Церкви с Церковью Римско-католической, или латинской.

Казалось бы, это событие не только вполне отвечало любви и миру, главнейшим опорам христианства, но и проводило в жизнь величайший из заветов Спасителя, содержащийся в Его молитве к Богу Отцу: Отче Святый, ихже дал era Mm, да будут едино, якоже и Мы (см.: Ин. 17, 11). Но на самом деле уния подготовлялась недостойными людьми, вызывалась низменными расчетами и клонилась к попранию православной веры и русской народности на Юго-Западной Руси, которая в XVI веке входила в состав Польско-Литовского государства. Уже самое заключение унии не обещало ничего доброго: оно сопровождалось обстоятельствами, которые были противны не только духу Евангелия, церковным обычаям и канонам, но и простым требованиям рассудка. Уния

была объявлена действительной, хотя принявшие ее не пожелали даже выслушать православных; на троекратный призыв православных никто из униатов не явился для совещания о вере, и в конце концов представители восточного исповедания, не желавшие насильственного единения, были преданы анафеме со всеми их единомышленниками окружной соборной грамотой латинской партии. На это проклятие Православный Собор ответил осуждением митрополита и владык, принявших унию, и двумя следующими постановлениями:

1. «Мы даем обет веры, совести и чести за себя и за наших потомков не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами; напротив, сколько возможно противиться их определениям, действиям и распоряжениям, стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей Святой Церкви, особенно при наших патриархах[1], не оставляя старого календаря[2], тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали пре-

---

[1] Здесь разумеются восточные патриархи, в тесном союзе с которыми пребывала Юго-Западная Церковь того времени. Представители двух патриархов – Константинопольского и Александрийского – присутствовали на Брестском Соборе.

[2] Вместе с унией на Юго-Западе Руси вводился и новый григорианский календарь, получивший свое название от папы Григория XIII, который особой грамотой в 1582 г. ввел его на Западе; Восточная Церковь пользуется старым юлианским календарем, который теперь разнится (отстает) от григорианского на 13 дней.

пятствовать целости и свободе нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом торжественно, прежде всего пред Господом Богом, потом и всему свету, и в особенности всем обитателям короны великого княжества Литовского и областей, к короне принадлежащих».

2. «Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны Восточной Церкви, собравшиеся сюда, в Брест, на Собор, достоверно узнали ныне от самых вельможных панов, присланных на Собор его королевской милостью, что они с митрополитами и несколькими владыками, отступниками от Греческой Церкви, составили и обнародовали, без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унию между Церквами Восточной и Западной. Мы протестуем против всех этих лиц и их несправедливого деяния и обещаемся не только не подчиняться, но, с Божией помощью, всеми силами сопротивляться им, а наше постановление, сделанное против них, будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами пред его королевскою милостью».

Эти заветы, которые от лица Церкви возложили на ее верных чад представители восточного Православия в Брестском Соборе, стали признанием святого Афанасия, и их осуществлению была отдана вся его жизнь: борьба с действиями и распоряжениями униатов была для него обетом совести и

чести, а в твердом стоянии за святую веру, в защите общего спокойствия, огражденного законами, в противлении всем притеснениям, насилиям и новизнам латинян состояли его подвиги, труды и страдания. О своем протесте против злоупотребления латинской партии властью и силой, на точном основании брестских постановлений, святой торжественно объявлял перед обитателями короны и великого княжества Литовского, неотступно обращался с просьбами об охране Православия и к королевской милости.

Святой Афанасий родился когда-то около времени заключения церковной унии и, может быть, в Бресте, в том самом городе[3], где она была провозглашена, где особенно больно чувствовались обиды, наносимые Православной Церкви, и где были более живы любовь к отечественной вере и отвращение к латинству.

Неизвестно, из какого сословия вышел святой Афанасий, но, судя по его пламенной ревности о святой вере, можно думать, что унаследовал ее от людей простых[4], в то время отличавшихся особенно сильной преданностью Восточной Церкви и даже составлявших братские союзы для ее защиты от

---

[3] В надгробном стихотворении святому Афанасию, который скончался в Бресте, сказано, что он «забит на своей отчизне»; это свидетельство (середины XVII века) можно понимать в смысле указания на рождение преподобного в Бресте или его окрестностях.

[4] Филипповичи (фамилия святого Афанасия) – мещане, упоминаются в актах города Берестья (Бреста) под 1637 г. и могли быть родственниками преподобного.

насилия латинян.

«Я, недостойный Афанасий Филиппович, – свидетельствует преподобный о себе[5] – милостью Божией и молитвами Пречистой Богородицы в вере православной и Церкви истинной Восточной, как следует, утвержден с самого детства и возникновения во мне разума».

Первоначальные познания «в науках церковно-русских» он получил, надо думать, в одной из братских школ, может быть, в школе родного города Берестья[6].

Где святой Афанасий получил дальнейшее развитие, не имеется сведений. Но несомненно он был одним из образованнейших людей своего времени: знал творения святых отцов, жития святых, а также и сочинения западноевропейских историков; свободно писал по-польски, по-латински и хорошо был знаком с греческим языком.

В своей молодости святой Афанасий «служил в разных местах», то есть вероятно как человек, выдающийся по своему развитию, занимался преподаванием в богатых домах польско-русского дворянства. Когда канцлер литовский Лев Сапега, с ведома польского короля Сигизмунда III (1587–1632), был назначен опекуном над Яном Фавстином Лубой, которому поляки с детства внушили мысль, что он закон-

[5] В сохранившихся до нас записках, или «Диариуше»; во вносных значках приводятся отрывки из записок святого Афанасия

[6] Берестейская школа была заведена по благословенной грамоте епископа Владимирского и Брестского Мелетия (Хрептовича) 6 июля 1590 г. Отнята униатами в 1597 г.

ный наследник Московского престола (сын Марины Мнишек, жены первого Лжедмитрия), Афанасий Филиппович, как известный по своему образованию человек, был приглашен к нему инспектором (надзирателем) и в этой должности прослужил семь лет при дворе Сапеги[7].

Вероятно суетная, беспечная и не в меру разгульная жизнь, которую пришлось наблюдать святого Афанасию при дворе богатого польского вельможи, произвела в нем нравственный переворот, и он стал часто задумываться «над греховностью века сего». Размышления привели его к тому, что он решил порвать связи с миром, отошел от Сапеги и в 1627 г. принял монашеское пострижение в Виленском Свято-Духовом монастыре. Отсюда святой послан был на послушание сперва в монастырь Кутеинский под Оршою (Могилевская губерния), а затем в Межигорский около Киева, где «немалое время учился воле Божией и жизни по закону»[8].

Из Межигорья святой Афанасий был снова позван в Вильно. При прощании межигорский игумен сказал преподобному: «Брат Афанасий, сохрани в глубине сердца по крайней мере три вещи: будь в послушании у своих старших, ревнуй

---

[7] По другому известию, Луба жил семь лет в монастыре у святого Афанасия и там учился у него грамоте

[8] Виленский Свято-Духов братский монастырь основан в 1609 г. Имел большое значение в борьбе Православия с унией. Кутеинский Богоявленский основан в 1623 г. Межигорский Спасо-Преображенский возник в XIII в., находится в 20 верстах к северу от Киева, на правом берегу Днепра, в долине между возвышенностями.

о церковном правиле и стерегись бесед с женщинами; когда, при помощи Божией, сохранишь это, спасешься и будешь потребен на службу Церкви Христовой. Иди с миром!»

На пути в Вильно преподобный встретил весьма больного человека, «взял его на себя и нес немало»; этот человек открыл подвижнику многое из тайн Божиих, «вложил ему в сердце сладчайшее имя Иисуса и научил, как сохранить его: 1) иметь в обращении с людьми разумную умеренность; 2) хранить послушание, чистоту и пребывать в бедности; 3) постоянно памятовать о двоякой смерти (духовной и телесной); 4) решительно во всем полагаться на волю Божию и 5) если бы по немощи тела приключилось что противное воле Божией, очищать себя исповедью и полным раскаянием».

В Вильно преподобный получил посвящение в сан иеромонаха и волей Божией и старших был назначен наместником в Дубойский монастырь под Пинском, где в течение трех лет «сильно боролся то со своими дурными помыслами, то с врагами Православия иезуитами». Канцлер литовский князь Станислав Радзивил в 1636 году отобрал Дубойский монастырь для поселившихся в Пинске иезуитов. Благочестивая душа святого Афанасия была глубоко потрясена этой неправдой, и он видел наяву необыкновенно страшные знамения на небе и на земле: на небе – грозные облака с войсками, выстроенными для битвы и готовыми к отмщению; на земле – семь адских огней, назначенных для семи смертных грехов; в одном из них (в огне пламенного гнева) ясно за-

метил трех людей: папского нунция в папской короне, короля Сигизмунда и гетмана Сапегу, сидящих в страшной печали за преследование Восточной Церкви. В горячей ревности по святой вере православной преподобный написал жалобный лист о притеснениях православных латино-униатами и, закрепив его подписями многих почтенных людей, вручил его Пречистой Богородице Купятицкой, то есть положил у Ее иконы, моля Ее вступиться и защитить православных от обиды.

По отобрании у православных Дубойской обители Афанасий Филиппович был оставлен на послушании в Купятицком монастыре и пребывал здесь в трудах и терпении. В это время (1636 г.) в Купятицкий монастырь пришли листы Петра Могилы, митрополита Киевского (1633–1647), с просьбой собрать милостыню на обновление кафедральной митрополичьей церкви Киево-Софийского собора. Просьба была исполнена, и в мае 1637 г. собранные деньги были отправлены митрополиту. Узнав от посланного, что в Купятицах церковь весьма стара, Петр Могила дал «универсальный лист» (общий лист, по которому можно было собирать подаяния на всем Юго-Западе Руси, а не в одной определенной местности или повете) для сбора подаяний на обновление этого храма, а игумен Иларион (Денисович), после совета с братией, возложил это послушание на святого Афанасия и на послушника Онисима Волковицкого; преподобный отнесся к труду на благо церкви, в которой помещалась Купя-

тицкая чудотворная икона Богоматери, с необыкновенным усердием и ревностью. После совещания, которое происходило в монастырской трапезе, рассказывает святой Афанасий, «вдруг страх весьма великий напал на меня и я сидел у стола точно одеревенелый; ушедши в свою келлию, я затворился и встал пред Всемогущим Богом молиться о своем послушании. Спустя немного, когда я стоял на молитве, на меня напал такой страх, что я порывался бежать из келлии, но, удержанный какой-то неведомой силой, остался и долго горько плакал и, хотя в келлии никого не было, я услышал сладкий голос: «Царь московский устроит Мне церковь; иди к нему». При этом меня точно облило варом, и я снова начал горько плакать, думая: что-то будет». В ноябре 1637 г., когда приближалось время отъезда на сбор, идя от заутрени из церкви, преподобный объявил игумену о своем видении, на что тот ответил: «Брате милый, куда тебя Всемогущий Бог и Пречистая Богородица поведут, туда и иди, а я тут с братией буду молиться, чтобы ты во здравии вернулся к нам; а о чем ты говоришь, не знаю, как это сбудется, когда у тебя нет и листа, который выдается от короля, нашего господина».

Простившись с братией, преподобный Афанасий вошел в притвор церковный и, поручая себя во всем попечению Божию, стал молиться с коленопреклонением; потом через окно взглянул на чудотворный образ Пречистой Богородицы, и ему послышался из церкви шум, очень страшный. Поверженный в трепет, он хотел бежать, но потом, собравшись с

духом, снова поглядел через оконце, говоря: «О, Пречистая Богородице, будь со мною». И в ту минуту от чудотворного образа Пречистой Богородицы послышался ясный голос: «Иду и Я с тобою». А диакон Неемия, стоя на левом клиросе наподобие иконы (этот диакон за несколько лет пред сим преставился в молодых летах после богоугодных подвигов иноческих) и, как бы заикаясь, вымолвил: «Иду, иду и я с Госпожою моей».

Когда святой Афанасий с Онисимом Волковицким приехали в Слуцк (уездный город Минской губернии), архимандрит Шицик отобрал у них листы и все Святки продержал их в большой тревоге, разобидевшись на купятицкого игумена за то, что он отправил сборщиков в Белоруссию без доклада ему, наместнику митрополита; но, устрашенный во сне видением, вернул листы путникам и сказал: «Делаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите с Богом, куда хотите».

Оттуда сборщики прибыли в Кутеинский монастырь близ города Орши. В монастыре удивлялись их смелому плану идти в Москву за сбором подаяний. Но предостерегали. «Господине отче Афанасие! – говорил наместник монастыря. – Трудно без пашпорта короля, нашего повелителя, идти вам через Смоленск и Дорогобуж за границу до Москвы: виленские чернецы и пашпорт имели для милостыни, а много набедствовались».

Святой Афанасий был напуган этими словами, но не оста-

вил своего плана; добыв от кутеинского игумена рекомендательные письма к разным протопопам и православным братствам, преподобный посетил Копыс, Школов, Могилев, Головчин. Но нигде не получил милостыни, потому что перед ним прошли другие сборщики. Вернувшись в Кутеинский монастырь и уже решив ехать назад, в Купятицы, преподобный услышал такой совет от наместника: «Отче Афанасие, брате милый! Жаль мне тебя, что ты, сделав так мало для своего послушания, отъезжаешь домой. Советую тебе: иди через Трубецк до Брянска; хоть и там будет не без труда, однако волей Божией, попадешь в столицу Московскую».

Запали эти слова в сердце святому Афанасию; передал он их и настоятелю Кутеинской обители, который благословил его на путь и дал рекомендательное письмо к князю Петру Трубецкому. С разными скорбями и неприятностями путники через Пропойск и Стародуб дошли до Трубецка. Но здешний воевода князь Петр, несмотря на письмо кутеинского игумена, отнесся к сборщикам крайне подозрительно, так как тогда было казацкое восстание под начальством Павлюка и граница оберегалась особенно строго. Трубецкой под угрозой великого наказания велел путникам возвратиться назад, и они уже хотели было ехать домой. Но решили побывать еще в Челнском монастыре. «Когда я, – говорит святой Афанасий, – шел пеший вдали перед конем и молился Господу Богу и Пречистой Богородице, страх великий напал на меня, так что я восклицал громким голосом: «О, Боже мой и

Пречистая Богородица, смилуйся надо мною! Что это делается?» В это время мне показалось, будто послушник говорит: «На что требуешь людской помощи? Иди в Москву, Я с тобою». Приблизившись к послушнику, я спросил его, что он говорил, а он ответил: «Ничего я не говорил тебе, я только сержусь на вас, что мы даром бродим».

Прибыв в Челнский монастырь, преподобный поведал братии, что при помощи Божией намерен добраться до Москвы; на это один из старцев ответил: «Не дойдешь, господине, так как время тревожное по случаю казацкого погрома, но если с тобою, как говоришь, помощь Божия, то можно дойти. Направляйся в Новгород Северский к воеводе Петру Песечинскому; счастье твое, если прикажет тебя пропустить, а тут везде великая охрана».

Святой Афанасий послушался этого совета. На пути к Новгород-Северску на ночлеге в постоялом доме, в глухую полночь, на преподобного напал великий страх и ему почудилось, будто кто-то едет с немалой свитой, слышался голос: «Есть, есть, он тут», а когда все утихло, Афанасий разбудил хозяина и, ничего не сказав ему, просил сию же минуту проводить на Новгородскую дорогу. В пути, ночной порой, не зная, куда ехать, преподобный, чтобы разогнать тревогу, начал возглашать акафист Богородице: «Взбранной Воеводе победительная» – с припевами: «Аллилуйя, аллилуйя», а затем под утро вздремнул. «Отряхнувши сон с очей, – пишет святой Афанасий, – я увидал юношу в мантии, сидящего на

нашем коне, поглядывающего взад на нас и указывающего дорогу. Юноша сказал: «Я Неемия, диакон, сожитель ваш купятицкий». Затем исчез, а когда взошло солнце, вместе с ним я увидел на небе крест, а в нем – образ Пречистой Богородицы с Младенцем, вроде Купятицкого, пронизанный и окруженный лучами солнечными. И после того, как я в раздумье немало смотрел на него, хотел указать на это чудо послушнику Онисиму, а он, встрепенувшись от сна, начал бить коня, и в тот миг образ стал невидим на небе, и я уже больше не упоминал ему тогда о видении. Приблизившись к пограничному селу перед полуднем, мы чудесно миновали стражу воеводы новгородского: один поселянин того села стоял около дороги, сняв шапку, а когда я поздоровался с ним, сказал мне: «Что это за Госпожа, отче, и куда едет с такой немалой свитой?» Я не знал, что отвечать ему, только сказал: «Но, но» – и отошел к саням».

Из селения проводила иноков большая толпа народа и около церкви во имя святого Афанасия, стоящей за селом в поле, путники волей Божией перешли границу и приехали в первое село Московской Руси Шепелево. Здесь они были приняты ласково. Все изумлялись, как это им удалось пробраться около стражи, видели в этом явную помощь Божию инокам-путникам, а одна женщина прямо сказала: «Воистину с ними едет Богородица, если они миновали охрану».

10 февраля 1638 года святой Афанасий с Онисимом прибыли в Севск, где голова с другим чиновным людом допы-

тывались, для какой нужды явились путники; узнав, что у них нет пропуска к царю, они сказали, что невозможно им добраться до столицы, преподобный на это ответил: «Иду по воле Божией и той иконы, которую даю вам в отпечатке на бумаге». Тогда они поверили ему и отошли, не приняв никакого решения. Когда преподобный при закате солнца был в одном лесу, неподалеку от Севска, явственно услышал следующий голос: «Афанасий! Иди к царю Михаилу и скажи ему: побеждай наших неприятелей, ибо уже пришел час; имей на военных хоругвях образ Пречистой Богородицы Купятицкой для помощи и в битвах храбро защищай каждого человека, именующегося православным».

Поздно ночью, сбившись с дороги, странники попали в деревню Кривцово, в пяти верстах от Севска, и выпросились на ночлег у одного христианина, у которого был сильно болен сын. Севши около страдальца, святой Афанасий обратился к Всевышнему с молитвой об его исцелении. На следующий день пришел к преподобному хозяин и говорит: «Старче великий, если ты священник, помолись Богу о сыне, чтобы он был здоров». Святой Афанасий, отправивши с послушником молебен, знаменал больного бумажным образом Пречистой Богородицы Купятицкой. О, дивные дела Божии! Точно как пробужденный от сна, больной поднялся и вскричал: «Откуда это пришла надежда моя Богородица исцелить меня?» И тотчас встал, возблагодарил Бога и прислуживал путникам за столом, а люди, бывшие при этом, сильно изумлялись в ра-

дости и страхе. Отец исцеленного проводил дорогих гостей на Брянскую дорогу и советовал непременно ехать в Москву.

По отъезде из Кривцов послушник Онисим доставил много беспокойства святому Афанасию и даже порывался бежать от него, говоря: «Вернемся в Литву, ибо здесь погибнем. Для чего мы терпим такую беду и добровольно отдаем себя еще большим опасностям? Настойчиво стремишься ты быть в столице Московской, не будешь, не будешь!» Преподобный, обратившись про себя с молитвой к Господу и Пречистой Богородице, тихо сказал своему спутнику: «Милый брат, побойся Бога! Ты ведь сам слышал и видел немало Божиих чудес над нами; зачем же не рассудительно поступаешь?» И обстоятельнее раскрыв перед ним Божественное попечение о них обоих, наконец, сказал: «Нам спутешествуют Пресвятая Богородица по обещанию Своему и Ангел Хранитель наш, которого я ясно видел в лице Неемии, диакона купятицкого».

Выслушав это, Онисим попросил у святого прощения и с того времени спутники ехали в полном согласии.

Когда спутники прибыли в Карачевский Воскресенский монастырь, его игумен принял их с любовью и посоветовал взять пропуск к царю от местного воеводы. Выслушав рассказ путников, воевода произнес: «Дивны судьбы Божии! Я об них выведывать не хочу, а каждому деянию Божию простым сердцем верую». И дал им лист и проводника до самой столицы. «Чудесным образом, – говорит преподобный, – до-

ехавши до Московской столицы, будучи за рекою Москвою, на Ордынской улице, в гостинице, и по всей правде написавши историю того, что происходило по дороге по указанию Божию (как Тому верую по простоте сердца), подал ее царю московскому на укрепление, охрану и распространение православной веры». Вероятно, история чудесного странствования святого Афанасия, поданная Михаилу Феодоровичу, пришлась вполне по душе благочестивому царю, и ее составитель, святой Афанасий, был отпущен домой с богатой милостыней на сооружение церкви во имя Пресвятой Богородицы Купятицкой. Из Москвы преподобный и его спутник выехали в Неделю Вербную (1638 г.) через Можайск и Вязьму до Дорогобужа, а отсюда Днепром на челноке через Смоленск и Оршу до Могилева, из Могилева 16 июня «возом» через Минск на Вильно и прибыли в Купятицы 16 июля 1638 года.

Скоро после того, в 1640 г., монашествующие Брестского Симеонова монастыря просили настоятеля Купятицкого прислать им на игуменство одного из двух лиц: Афанасия Филипповича или Макария Токаревского: Иларион Денисович, не желая пускать от себя ни одного из дорогих тружеников, отправил третье лицо, и брестские иноки не приняли его. Тогда решено было кинуть жребий, кому ехать в Брест, Макарию или Афанасию, и по воле Божией жребий пал на святого Афанасия. Расставаясь с ним, Иларион Денисович написал брестским инокам, что «с великой скорбью» отпус-

кает к ним «половину себя самого» и при этом прибавил: «Спостраждите во всем ему, да со Христом воцаритеся».

По прибытии в Брест на игуменство преподобный прежде всего занялся разысканием старинных грамот, епископских и королевских, которыми утверждались разные права и преимущества за вверенным монастырем. Усмотрев из сих грамот, что «уния со старым Римом, принятая вопреки законам Церкви Восточной, проклята навеки, я, – говорит Афанасий, – открыто в церкви и в разных местах объявлял об этом». Открытое заявление произвело столь сильное действие, что, по словам преподобного, «в месте том Берестейском и во всем округе того воеводства униаты начали испытывать величайшую тревогу». В следующем (1641) году, в сентябре, святой Афанасий отправился на сейм, то есть на собрание государственных чиновников, в Варшаву и выхлопотал у короля Владислава IV (1632–1648) за его собственноручной подписью грамоту (привилегий), которой подтверждались все старые преимущества православного братства в Бресте и обеспечивалась на вечное время полная свобода богослужения и обрядов по уставу Восточной Церкви. Но по законам царства Польского королевский привилегий не мог иметь силы без утверждения его печатью коронного канцлера или подканцлера. Святой Афанасий молился об этом и даже предлагал деньги, но напрасно.

«Будете все униатами, – говорили хранители печатей просителю, – так мы и даром запечатаем; знайте, что нам от свя-

того отца, Папы Римского, под клятвой запрещено умножать здесь греческую веру».

Тогда преподобный обратился за советом и помощью к православным, сначала к влиятельным духовным особам, прибывшим на сейм. Но и здесь не нашел он поддержки, так как каждый из них был занят исключительно своими частными делами и выгодами. «Остальные отцы и монахи, – замечает преподобный, – все приехали со своими личными побуждениями и говорят одно: у меня довольно церквей, как себе кто хочет, так пусть и хлопочет, это не мое дело. О полном и общем успокоении веры православной даже нет и помину». Проникнутый мыслью «о полном и общем успокоении», святой Афанасий чутко прислушивался к жалобам на унижение Православной Церкви, которые раздавались отовсюду и были принесены в Варшаву приехавшими на сейм по разным делам горожанами. Трогательными чертами со слов православных мирян описывает преподобный бедствия Православной Церкви в Польско-Литовском государстве: «Даже и за деньги нельзя иметь свободы в отеческом благочестии и поступать, как требует совесть православных людей. О, горе! Живут дети без крещения, взрослые – без венчания, а умерших хоронят крадучись, ночью, в полях, огородах, погребах. Здесь, в христианском государстве, православные люди терпят больше стеснений, чем в турецкой неволе. Бедные оршане потому только, что в своем братстве устроили новую церковь, должны были дать за печать двести червонцев». По-

раженный грустью при мысли об этих притеснениях православных, святой Афанасий однажды говорил сам себе: «О, Боже правый! Весы беззакония упали до самого края; уже и отцы наши старшие не пекутся о вере православной, об утверждении славы Божией; все как будто стыдятся ее, а что хуже всего – некоторые, обольщенные латиной и высокоумием, из-за почестей и свободы света сего, безрассудно перекидываются от истинной веры к другой вере и, как бы хромая, возглашают: «О, и та и эта вера добра», а этого быть не может, чтобы существовало много вер добрых, ибо написано: *Един Господь, едина вера, едино крещение* (Еф. 4, 5)».

В одном из видений притесняемая Церковь Православная представилась преподобному Афанасию в виде девы, ограбленной, плачущей и жалующейся на врагов своих. Потом на постоялом дворе, когда святой Афанасий совершал акафист Пречистой Богородице и произнес слова: «От всяких нас бед свободи», то услышал от образа Богоматери явственный голос: «Афанасий! Жалуйся теперь на сейме при помощи иконы Моей Купятицкой, в кресте изображенной, перед королем польским и государством, грозя праведным гневом и страшным Судом Божиим, который вот-вот поистине наступит, если не образумятся; пусть прежде всего навеки осудят проклятую унию – в этом самая насущная нужда, и им еще может быть хорошо».

Исполняя это повеление, преподобный в 1643 году, как святой пророк Илия, ревнующий об истинной вере, отпра-

вился на генеральный сейм в Варшаве. Он взял с собою по семи экземпляров образков Купятицкой Богоматери, написанных на полотне, историю своего путешествия в Москву и «надписание», заключающее предостережения о гневе и Страшном Суде Божием за преследование Православия и покровительство унии. Вместо прошения от Церкви Восточной преподобный раздал знатнейшим членам сейма из дворянских родов иконы Богоматери с приложением и в присутствии всех членов сейма обратился к королю со следующей речью: «Наияснейший король польский, господин мой милостивый! Мы терпим несносную кривду; не хотят нам, людям православным, в делех церковного благочестия утверждать печатями привилегии, не хотят нас защищать на основании прав, скрепленных присягой вашей королевской милости, и вот уже около 50 лет вера православная и Церковь Греческая Восточная под вами, христианскими панами, в королевстве Польском в угоду проклятой унии терпит чрезмерные притеснения, и это при содействии и помощи ненавистных римских церковников, в особенности же иезуитов, чрезвычайно хитрых. Эти иезуиты с помощью точеных речей, лукавых наук и высоких титулов, овладевая душами молодых людей, устрояя в школах комедии, проповедуя в костелах и издавая превратные книжки, измышленные по внушению сатаны, безбожно соблазняют простых людей, своих потатчиков, а православных христиан, сами будучи неправославными, предают позору и преследуют».

Ревнитель Православия передал королю снимок с Купятицкой иконы Богоматери и приложил к нему особое писание. Этим писанием преподобный просил короля успокоить правдивую веру греческую, а унию уничтожить. Он писал Владиславу: «Если унию проклятую искорените, а Восточную истинную Церковь успокоите, то поживете лета ваша в счастье, а если не умирите истинной греческой веры и не сметете с лица земли унии проклятой, то воистину познаете гнев Божий. Образ Пресвятой Богородицы да будет вам трубою и знамением, предваряющими Страшный Суд Божий, который имеет наступить, когда благословенные унаследуют Царство Небесное, а проклятые будут низринуты в ад на вечные муки».

Грозные речи и писания Афанасия, конечно, должны были поразить сердце короля и сенаторов, и, вероятно, правительство по этому поводу выразило свое неудовольствие представителям православной партии на сейме, и «свои отцы старшие» взяли Афанасия, объявили помешанным и посадили под стражу. «Я, – пишет преподобный, – остался поруганным, осмеянным и оплеванным за то, что (прости им, Боже!) не докладывался им, защищая мольбы (как будто нужно докладываться в таких тайнах Божиих и сделал это по собственному хотению, а не воле Божией). О, горе! До чего дошло у мудрых на латинский образец. Уже нисколько не заботятся о вере и не слушают воли Божией, но, всецело надеясь на себя и на свой разум, творят свою волю и своих

же угнетают». Снедаемый скорбью, что не только король с польской шляхтой, но и своя братия духовная не хочет поддержать великое дело успокоения веры православной, Афанасий, подражая Христа ради юродивым, притворился как бы безумным. Вышел из темницы нагим, имея на себе только клобук да параманд[9] для показания своего звания, вымазался в болоте и, поражая себя посохом, бегал по улицам Варшавы и восклицал громким голосом: «Горе проклятым и неверам!»

Преподобный имел намерение вбегать в костелы и возглашать те же слова, но его догнали слуги владык, съехавшихся на сейм, и, втолкнув в болото, глубиной выше колен, продержали его до прихода с постоялого двора воза. Произошло это в марте месяце: страдалец терпел великую стужу. Еле живой на возу был доставлен во владычную гостиницу и снова кинут в заключение. По жалобе некоего Даниловича, архиерейского писаря, «старшие отцы судят» преподобного и, «не имея на это никакого права[10], постановляют решение: лишают его игуменства и пресвитерства», затем препровождают его, как зачумленного, от одной духовной особы к другой и по окончании сейма отправляют на суд к Киевскому

---

[9] Параманд, или аналав, – четырехугольный плат с изображением креста; его носят монашествующие на груди под одеждой при помощи шнурков, которые прикрепляют к верхним углам и перебрасывают на рамена. В древнейшее время аналав состоял из двух надеваемых крестообразно ремней.

[10] По церковным канонам пресвитера может судить только епископ, а последнего на сейме не было.

митрополиту, которым тогда был знаменитый Петр Могила.

Консистория митрополита оправдала Афанасия, и варшавское определение было уничтожено. «Когда я на суде, – замечает Афанасий, – припомнил, как меня в Варшаве водили от гостиницы к гостинице, отец Гизель[11] сказал: «Как от Анны к Каиафе», то есть сравнил варшавский суд над Афанасием с судом первосвященников иудейских над Иисусом Христом.

Восстановленный в пресвитерском сане, преподобный неоднократно совершал святые литургии в Киеве, как в пещерах, так и в церкви Успения Богоматери, а когда православное Брестское братство вошло к митрополиту с просьбой вновь прислать на игуменство святого Афанасия, Петр Могила исполнил это ходатайство братчиков. В грамоте братству по поводу возвращения игумена митрополит ставил на вид, что преподобный посылается на игуменство «после надлежащего вразумления духовного за поступок, который всей Церкви

Российской причинил скорбь и трудности», и что Брестский игумен вперед «будет осторожней поступать в делах церковных, особенно же перед королем, его милостью, господином нашим милостивым и всем пресветлым его сенатом».

Вернувшись в Брест, святой Афанасий всей душой отдал-

[11] Иннокентий Гизель († 1684) – известный проповедник и писатель южнорусский, автор первого учебного руководства по русской истории.

ся монашеским подвигам с братией вверенного ему Симеонова монастыря. Но обстоятельства в Западной Руси слагались в то время так, что тихая и уединенная жизнь иноков постоянно прерывалась. Православные – как духовенство и монахи, так и миряне – терпели много притеснений за свою веру: не раз испытывали от своевольных школьников иезуитских и от униатских попов ругательства, позорные насмешки и битье, нападения и всякого рода бедствия. Один униатский архимандрит, насильно захвативши на большой дороге монахов, посланных к святому Афанасию из Купятицкого монастыря, священноиноку отрезал бороду, диакона раздел донага и обоих прогнал, а двух монастырских коней со всеми вещами грабительски присвоил себе. Дошло до того, что никому из монастыря нельзя было показаться на улицу, не подвергаясь ругательствам. «На каждом месте, – рассказывает святой Афанасий, – во дворах и судах, ругаются над нами и кричат на нас: «Гу-гу, русин, волк, схизматик, турко-гречин, отщепенец».

Так как канцлер Сапега считался покровителем (патроном) Брестского монастыря (обитель имела землю, им данную), то преподобный в 1644 году ездил к Сапеге в Краков и просил своего прежнего хозяина, чтобы он выхлопотал у короля охранный лист для православных жителей Бреста, которые не находят в судах защиты от притеснений со стороны униатов. Но гордый вельможа дал такой ответ преподобному: «Поп с попами подрался, а мне какое дело? Сделайтесь

униатами и будете жить в покое».

Обиды и притеснения, которые отовсюду сыпались на православных, разумеется, не могли не волновать преподобного. В сильном возбуждении он становится на молитву перед Купятицкой иконой Богоматери и опять явственно слышит голос, исходящий от святой иконы: «Афанасий! Проси еще с помощью Моего образа на будущем сейме перед королем польским и Польским государством о полном уничтожении проклятой унии. Хорошо будет, если послушают и уничтожат ее: поживут еще счастливо в будущих летах».

Устрашенный видением, святой Афанасий пять дней был чрезвычайно слаб, не пил, не ел и все раздумывал о том, как ему поступить. Он знал, что смелые речи на сейме снова вызовут суд над ним и осуждение, и в то же время боялся нарушить волю Божию. Смущался великостью дела, которое на него, смиренного, возлагал Господь, и успокаивал себя тем, что даже ослица Валаама говорила некогда по воле Божией. Подобно другим инокам хотел бы преподобный сидеть в обители, молясь Творцу своему за себя и за всех властей, духовных и светских, а особливо за своих благодетелей, но, вынуждаемый волей Божией, он начал готовиться к генеральному сейму 1645 г. Преподобный Афанасий имел намерение, как в предшествующий сейм, поднести корою и сановникам в нескольких тетрадях снимок Купятицкой иконы Пресвятой

Богородицы вместе с описанием чудес от нее во время пу-

тешествия в Москву, а затем сделать предложение об отмене унии и успокоении православной веры. Но преподобному не суждено было осуществить свои намерения: в ноябре 1644 г. он был арестован в Бресте, отвезен в Варшаву и брошен в оковы, в которых содержался более года [12].

И в тюрьме, как на свободе, преподобный более всего отдавался скорби о тяжелом положении Православной Церкви в Польско-Литовском государстве и мысли о «полном и общем успокоении» истинной веры. Лучшим выражением его тогдашнего настроения служит стихотворение, которое он составил, сидя в тюрьме, и, положив на голос, распевал для утоления душевной боли: «Пошли покой Церкви Своей, Христе Боже! Не знаю, может ли кто из нас терпеть дальше! Дай нам помощь в печали, чтобы мы всецело отдались вере святой, непорочной».

Когда надзор за преподобным был ослаблен, он, сидя в

[12] Арест Афанасия вызывался не столько его борьбой с унией, сколько политическими причинами. Около этого времени правительство осведомилось о существовании в Польше самозванца, названного выше Лубы; в 1644 г. о Лубе говорил с преподобным московский посол, желая узнать, именует ли себя царевичем его бывший воспитанник. В письме Лубы, переданном Афанасием послу, нашлись указания, что он зовет себя царевичем, и московское правительство потребовало выдачи самозванца, король и сенаторы защищали его, но, наконец, вынуждены были отправить его в Москву для допроса. Боясь, что московское правительство не отступит от своих требований о выдаче Лубы, польские власти арестовали святого Афанасия в надежде, не тронет ли участь игумена царя и бояр и не отнесутся ли они поэтому мягче к судьбе Лубы. На арест могло иметь влияние и то, что польское правительство подозревало, не Афанасий ли указал московскому послу на забытого в то время самозванца.

тюрьме, усердно занялся составлением памятной записки (мемориала), которая и подана была от его имени королю Владиславу 29 июня 1645 года во время заседания генерального сейма. В записке своей преподобный доказывает: Русь с самого принятия христианства стояла в церковной зависимости от Константинопольского патриарха, а униаты, «отбегшие пастыря своего законного» и отдавшиеся другому, не настоящему (папе), подлежат анафеме, как отступники от веры; самая уния принята была духовными по корыстным побуждениям: например, епископ Игнатий Поцей, один из ее защитников, добивался сенаторского кресла; митрополит Рагоза и епископ Кирилл Терлецкий склонялись к унии, привлекаемые вольностями, которые им обещаны от лица папы. «От того часу, – говорит святой Афанасий, – как Каин Авеля и Измаил Исаака, так проклятый униат бил и преследовал православного брата своего и по сие время, с помощью прислужников и врагов правды святой, при попущении Божием, как хочет, так и злодействует: бедных людей всякого сословия, как в братствах церковных, так и во всяких советах, судебных и ремесленных, клевеща безбожно, грабит и дерет со всего, что имеют православные христиане – с веры святой, с совести чистой, с славы доброй, с имущества, всячески поносит их и бьет; кроме того – и это хуже всего – печатает, отбирает, повергает в нищенство и уничтожает церкви, мешает свободе благочестивой совести. Во многих и разных местах в королевстве христианском ради той проклятой

унии и по сие время совершаются ненужные кровопролития. В конце концов и с казаками из-за той же унии была внутренняя бесполезная война; из-за нее милость исчезла чуть не во всех; из-за нее ласкательство, подхалимство, зависть, предательства, злодейства и – хуже всего – размножается проклятая вражда; из-за нее погиб порядок духовный и светский». Святой Афанасий обращается к королю с мольбою отменить унию, введенную королевской властью: духовные отцы (епископы) уже не могут улучшить положения, так как сами нуждаются в исправлении. При вступлении на престол король присягою скрепил обещание умирить Православную Церковь, а между тем этого не сделано и доселе. Не нужно насилия ни над чьей совестью: пусть униаты остаются, если хотят, при своих заблуждениях, но и пусть православные будут свободны в своей вере.

Неизвестно, как эта горячая мольба узника была принята королем, думая, что бумага не дошла до него, преподобный из темницы пишет второе прошение, в котором обращается к королю с трогательным воззванием: «Смилуйся, наияснейший король польский, господин мой благосклонный, над гонимою Восточною Церковью, которая находится в твоем королевстве». Это прошение, оправленное в зеленый атлас, во время проезда короля по Варшаве было брошено кем-то в его карету и прочитано Владиславом IV, но распоряжения по нему не было сделано. Еще одна бумага, назначавшаяся корою, не была им принята, «Не нужно, не нужно больше

ничего, – сказал он, – я уже приказал выпустить его».

Действительно, 19 октября 1645 года по приказу Владислава было написано Киевскому митрополиту, чтобы он прислал взять к себе Афанасия, который «заслужил наказание, но его королевская милость оставляет без внимания»; вместе с тем от митрополита требовалось послать беспокойного для польской власти игумена в такое место, где бы он не мог уже «чинить никаких тревог». Тем временем с преподобного сняли оковы и ослабили надзор, так что он мог свободно получать письма от близких ему людей. Одно из присланных в тюрьму писем, утешая узника, называет его исповедником, преподобный сравнивается здесь со святым апостолом Павлом, и говорится далее, что «среди запустения он процвел как благоуханный цвет, сияющий не только российскому народу, но всему соборному вселенскому благочестию». Хотя святой Афанасий мог легко бежать из тюрьмы, но он не соблазнялся свободой и требовал суда над собой или, по крайней мере, приема у короля. Он рассылал письма и прошения к лицам, влиятельным при дворе, чтобы они испросили ему у короля прием, и король было согласился выслушать игумена, но католическое духовенство отговорило Владислава, и 3 ноября 1645 года преподобный был отправлен с двумя драгунами в Киев. Явившись к митрополиту Петру Могиле, святой Афанасий представил ему подробный отчет о своих деяниях в Варшаве с приложением в копиях документов, которые им были даны королю. Вероятно, преподобный надеял-

ся, что митрополит и на этот раз оправдает его, как оправдал раньше, и отошлет опять на игуменство в Брест, но королевское повеление возымело свою силу: подвижник был оставлен в Печерском монастыре как бы под началом. Заключение преподобного в Киеве сильно волновало многочисленных его почитателей и один из них, по имени Михаил, писал по этому поводу наместнику и братии Брестского монастыря в следующих выражениях: «Извещает ваше благочестие меня, что пречестный отец Афанасий разрешен от узилища иноверных и послан в Киев на заключение к единоверным. Это дивно для меня, ибо и Христос, Господь наш, пострадал не от неверных, но от верных своих предан был в руки человек грешных. Пророчествует господин отец Афанасий, что уния погибнет. Я бы веровал этому, если бы видел наши заслуги, но я не вижу их и не смею веровать в конец (унии). А почему, спросите? Потому что наша Русь этого не хочет, особенно же старейшины. Кто не желает ратовать против унии, тот стремится к ней; поэтому наши старейшины хотят унии, если не словом, то делом, что еще хуже». Вероятно под влиянием этого ясно обнаружившегося расположения православных к святому и последовавшей 1 января 1647 года смерти Петра Могилы преподобный получил свободу и вновь вступил на свое игуменство.

Но недолго святой Афанасий наслаждался покоем в тихой обители Брестской. Весною 1648 года в Малороссии вспыхнуло казацкое восстание под предводительством Бог-

дана Хмельницкого, началась несчастная для поляков война. Православное население Литвы и Польши во время войны страдало еще больше, было на постоянном подозрении в измене польскому королю, в соучастии с восставшими казаками. И святой Афанасий принял тогда мученическую кончину, несправедливо обвиненный в измене.

О суде над преподобным и его казни обстоятельно рассказывает особая повесть, составленная под сильным впечатлением скорбных событий послушниками Брестской обители святого Симеона, почитателями святого Афанасия. «Что мы видели своими глазами, что могли узнать от других людей о муках и отшествии из мира сего покойного отца Афанасия, нашего игумена, о том пишем и свидетельствуем. Кто-то недобрый в то время поднял войну с казаками: и встали великое преследование и неосновательное подозрение от иноверных на бедную Русь во всей короне Польской и великом княжестве Литовском. Покойный отец игумен уже не говорил ничего, противного униатам, сидел себе тихо в монастыре в то тревожное время. Вдруг паны из каптуровых судов[13] воеводства Брестского по навету пана Шумского, в то время капитана королевской гвардии, прислали несколько человек шляхты в наш монастырь, чтобы взять игумена в замок. А был тогда день субботний, именно 1 июля, и покойный сам

[13] В мае 1648 г. умер Владислав IV и было объявлено бескоролье, на время которого обычно учреждались по воеводствам каптуровые суды, или временные судилища, ведавшие уголовные дела, касающиеся шляхетского (дворянского) сословия.

служил литургию в храме Рождества Пречистой Девы Богородицы в другом своем монастыре[14].

Когда он, находясь у престола, заметил в церкви, как раз во время пения «Иже Херувимы», шляхту, за ним пришедшую, – сильно встревожился, как бы впал в забытье и стоял долго, ничего не совершая, так что можно было пропеть Херувимскую песнь в другой раз. Потом оправился, опять начал служить и всю литургию окончил чинно. А по окончании обедни выслушал от шляхты, что она пришла за ним, и немедленно, никуда не заходя из церкви, взявши с собой другого брата, пошел в замок. Там, став перед панами судьями, начал сперва громко говорить им и с почетом к судьям привел то, что святой апостол Павел был перед царем Агриппою и считал себя счастливым, так как знал, как ему защищаться (см.: Деян. 26, 1–2). Но паны судьи отнеслись с презрением к речи покойного игумена и, не слушая больше, приказали доносчику, названному пану Шуйскому, начать докладывать дело против него о посылке каких-то листов и пороху казакам. А отец игумен отвечает на это: «Милостивые паны! Это клевета и ложный вымысел, будто я посылал листы или порох казакам. Ведь вы имеете немало дозорщиков, пошлите за ними, и пусть они покажут, если я когда-нибудь и куда-нибудь отправлял порох. Что касается листов,

[14] Рождественский Брестский монастырь существовал уже в конце XV столетия. В конце XVI в., во время смуты после введения унии, им овладели униаты. Указом короля Владислава IV монастырь был снова возвращен православным. Теперь не существует

то пусть ябедник приведет какое-нибудь доказательство, что я посылал их, как он клевещет». Тогда немедленно послали доносчика Шумского и других при нем, чтобы перерыли наш монастырь и отыскали порох и листы. А когда ничего не нашли там и уже уходили назад, доносчик отрыгнул злобу свою и сказал гайдукам[15]: «Что же вы не подкинули какого-нибудь мешочка с порохом и не донесли, что нашли тут у монахов».

Увидали затем и сами паны судьи, что не было никаких доказательств вины игумена, а одна только пустая молва, вернее клевета, и успокоились. Но стали допрашивать о другом предмете и сказали: «Но ведь ты унию святую бесчестил и проклинал?» Положивши на себя знамение креста Господня, покойный отец игумен в ответ на это произнес: «Ужели, милостивые паны, вы за то велели мене явиться к вам, что я бесчестил и проклинал вашу унию? Что я говорил на сейме в Варшаве перед его милостью королем Владиславом IV, господином своим яснейшим, и перед пресветлым его сенатом, что всюду провозглашал по воле Божией, то утверждаю и теперь пред вами: проклята ваша теперешняя уния, и ведайте по сущей правде, что если ее не истребите в своем государстве и Православной Восточной Церкви не умирите, навлечете на себя гнев Божий». А сказал это громким голосом, чтобы и те, кто был поодаль, могли хорошо слышать. Сейчас же на эти слова некоторые крикнули: «Казнить, четвертовать, посадить на кол такого схизматика!» И уже начали

[15] Гайдук – легковооруженный воин, пехотинец.

было его толкать от одного к другому и рвать во все стороны. Но паны судьи велели всем на время из избы выйти и, потолковав между собой, говорят отцу игумену: «Ты заслужил, чтобы тебя сейчас же предать позорной смерти (и она не минет тебя). А теперь мы приказываем взять тебя в темницу, пока не получим какого-либо указания из Варшавы».

Тогда отпустили брата, с ним бывшего, а его отдали в тюрьму при арсенале в замке Брестском от Рождества Христова в год 1648, июля первого. Несколько дней спустя приказали наложить оковы на ноги его, и так он просидел в темнице до 5 сентября того же года. В это время покойный (то есть святой Афанасий) несколько раз посылал из тюрьмы некоего брата к панам судьям, прося, чтобы сделали для Него одно из двух: или приказали снять кандалы, или выпустили из арсенала, а в оковах он обещал ходить сколько им угодно. Он задумал это, как сам объяснил нам, чтобы свидетельствовать перед ними и вразумлять, не отступят ли от своей давней и упорной привязанности к унии. «Ибо, – говорил он, – если поступят со мною столь мягко, что освободят или из оков, или из тюрьмы, то снесут и мои речи против унии; если же не захотят позволить этой малейшей вещи, очевидно, не допустят большей и будут крепко стоять за унию. А затем, – пояснил он, – мы никак уже не можем надеяться на покой, который, как известно, отнят у нас в этом государстве во имя унии и с целью лишить Восточную Церковь, мать нашу, ее прав». Поэтому он, когда увидел, что не желают позволить

ему ни того, ни другого, смело начал возглашать: «Не покинет государства этого меч и война, пока не сокрушат выю унии; благочестие, даст Бог, опять скоро зацветет, ей, ей, зацветет, а уния быстро погибнет». И часто бывало так, что он, когда заметит из арсенала шляхтичей, говорил им через окно такие речи.

Однажды пришел к отцу игумену тот брат, который ходил с ним к панам на суд, и говорит ему: «Не хотели вас паны избавить ни от оков, ни от тюрьмы, а ведь война с казаками улегается». За тем братом пришла и шляхта слушать, что отец игумен ответит на его слова, а он тотчас при всех произнес: «Не уляжется война, ибо не хотят из государства изгнать унии». Шляхта, услышав это, закричала: «Ах, какой схизматик!»

Раз в присутствии князя и епископа, которых здесь не называем, приказали паны судьи привести к себе покойного в оковах, и спросил его епископ, действительно ли он проклинает унию. Покойный сознался перед ним, говоря: «Действительно, она проклятая». А тот, не желая его больше слушать, ответил: «Скоро ты увидишь язык свой перед собою в руках палача». И приказал его отвести опять и посадить в тюрьму.

Когда миновал четвертый день сентября 1648 года и наступила ночь пятого числа, взяли покойного отца игумена из темницы и, расковав кандалы, проводили в обоз (подвижной укрепленный лагерь). Говорят, что перед отправлением его в обоз иезуиты, знавшие об осуждении его на смерть,

ночью приходили к нему в темницу и, как привыкли поступать всегда, сперва словами и обещаниями старались отвратить его от православной веры, а потом стращали огненными муками. Но, милостью Божией ничего не успев, сами ушли вспять, а одного ученика своего послали к нему, побуждая, чтобы передумал и не губил себя. Но на это он велел ответить так: «Пусть иезуиты знают, что как им приятно пребывать в прелестях мира сего, так мне приятно пойти теперь на смерть».

Что потом в обозе творили с ним, об этом ходят между многими людьми такие рассказы. Когда его ночью препроводили в обоз и хотели отдать бывшему там воеводе берестейскому, пан воевода не желал его брать к себе и сказал: «Для чего вы привели его ко мне? Он уже в ваших руках; делайте же с ним, что хотите».

Когда же, таким образом, начальник выдал его, его взяли к себе те, которые давно жаждали его крови (иезуиты и их помощники униаты), и отвели в лесок, бывший недалеко от обоза, а от места (то есть города Бреста) в четверти мили, в левой стороне по направлению к селу Гершенович. Там его сперва припекали огнем, а один гайдук стоял тогда поодаль и слышал голос покойного отца игумена, как он им что-то грозно отвечал во время мучений. Потом вдруг закричали на того гайдука и велели ему зарядить ружье двумя пулями и в то же время приказали перед ним приготовить яму. Сначала требовали от покойного, чтобы он отрекся от своих слов

об унии, но он ответил: «Что сказал, сказал, и с тем умру». Тогда велели гайдуку выстрелить ему в лоб из ружья. Гайдук, видя, что он духовный и знакомый ему, не торопился, но сперва испросил у него прощение и благословение, а потом выстрелил в лоб и убил[16].

Покойный, уже простреленный двумя пулями в лоб навылет, еще стоял некоторое время, опершись о сосну как бы своей силой, так что его велели сбросить в приготовленную яму. Но и там он сам обернулся лицом к небу, сложил крестом руки на персях и протянул ноги; потом и нашли его так лежащим в названном месте. В ту ночь, когда замучили покойного, великий трепет напал на нас и на всех мещан от этих дел, и, хотя ночь была ясная и не виделось облака даже в аршин величиной, молния была ужасная и разливалась по всему небу. И так лежал покойный, неведомо для нас, без погребения от 5 сентября до 1 мая, в течение восьми месяцев. Мы знали, что его уже нет на свете, но не ведали, где его тело, пока один мальчик, лет семи или восьми, не указал нам место, где оно было зарыто. Мы сперва желали увериться, подлинно ли это он или кто другой, потому что его могли оттуда тайно перевезти на другое место (земля, на котором лежало тело его, принадлежала иезуитам). Поэтому, дождавшись ночи, откопали его и, узнавши, что это подлин-

[16] По сказанию древнего краткого жития, святой Афанасий был усечен мечом во главу, и когда его вели на казнь, он обратился к православным с увещанием стоять за истинную веру свою и предсказывал торжество Православия в Западном крае.

но он, немедленно перенесли его в другое место. При теле его не нашли ничего из вещей, кроме одной рубашки – и то изорванной – и одного сапога. На другой день с позволения полковника брестского перевезли игумена в монастырь Рождества Пречистой Богородицы, а несколько дней спустя (8 мая), совершив отпевание по чину церковному, похоронили его в склепике на правом клиросе в храме преподобного Симеона Столпника. Там и до сих пор тело его находится без нетления[17].

Знаки муки и смерти на теле его следующие: под пахами с обеих сторон кости голые, впрочем тела по местам немного осталось, но и то от огня очень почернело; во главе три отверстия: два близ уха с левой стороны, в величину ружейной пули, а третье – с правой стороны за ухом, гораздо больше, нежели первые два, лицо у него все почернело от пороха и крови, язык из рта несколько выпал и усох промеж зубов: думаем, что его похоронили еще живого и это сделалось с ним от великой тяготы смертной. Бог благодатью Своею да утвердит и нас в благочестии и да пошлет терпение ради имени его святого».

Преподобный Афанасий был местно признан святым весьма скоро после своей кончины, в 1658 году, 5 января. Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерский, с Иосифом Нелюбович-Тукальским (с 1664 г. митрополит Киев-

[17] Так рассказывается в «повести» о кончине святого. О честных мощах св. Афанасия сказано ниже.

ский) в письме к царю Алексею Михайловичу говорят, что тело Афанасия «откровенно бывши, и доселе, дивну Богу во святых Своих, в Бресте пребывает нетленно». В 1666 году в Бресте было составлено на польском языке житие, в котором Афанасий называется «святым и преподобномучеником». Мощи его покоились сначала в медной раке, но в 1816 году, 8 ноября, сгорели вместе с деревянной церковью святого Симеона Столпника; остались лишь обоженные частицы, которые в присутствии молящихся были уложены на оловянном блюде и помещены в Благовещенской церкви монастыря. В 1823 году для частиц мощей была устроена рака и они поставлены открыто для всенародного чествования. В 1824 году монастырь был упразднен, его церковь обращена в приходскую и святые мощи помещались в крепостном Николаевском соборе; по сооружении же в городе Симеоновского каменного собора в 1865 г. сюда были перенесены останки преподобного, где и пребывали.

Память святого Афанасия, как мученика за веру, на Юго-Западе Руси была настолько живуча и сильна, что не нуждалась ни в каких внешних уверениях и свидетельствах. Поэтому до нас не сохранилось записей его чудес вплоть до середины XIX века. Под 14 ноября 1856 года в местных записях отмечается следующее знамение Божие от мощей святого Афанасия. Помещик Владимирской губернии Николай Александрович Поливанов, возвращаясь из-за границы, должен был задержаться в Бресте вследствие тяжелой болезни

десятилетнего сына Александра. Болезнь развивалась быстро и не оставалось никаких надежд на выздоровление отрока. Пригласив местного священника для напутствия сына Святыми Таинами, отец стал горько скорбеть, что здесь нет святыни, как в центре России, чтобы можно было прибегнуть к ней с горячей мольбой об исцелении ребенка. Священник ему сказал, что в Бресте имеется святыня – мощи преподобного Афанасия, и Поливанов стал просить привезти ковчег с мощами, отправить при больном молебствие и приложить его к ним. Благочестивое желание отца было исполнено, и как только ковчег с частицами мощей прикоснулся к Александру, страдания болящего тотчас же прекратились и он, вопреки ожиданиям врачей, вскоре совершенно выздоровел. 15 августа 1857 года благодарный отец прислал в Брест серебряную с позолотой раку весом тринадцать с половиной фунтов, в которую и были торжественно переложены мощи святого Афанасия.

Под 14 мая 1860 года записано следующее чудо от святых останков преподобного. Местный протоиерей Василий Соловьевич страдал грыжей, так что у него стали выходить наружу внутренности; доктора советовали больному сделать довольно тяжелую операцию, но он не согласился и стал готовиться к смерти; исповедавшись, он пожелал перед приобщением Святых Таин отслужить молебен святому Афанасию, которого он весьма почитал; во время молебна внутренности его вошли на свое место; больной, к полному удивле-

нию врачей, совершенно оправился и не испытывал больше приступов боли.

Тропарь, глас 2

Блажен еси, отче наш Афанасие, яко верно пожил еси, стоя бодренно за святую православную веру, со умилением присно поя неседальное Пречистей, заповедая никомуже нарушати православныя веры святыя, пострадав за свидетельство истины даже до смерти. Мы же, чтуще святыню твою, со дерзновением взываем ти: отче наш, преподобномучениче Афанасие, похвало и украшение наше.

Кондак, глас 4

Монашескаго жития украшение и мучеников красоту явил себе житием твоим, Афанасие, и яко солнце пресветлое людям православным возсиял еси. Темже и Христос даром чудес обогати тя; да чтуще пресветлую память твою, зовем ти: поминай стадо твое молитвами твоими, преподобне.

Молитва

О великий угодниче Христов, святый преподобномучениче Афанасие! К тебе мы, грешнии и смиреннии, яко к тепло-

му нашему заступнику и скорому помощнику, молитвенно прибегаем и из глубины сердца взываем: призри на ны скоро и умоли Человеколюбца Бога, да не осудит нас грешных по беззакониям нашим, но да сотворит с нами по великой Своей милости. Охрани нас своим заступлением от облежащаго ны суемудрия и неправоверия и, яко пастырь добрый, упаси заблудшия овцы стада Христова и во дворы Господни сия всели. Огради нас от соблазнов, ересей и расколов и настави твердо в вере православней подвизатися. Потщися, скорый о нас предстателю, благоприятным твоим ходатайством умолити Господа, да ниспослет нам тихое и богоугодное житие, уврачует Своею благодатию наша болезни душевныя и телесныя, согреет наша сердца любовию друг ко другу и сотворит ны братолюбны и единомысленны. Испроси такожде у Господа и всего потребнаго для жития нашего телеснаго: земли плодородия, благорастворения воздухов и мирнаго устроения. Страну нашу, веси и грады охрани молитвами твоими от огня, потопа, труса, вражескаго нашествия и внутренних нестроений, егда же приспеет час кончины нашея, утверди в нас память смертную, да и мы в истиннем покаянии и чистем сведении совести нашея представшею ко Господу, сподобимся деснаго стояния и со всеми святыми воспоем славу Отцу и Сыну и Святому Духу во веки веков. Аминь.

Житие Святого благоверного князя Муромского Глеба, нареченного во святом крещении Давидом (память 5/18 сентября)

Благоверный князь Глеб был сыном великого князя Владимира равноапостольного, от одной матери с Борисом. По глубокой и искренней любви к новой христианской вере, по нежной братской любви они были лучшими и любимыми сыновьями святого Владимира. Святой Глеб еще при жизни отца в удел получил город Муром, где с 1010 по 1015 год. старался распространить христианскую веру среди упорных и грубых язычников.

Благоверный князь Глеб – один из первых русских мучеников-страстотерпцев. Он пострадал вместе со своим братом – благоверным князем Борисом (во святом крещении Романом). После убийства святого Бориса Святополк послал к его младшему брату Глебу гонца с ложным известием о болезни уже скончавшегося к тому времени их отца, великого князя Владимира, для того, чтобы коварно убить возможного претендента на Киевский престол. Обман удался, и Глеб с небольшой дружиной поспешил в Киев. Предупреждение брата Ярослава, застигшее его у Смоленска, не остановило святого, который сам был воспитан в правилах христианской

веры и не мог предположить такого злодейства со стороны их брата Святополка. Недалеко от Смоленска ладья убийц настигла ладью Глеба, который не сопротивлялся, а только кротко молил пощадить его совсем еще юную жизнь. Однако по приказу хладнокровных убийц собственный повар Глеба перерезал ему горло. Но смертельные раны мученик вменил ни во что ради Господа. Это произошло 5 сентября 1015 года. Тело князя было погребено в пустынном месте недалеко от Смоленска, «между двумя колодами», то есть в простом деревянном гробу.

Святой Глеб считается первопросветителем Муромо-Рязанской страны, где память о нем с древнейших времен и доселе хранится как о первом проповеднике христианской веры и о покровителе страны.

В 1019–1020 годах могилу святого Глеба разыскал его брат Ярослав, и тело, оказавшееся нетленным, было перенесено в Вышгород Киевский и погребено рядом со святым князем Борисом. У их гробницы стали происходить чудеса. Мощи братьев были перенесены в церковь святителя Василия Великого; митрополит Киевский Иоанн составил службу князьям-страстотерпцам и установил им совместное празднование 24 июля, которое и совершается с первой половины XI века. Два древнейших жития XI века – «Чтение», написанное преподобным Нестором, и «Сказание», с именем монаха Иакова, – показывают, что Русская Церковь издревле почитала братьев-страстотерпцев, которые постоянно оказы-

вали молитвенную помощь своей родной земле, особенно в годину тяжелых испытаний.

Память святых благоверных князей увековечена церквами (как, например, в Муроме, где второй по древности церковью в XII веке была церковь святых Бориса и Глеба; в старой Рязани, где древнейшая, бывшая соборной, церковь посвящена их имени, и в других городах, монастырями (как, например, бывший еще в XII веке монастырь в их память близ реки Смядыни на месте мученической кончины святого Глеба, а также в Муроме и других местах), старинными изображениями (например, в городе Касимове, Рязани и других) и т. п. Самая епархия Муромо-Рязанская в старину называлась Борисоглебской по памяти ко святому Глебу, как перводержавцу и первопросветителю Муромо-Рязанской страны. В 1853 году на месте кончины святого Глеба был великолепно обстроен древний Смядынский колодезь муромским купцом Ермаковым, в знак особенного почтения к памяти его как ближайшего хранителя и покровителя города Мурома. Полное описание жития смотри во 2-й день месяца мая.

Тропарь, глас 4

Мученик Твой, Господи, спасшеся веры ради, княже Глебе, труждающимся быстрый помощник и ненадежным надежда. Ты бо болезни врачуеши ритекающим к тебе с верою. Темже и мы верою молимся: от бед избави нас, чтущим лю-

бовию память твою.

Кондак, глас 2

Днесь земля ублажается, напившися крови твоея, храм освящается, приимши тело твое, великомучениче княже Глебе. Желанием болезни твоея за грези[18] предлагаема и удесы благоухания освящающи, подающи всему миру велию милость.

[18] За грези – в прах.

Житие преподобномученика Макария Овручского (память 7/20 сентября)

Блаженный Макарий родился в конце XVI или начале XVII века в городе Овруче[19].

Благочестивые родители Макария, по фамилии Токаревские, с ранних лет воспитали сына своего в благочестии и страхе Божием, внушили ему любовь к молитве и к храму Божию. Движимой этой любовью, с детства запавшей в его душу, отрок нередко отказывался от домашних занятий, чтобы идти в церковь; не раз он поступал в услужение к духовным лицам только затем, чтобы у них научиться духовной жизни. Наконец, благочестиво настроенный юноша оставил дом своих родителей навсегда, удалился в местный Овручский монастырь во имя Успения Пресвятой Богородицы и здесь принял монашеское пострижение. Молитва и изучение святоотеческих творений были его любимыми занятиями в обители. В конце 30-х годов XVII столетия преподобный Макарий подвизался в Купятицком монастыре и настолько был известен своими подвигами и добродетелями, что иноки Симеоновского Брестского монастыря в 1640 году, просили его

[19] Овруч – уездный город Волынской губернии, один из древнейших городов русских.

или преподобного Афанасия Филипповича себе в игумены.

Рукоположенный сначала в сан иеродиакона, потом иеромонаха, блаженный Макарий получил от епископа Черниговского Лазаря Барановича (1657–1692) посвящение в сан архимандрита и звание настоятеля Овручской обители, преподобный по смирению своему вначале долго отказывался от этой почести, но когда братия приступили к нему с настойчивой просьбой, возлагая в случае отказа все согрешения свои на его душу, тогда преподобный принял игуменство (ок. 1659 г.).

Пребывание блаженного Макария в должности настоятеля Овручской обители совпало с тяжелым и страшным временем преобладания на Волыни поляков, которые старались навязать православным унию и латинство. Преподобный Макарий был здесь одним из самых деятельных защитников Православия, добрым руководителем подчиненных ему братий, которые не раз думали даже оставить монастырь, часто приходили в уныние от насмешек и бесчестия со стороны униатов, нередко нападавших на Овручскую обитель и расхищавших церковное имущество. Среди таких бед и скорбей святой настоятель обители не падал духом и, ободряя братию надеждой на Промысл Божий и небесное заступничество, говорил им: «Повторяйте, повторяйте чаще слова пророка Давида: *Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся? Аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю* (Пс. 26, 1, 3). И сердце иноков наполнялось твердостью и го-

товностью все терпеть.

Однажды святой Макарий чудесно избавил монастырь свой от грозившего ему опустошения со стороны татар, обложивших обитель. Монастырь был в осаде; иноки не могли выйти за стены обители ни за водой, ни за хлебом. Блаженный Макарий, совершив моление в храме, решил в совете с братией выйти против врага с духовным оружием; вместе с иноками, взяв иконы и хоругви, выступил он за монастырские стены. Торжественный ход устрашил врагов. Татарам показалось, что идет множество народа, и они обратились в бегство, не успев даже подобрать своих больных.

Но не оставили в покое обитель исконные враги ее – латиняне. Спустя некоторое время после татарского нападения, латиняне вместе с униатами пришли толпой в Овручский монастырь и приглашали преподобного Макария на обращение к унии или же на спор с ними о вере. Святой отверг их предложение, говоря: «Какое общение возможно для нас с вами? Вы оставили правила Вселенских Соборов, приняли предания лжи и вместо того, чтобы быть под Главою Христом Господом, преклонились пред властителем земным».

На возражения противников, что у них вера та же христианская, святой подвижник отвечал: «Покажите мне веру вашу в делах своих. Христианские дела ваши, когда убиваете вы людей, истребляете заведения, воспитывающие христианское благочестие? О! Воздаст вам Господь Судом Своим за дела ваши».

После этого взбешенные поляки, подстрекаемые иезуитами, воспользовавшись новым нашествием татар на Полесье, напали на Овручскую обитель, разорили ее, рассеяли иноков и заставили самого Макария удалиться из Овруча, преподобный прибыл в Киево-Печерскую Лавру. Это было в 1671 году.

В судьбе блаженного Макария весьма живое участие принял тогда Черниговский архипастырь Лазарь Баранович. Он соболезновал и утешал своими письмами страдальца. Так, 15 мая 1671 года святитель писал преподобному: «Весьма соболезную о том приключений, которого вы и отклонить не могли. В озлоблении этом ищите утешения в одном Боге, Который кого любит, того наказывает. Вы находитесь как роза между шипами: она растет между ними, а они ей ничуть вредить не могут; будете долго еще процветать в Церкви Божией, как в вертограде, доколе не достигнете небесного. И Христос не легко приобрел тот венец, которым теперь Он украшен; сперва на земли перенес терновые на главе Своей колючки и затем получил на небеси венец неувядаемый. *Весть Господь благочестивых от напасти избавляти* (2 Пет. 2, 9). *Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь* (Пс. 33, 20). Крепко хотелось мне жить по-приятельски с вами у Всемилостивого Спаса или где бы вам понравилось; но теперь этих лык не дерут уже; прежде гораздо удобнее было отыскать место, нежели теперь; *в настоящее время и сами едим хлеб в печали* (Пс. 126, 2; Иез. 12, 19), но готовы поде-

литься с вами тем же, потому что другого нигде нет, разве только там, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание. Желаю вам после многих лет многих обителей в небе и с молитвами моими благословение посылаю».

Епископ Лазарь заботился и хлопотал за подвижника перед гетманом Дорошевичем[20].

Гетману святитель писал: «Его милость, отец архимандрит Овручский, будучи не в состоянии покойно жить в своей архимандрии, ограбленный ордами (то есть татарами) и ляхами, потерявший служителей, которые побиты, между тем как имения забраны, отправился на поклонение святым местам Киевским. Как мой постриженник, он посетил меня, как сын отца, и сетовал о своих бедствиях. Благоволите, Вельможность Ваша, милостиво принять его как человека достойного и заслуженного в Церкви Божией; выслушайте его с полным доверием, как вполне стоящего веры».

Не долго преподобный пробыл в Киевской Лавре. Митрополит Киевский Иосиф Нелюбович-Тукальский (1664–1676) назначил его настоятелем Каневского монастыря[21].

---

[20] Петр Дорофеевич Дорошенко был гетманом западной стороны Малороссии. Поставлен гетманом в 1665 г.; был противником Москвы, сторонником независимой Малороссии. В 1677 г. принял московское подданство, а в 1679 г. был сослан на воеводство в Вятку. Умер в 1698 г.

[21] Канев – уездный город Киевской губернии. Храм Каневского (Георгиевского, или Успенского) монастыря во имя великомученика Георгия заложен еще князем Всеволодом Ярославичем в 1144 г. В конце XVI века при сем храме был уже монастырь. В 1678 г. монастырь разорили татары. В 1810 г. на его месте униаты выстроили церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 1833 г. церковь

Смиренный подвижник долго отказывался, говоря: «Пошли, владыко святый, другого, более крепкого в истине». «Нет у меня иного, – отвечал святитель, – ты один лишь искусен на дело благое и добрый страж Церкви Христовой; ты достоин поручаемого тебе дела». И благословил его на игуменство.

В 1672 году преподобный Макарий дал в Каневском монастыре приют сыну Богдана Хмельницкого Юрию, который много перенес бед в своей жизни вследствие неопытности и наветов врагов своих.

Преподобный Макарий особенно прославился в Каневской обители своими чудесами и дивным даром прозрения. Многие больные и убогие, бедные и скорбящие, нуждающиеся в утешении и совете, приходили к нему в обитель, и все находили в преподобном своего отца и благодетеля. Так, например, однажды пришел к нему страдавший слепотой житель Канева. Когда больной, по совету родных, обратился к преподобному Макарию, тот отвечал, что он не имеет лекарств, но предлагает ему евангельский совет: «Веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому». И затем добавил: «Иди к навечерию Богоявления Господня и молись».

При словах молитвы, которую читал сам преподобный, совершавший богослужение: «Велий еси Господи и чудна дела Твоя», слепой почувствовал, что мимо очей промелькнул резкий луч света, и прозрел. Впоследствии исцеленный по-

---

перешла во владения православного духовенства и в 1844 г. обращена в собор.

строил в Каневе церковь в честь Богоявления Господня, которая существует и доныне.

Был еще такой случай. Одна скорбящая мать просила помощи преподобного: ее сын, молодой человек, вел самую рассеянную жизнь, преподобный согласился исправить юношу и уговаривал его переменить порочный образ жизни. Юноша плохо слушал наставления святого и, наконец, както раз сказал преподобному Макарию: «Зачем принуждают меня долго молиться?» «Долгие молитвы, – ответил ему преподобный, – совершают иноки по обету, и это к тебе не относится. Но вот что относится к тебе: оставаться тебе без молитвы – то же, что осудить душу на голодную смерть; читай одну молитву «Отче наш» и в ней найдешь все – и свет богопознания, и уроки для жизни, и утешение, и силу для духа; прочесть эту молитву со вниманием, думаю, не тяжело».

На этот раз рассеянный сын послушался. Он прочел молитву Господню, и так она понравилась ему, что он стал читать ее чаще и чаще и, читая, учился добру. Скоро он совершенно переменился: стал внимателен к себе и трудолюбив.

Жил в Каневе судья-лихоимец. Из корыстных видов, несмотря на слезы бедных, которые не могли ему дать денег, творил он суд неправый. Преподобный Макарий каждую субботу посылал за тяжущихся бедных от их имени деньги судье с запиской, в которой говорилось одно и то же: «Отдаю последнее, более не имею; пощади себя и меня». Этими вразумлениями преподобный довел неправедного судью до рас-

каяния. Судья оставил лихоимство и все нажитое неправдою роздал по церквам.

За несколько лет перед смертью своей блаженный Макарий видел недоброе предзнаменование: густые облака носились над обителью и грозный мрак облегал всю страну. «Недоброе знамение, – говорил он, – видно, будет лютая скорбь для нас». Предвещание преподобного Макария вскоре исполнилось: в пределах Канева наступил ужасный голод. Подвижник раздал свое имущество, чтобы избавить голодающих от смерти, кормил и призревал к нему приходящих.

Еще поразительнее было предсказание преподобного Макария за два года до смерти о разорении города Канева и о своей страдальческой кончине. Он убеждал стекавшихся в обитель, перепуганных обитателей города и окрестностей, твердо, безбоязненно держаться святой веры православной: «Приять венец нетленный нельзя иначе, как совершая законно подвиг свой», – говорил им преподобный.

Братия готовились постом, покаянием и причащением Святых Таин к страшному дню; миряне день и ночь слезно молились в храме Божием.

Бедствия скоро начались. На город Канев напали поляки; они убивали и сжигали всех, кто не успел спастись в обители. Но самое страшное несчастье обрушилось на разоренный город и на обитель преподобного Макария в 1678 году, когда султан послал многочисленное войско из татар и турок завоевать Украину для Юрия Хмельницкого. Летописец расска-

зывает: «Басурмане 25 августа пошли из-под Бужина вверх по Днепру. Дав себе отдых после военных беспокойств, подошли они к славному казацкому городу Каневу и сентября 4-го, взяв его, опустошили и умертвили множество людей. В старинном и прекрасном монастыре Каневском каневцы собрались во множестве и заперлись в большой каменной церкви, надеясь спастись здесь». Неприятель окружил монастырь и употребил все усилия, чтобы вызвать жителей из-за стен обители. Но воодушевляемые твердостью и наставлениями преподобного Макария каневцы непреклонно решили остаться под защитой молитв святого старца. Два дня враги морили голодом заключенных. Потом, видя их упорство, разрушили ворота обители и стремительно ринулись в нее. С крестом в руках бесстрашно их встретил один преподобный Макарий; все остальные попрятались и, где кто мог, искали себе спасения. Враги схватили блаженного старца, били его чем попало, ругаясь над святым крестом, преподобный молил их лишь о том, чтобы не осквернили святого храма, в котором заперлись многие и не убивали невинных. Враги извлекли его из обители, влачили по улицам и нещадно били. Страдалец терпел и, возведя очи к небу, молился: «Господи, приложи мне веру, да верен обрящуся пред Тобою!»

После долгих мучений татары стали требовать, чтобы он сказал им, где имущество и золото монастырское, предполагая, что то и другое было спрятано в обители. Святой старец отвечал врагам: «Мое злато на Небеси, а не на земле. Здесь

я его не закапывал, зная, что придут тати и разбойники и расхитят. А имущество церкви в благодати и милости Господней».

Злодеи отпустили некоторых из пленников с тем, чтобы они сказали скрывшимся христианам об ожидавшей их участи в случае, если те не сдадутся и не выдадут имущество. А преподобный со своей стороны велел передать заключенным свое увещание: «Да не отступят православные от святой веры, но да стремятся с терпением на предлежащий им подвиг, памятуя непрестанно Господа Иисуса».

Услышав имя Христово, неверные еще с большей злобой стали мучить преподобного. Страдальца поставили между двух столбов и колена его крутили железным орудием. «Стопы моя направи на путь мирен к Тебе, Боже, в селения Твоя, – взывал к Господу доблестнейший исповедник, – ибо сего желает и в сем скончавается душа моя».

Видя, что старец жив и называет имя Господне, враги все с большей яростью продолжали терзать его: били по лицу, по глазам, по груди и, наконец, приготовились сдирать с него живого кожу; но, боясь стечения народного, кончили тем, что отрубили ему голову и бросили тело на площади. Так мученически скончался 7 сентября[22] 1678 года святой Макарий – защитник невинных, помощник бедных, опора слабых, целитель больных.

---

[22] По другим известиям, кончина преподобномученика Макария последовала 4 сентября.

Православные христиане, оставшиеся в живых, оплакали святого страдальца. Им удалось среди ночной темноты унести тело в монастырскую церковь, где они заключились, обрекши себя на смерть за веру Христову. Но татары, бежавшие сначала, ибо объяты были страхом после совершенного ими злодейства, снова подступили к обители, подожгли храм, и все скрывавшиеся в нем погибли от дыма и огня.

Когда удалились враги, несчастные жители Канева, избегшие смерти, пришли искать тела своих присных на церковном пепелище. Но среди груды изуродованных трупов они нашли одно нетленное тело преподобномученика Макария. Во власянице, с крестом на персях и с другим крестом в руках тело преподобномученика было как живое.

Мощи преподобного Макария похоронили в том же храме под жертвенником, где они и покоились до 1688 года. Когда в этом году начали перестраивать монастырскую церковь, то останки святого Макария нашли нетленными, и тогда же, для безопасности от латинян, перенесли их в Переяславль Полтавский и поставили в церкви Воскресения Христова. В 1713 году Переяславским епископом Захарием (Корниловичем) мощи были перенесены в Переяславский кафедральный Свято-Михайловский монастырь. Когда в 1786 году Михайловский монастырь был упразднен, святые мощи преподобномученика были перенесены в каменную церковь Вознесенского Переяславского монастыря, где и покоились.

От нетленных мощей преподобного Макария истекали не

раз исцеления. Так, в 1742 году ко гробу преподобного был принесен родственниками полковник Алексей Глебов, не владевший ни руками, ни ногами. По отпетии молебна, приложившись к святым мощам, Глебов получил совершенное исцеление.

Память преподобного Макария празднуется местно 7 сентября, а также 15 мая, в день перенесения его мощей.

Тропарь, глас 8

Божественным желанием весь сам себе от юнаго возраста Господеви возложив, явился еси светильник светлый граду твоему, поучая всех истинней вере и житию богоугодному, священномучениче Макарие, Овручская похвало. Сего ради, яко агнец непорочный, гонимый от распрелюбивых врагов, возшел еси во обитель Каневскую, идеже яко пастырь добрый душу твою положил еси за овцы твоя. И ныне ко всечестней раце многоцелебных мощей твоих мы грешнии со умилением притекающе, дар исцеления приемлем многострадальне: ты бо присно источаеши болящим здравие, печальным утешение, и всем чтущим тя всякое исполняеши требование, моляся Христу Богу спастися душам нашим.

Кондак, глас 2

Постническое и равноангельское житие страдальческими уяснил еси подвиги, и Ангелом совсельник богоблаженне явился еси Макарие: с ними Христу моляся не престай о всех нас.

Житие преподобного Серапиона Спасо-Елеазарского (память 7/20 сентября)

Преподобный Серапион родился в 90-х годах XIV века в семье благочестивых родителей. Родиной его был город Юрьев, или Дерпт, который в то время находился во власти немцев.

Тяжело жилось немногочисленным православным русским в Юрьеве среди иноверного немецкого населения. Русские люди населяли особую часть города, носившую название «Русского конца». Здесь был храм во имя святителя Николая и святого великомученика Георгия, и родители преподобного Серапиона принадлежали к его приходу.

Много приходилось переносить православным жителям от немцев-латинян, желавших привлечь их к своей вере. Там, где не имела успеха лесть, пускались в ход угрозы, принуждения и даже побои. Боясь преследований и мучений, некоторые из православных отступали в латинство, другие, желая сохранить отеческую веру, переселялись из Юрьева в пределы Русской земли.

Но преподобный Серапион не обращал внимания на угрозы иноверцев и явился пламенным исповедником святой веры, ревностным обличителем латинян. Хорошо зная слово

Божие и творения святых отцов, преподобный часто вступал в споры с латинянами и побеждал их, обличая в неправоте веры, в отступлении от древних святых уставов Вселенской Церкви. Всегда готовый пострадать за веру, ревностный ее поборник много перенес тяжких бесчестий и скорбей, но всегда был непоколебим и благодарил Господа, не оставлявшего его Своей благодатной помощью.

Когда преподобному Серапиону было около 35 лет от роду, он принужден был оставить родной город, так как немцы, грозившими ему тяжкими побоями, решили в конце концов насильно привлечь его к своей вере. Он переселился в Псковскую область, в пустыню при речке Толве, где тогда подвизался преподобный Евфросин (память 15/28 мая). Неизвестно, где принял преподобный Серапион монашеское пострижение, но только в пустыню он явился уже иноком. Преподобный Евфросин подвизался тогда в полном уединении и принял пришельца с радостью. Но Серапиону, не искусившемуся в монашеском житии, подвиги отшельника показались очень тяжелыми, и он хотел уйти из Толвской пустыни. Видя его колебания, преподобный Евфросин усердно просил своего сожителя пребывать с ним в непроходимой пустыне до конца жизни, но Серапион не соглашался. И говорил ему святой: «Брат! Великую скорбь причиняет мне уход твой и очень не хотел бы я разлучиться с тобой».

Слезы и мольбы не помогли, не помогла любовь, которую опытный в духовной жизни подвижник оказал своему начи-

нающему сподвижнику. Серапион взял необходимые припасы для пути и, простившись с преподобным Евфросином, ушел от него. Однако, Господь немедленно вразумил Серапиона и возвратил его в сожительство преподобного Евфросина. Близ места их подвигов протекал небольшой ручей, заросший кустарником. Преподобному Серапиону надо было перейти через него. И вот, рубя кустарник топором, чтобы проложить себе путь, он сильно рассек колено левой ноги. Нужда теперь заставила его вернуться к Евфросину и просить прощения. «Прости меня, отче, ради Бога, – говорил Серапион, – ибо согрешил я пред тобою уходом своим. И тут Господь явно наказал меня. Но святые молитвы твои снова привлекли меня к тебе. Теперь же не отойду я от тебя, пока не умру на этом святом месте».

Незлобиво и кротко принял раскаявшегося брата Евфросин и только заметил ему тихо: «О, брат! Это происходит от нашего маловерия». Затем утешил больного, простил его и скоро исцелил от раны.

С этого времени Серапион начал вести трудную жизнь пустынника, разделяя нужды, лишения и подвиги своего учителя, преподобного Евфросина. 55 лет подвизались они вместе, до самой кончины преподобного Серапиона, который умер раньше Евфросина.

В Толвской пустыне вырос большой монастырь, который подвижники устраивали общими трудами, в монастыре этом было много усердных подвижников. Но Серапион едва ли не

был усерднее всех из братии преподобного Евфросина. На каждую монастырскую работу он приходил раньше всех и оставлял ее последним. Он помогал своему учителю в управлении братией и в устройстве монастыря.

Непрестанными трудами, воздержанием и добродетелями Серапион превосходил в обители всех братий, являясь для них образцом послушания и иноческих добродетелей. Когда кто-нибудь из иноков оскорблял его, незлобивый подвижник все претерпевал со смирением и сам же первый просил прощения у обидчика. «Прости меня, раб Божий, прости меня, грешного», – говорил он при этом.

Друг, сподвижник и ученик преподобного Евфросина, он ежедневно открывал учителю свои помыслы, как больной показывает врачу свои раны. Все уставы и иноческие правила, которые вводил Евфросин, твердо и строго соблюдал Серапион. Дорожа каждой свободной минутой, он уходил в свою келлию и предавался молитве, пению псалмов или чтению Божественного Писания. Случалось, что в монастырь приходили христолюбцы, городские благотворители, и после общей трапезы устраивалась беседа, в которой принимали участие вместе с преподобным Евфросином и остальные братия. Но Серапион, любя подвиг уединения и молчания, тотчас после трапезы уходил в свою келлию, самую худшую, самую темную в монастыре, в которой ничего не было кроме святых икон. Здесь он слезно молился о всех требующих Божией помощи и благотворителях святой обители. Изну-

ряя плоть свою, преподобный не довольствовался келейными подвигами, но часто по ночам выходил на болотные места или на источник к часовне и здесь, полуобнажившись, предавал плоть свою на съедение комарам и оводам.

Строго соблюдая устав своего учителя, данный Трехсвятительской обители, преподобный Серапион никогда не пропускал Божественной службы; ранее всех из братии приходил в храм и последним оставлял его. Особенно любил он молитву церковную и предпочитал ее келейной, преподобный говорил обыкновенно: «Двенадцать псалмов, пропетых в келлии, не могут равняться единожды пропетой в храме краткой молитве: «Господи, помилуй!».

Отрекшись от всех благ земных, изнуряя воздержанием плоть свою, преподобный Серапион не только никогда не принимал сладкой или вкусной пищи, но и скудную пищу употреблял лишь в той мере, сколько требовалось ее для поддержания жизни. Одеждой подвижника было ветхое, разодранное рубище, едва прикрывавшее его наготу. И до тех пор носил он это рубище, пока оно, совершенно истлевши, не спадало с его плеч. Чтобы не видеть своего тела, святой никогда не обнажал его и не только не ходил в баню, но даже и не умывал водою лица и рук. В свою келлию преподобный никогда не допускал женщин, и если случалось где-нибудь встречаться с ними, он не смотрел на них, не разговаривал, старался скорее уйти, чтобы и мыслью не согрешить пред Богом. Так поступал он, в строгости исполняя предпи-

сания устава преподобного Евфросина.

От непрерывных подвигов и воздержания преподобный однажды тяжело заболел и целых 12 дней находился между жизнью и смертью. Но от тяжелых страданий чудесно его избавил явившийся ему преподобный Онуфрий (память 12/25 июня), во имя которого был устроен придел в монастырском храме. «Я пришел к тебе, чадо, на помощь, чтобы ты еще более утвердился в подвигах и делах Божиих», – сказал явившийся чудотворец наделенному.

После чудесного избавления от болезни преподобный Серапион еще с большим рвением стал подвизаться в молитве, воздержании и борьбе с греховной плотью.

Ради великих подвигов своих преподобный еще при жизни удостоился от Господа дара прозрения и чудотворений. Однажды, незадолго до своей кончины, в 1479 году, во время церковной службы Серапион с громким плачем и рыданиями молился перед чудотворным образом Божией Матери. Удивленные братия по окончании службы спросили преподобного: «Отче, о чем ты так горько плакал пред иконой Пречистой Богоматери?» Он отвечал: «О душе моей, не уготованной к исходу от тела, и о том еще, что в годину моей кончины сильный враг из Ливонии (немцы) с многочисленной ратью подступит к Пскову». И потом в утешение братии прибавил: «Молитесь и уповайте на милость Божию! Господь святых ради молитв Пречистой Своей Матери и Псковских чудотворцев умилосердится над градом благоверной

княгини Ольги и сохранит его, а святая обитель эта неприкосновенна будет».

Пророчество преподобного сбылось. Со стотысячной ратью, как раз в год кончины преподобного, к Пскову подступили немцы и хотели взять его. Но псковичи, воодушевленные чудесным явлением святого князя Довмонта († 1299; память 20 мая/2 июня), разбили их, и город остался цел.

Несколько ранее, в 1476 году, один латыш-крестьянин, по имени Отто, или Антоний, у которого сильно и долго болели от гнойной раны ноги, был привезен родственниками в Спасо-Елеазаровскую обитель. Увидев преподобного Серапиона, выходящего из церкви, больной попросил у него исцеления. Но святой молча прошел в свою келлию. Веруя в силу преподобного, Антоний взял снег от его следов, стал примачивать им свои раны и тотчас же почувствовал облегчение от болезни. Когда Антоний явился благодарить святого за чудесное исцеление от раны, подвижник смиренно сказал ему: «Чадо, Бог исцелил тебя за святые молитвы Пречистой Своей Матери, а не я грешный».

8 сентября 1480 года после непродолжительной болезни преподобный Серапион скончался на 90-м году своей жизни и был погребен своим учителем преподобным Евфросином. От подвигов воздержания и тяжких трудов тело преподобного представляло из себя одни кости и кожу. Ветхое рубище и власяницу подвижника после смерти его никто не хотел взять себе. Не только братия, но даже и нищие не дотрону-

лись до этих одежд, когда они были оставлены за монастырской оградой.

И после кончины своей, как и при жизни, преподобный Серапион по воле Божией совершил много чудес, являясь скорым помощником и врачом недугов телесных и душевных для притекающих к нему с верою больных и скорбящих.

Один псковский мальчик Павел совершенно ослеп. Однажды его родители в день памяти преподобного Серапиона привели мальчика в монастырскую церковь. За службой больной задремал и увидел, что какой-то благообразный старец, – это был преподобный Серапион, – коснулся его очей своей рукой. Павел тотчас получил исцеление и, проснувшись от этого прикосновения, стал видеть.

Одна женщина из Ивангорода, по имени Мелания, не любимая своим мужем, часто терпела от него побои. Несчастная женщина хотела покончить жизнь самоубийством. В отчаянии она готова была броситься в прорубь, как вдруг явился преподобному Серапион и удержал ее за руку с такими словами: «Зачем ты хочешь погубить жизнь свою? Молись преподобному Серапиону Толвскому и иди в свой дом с радостью. Отселе муж будет любить тебя, а ты не ропщи на него и не бранись с ним». Так случилось все по словам преподобного.

Больным лихорадкой, параличом и другим недужным преподобный Серапион по молитве их подавал чудесную помощь.

Мощи преподобного Серапиона почивают под спудом в Спасо-Елеазаровской обители. Память его празднуется местно дважды в год: вместе с памятью преподобного Евфросина – 15/28 мая и отдельно – в день блаженной кончины[23].

Тропарь, глас 8

Изрядством жития чистоту девства приим, Серапионе, и вся красная мира сего возненавидев, Христа единаго возлюбил еси. Сего ради во внутреннюю пустыню вселився и со зверьми живый, весь Христов спостник и друг Евфросина учителя твоего был еси: темже и молим тя: поминай нас чтущих святую память твою, да зовем ти: радуйся, пустынная похвало, преподобне отче наш.

Кондак, глас 4

От высокоумия искус приим смиренномудрия, благодатию Божиею явился еси рачитель богоносне Серапионе. Желанием бо Божественныя любве вжигаемь, житейския молвы оставль, ревнитель учителю твоему Евфросину был еси, без-

[23] Преподобный Серапион скончался 8 сентября 1480 г., в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы; так как день преставления преподобного Серапиона совпадает с двунадесятым праздником, память его совершается 7/20 сентября.

молвием и жестоким пребыванием последуя Христу: бдением же и молитвою и постом образ был еси спостником твоим: ныне же молися Господеви, богоблаженне, спастися душам нашим.

Житие святителя Иоанна, архиепископа Новгородского (память 7/20 сентября)

Святитель Иоанн, архиепископ Новгородский, родился в Новгороде от благочестивых родителей Николая и Христины. Детство его прошло в безмятежной, спокойной обстановке. С малого возраста святой Иоанн посвятил себя Богу и вел добродетельную жизнь; когда же он достиг совершеннолетия, то был рукоположен во пресвитера в церкви священномученика Власия, на Софийской стороне. Новопоставленный иерей еще с большим усердием стал служить Господу, неукоснительно и строго соблюдал все заповеди Божии. Между тем родители святого Иоанна умерли. И прежде он любил безмолвную, тихую жизнь, даже намеревался принять иноческое пострижение; теперь же, посоветовавшись с братом своим Гавриилом, он решил создать новый монастырь на средства, оставленные родителями. Сначала они построили деревянную церковь во имя Пречистой Богоматери, в память преславного Ее Благовещения, и основали монастырь; потом замыслили они воздвигнуть и каменную церковь. Но не без трудностей воплощались их добрые намерения. Не окончив строительство каменного храма, братья полностью израсходовали свои средства. Только твердая, живая вера побужда-

ла их продолжать начатое дело. С ней они и обратились за помощью к Царице Небесной, ради Которой начали это богоугодное дело. «Владычица наша! – молились братья. – Ты знаешь нашу веру и любовь к Сыну Твоему и Богу нашему; Ты видишь наше усердие, с коим мы обращаемся к Тебе, Госпоже нашей; молим Тебя, помоги нам достроить сей храм; всю надежду нашу мы возлагаем на Тебя, Богоматерь, не оставь нас, рабов

Твоих; Владычице, мы начали строить сей храм, но завершить его сооружение без Твоей помощи не можем». Так молились они Богородице и изливали перед Ней свое горе. По их неотступной молитве Она явила им Свою милость: предсказала во сне, что подаст все необходимое для окончания строительства. На следующее утро святые братья увидели прекрасного коня, нагруженного двумя мешками с золотом. Никто не подходил к нему, и когда братья сняли мешки, конь тут же исчез. Так Божия Матерь послала средства на обитель.

По окончании устройству обители здесь, под покровом Божией Матери, братья и приняли иноческий постриг. Святой Иоанн был наречен Илией, а святой Гавриил – Григорием. Богоугодно проходила жизнь их в посте и молитвах, исполненная иноческих трудов и подвигов.

Когда скончался святой архиепископ Новгородский Аркадий, блаженный Илия «князем, собором черноризцев, священников и всем народом» был избран в епископа Новгороду. Считая себя недостойным такого сана, Илия отрекал-

ся от него. Усердными мольбами и просьбами все убеждали смиренного инока вступить на престол архиепископский, все требовали сего. Наконец, против своего желания, он повиновался воле граждан и рукоположен был в архиепископа Новгородского святейшим Иоанном, Киевским и всея России митрополитом. Он верно пас стадо Христовых овец, живя в святости и праведности.

Летописи говорят о епископском поставлении святого Иоанна под 1162 годом. Его первое архипастырское послание было обращено к духовенству и клирикам его епархии. Оно проникнуто любвеобильной заботой о пастве, написано в духе отеческого наставления: «Богу и Пресвятой Богородице было угодно, по вашим молитвам, чтобы я, худой, не отрекался от этого высокого сана, которого недостоин. Так как вы сами побудили меня на это служение, то теперь послушайте меня…» Святитель говорил о призвании пастыря – радеть об овцах своих, не только обличать, но и врачевать тех, которые проводят греховную жизнь. «В начале слова моего я прошу вас, не привязывайтесь сильно к этому миру, но постоянно поучайте людей. Прежде всего смотрите, чтобы они не предавались сильному пьянству. Ведь сами знаете, что через это больше всего гибнут люди не только простые, но даже и мы. Когда приходят к вам на покаяние ваши духовные дети, то спрашивайте их с кротостью. На кающихся не налагайте епитимий. Не пренебрегайте книжным чтением, ибо если мы не станем делать этого, то чем будем отли-

чаться от простых некнижных людей?.. На сирот епитимий не налагайте. Пусть все каются, ведь иго Христово должно быть легко.»

В 1165 году святитель Иоанн был возведен во архиепископа (с тех пор Новгородская кафедра стала архиепископской).

Зима 1170 года для Новгорода была очень трудным временем. Суздальские войска с союзниками два дня осаждали город за то, что новгородцы не приняли князя Святослава, а также собирали дань с неподвластной им Двинской области.

В печали новгородцы молились Богу и Пречистой Богородице о спасении города. В третью ночь святитель Иоанн, когда он молился перед образом Спасителя, услышал голос, повелевший идти в церковь Спасителя на Ильине улице, взять икону Пресвятой Богородицы и поставить ее на острове. Наутро святитель рассказал собору о повелении и послал архидиакона с клириками Софийской церкви за иконой. Войдя в церковь, архидиакон поклонился пред иконой и хотел взять ее, но икона не двигалась. Архидиакон вернулся к архиепископу и рассказал о случившемся. Тогда святитель со всем собором пришел в Ильину церковь и коленях начал молиться пред иконой: «О Премилостивая Госпоже, Дево Богородице, Ты – упование, надежда и заступница нашему городу. Ты – стена, покров и прибежище всех христиан, посему и мы, грешные, надеемся на Тебя; молись, Госпоже, Сыну Твоему и Богу нашему за город наш, не предай нас в руки врагов за грехи наши, но услыши плач и воздыхание людей Твоих,

пощади нас, как некогда пощадил ниневитян Сын Твой за их покаяние, яви и на нас Свою милость, Владычице».

Окончив молитву, святитель начал молебен, и когда клир воспел кондак: «Предстательство христиан непостыдное», внезапно честная икона Пресвятой Богородицы двинулась сама собой. Весь народ, видя такое поразительное чудо, единогласно воскликнул: «Господи, помилуй!» А святейший архиепископ, взяв в руки честную икону и благоговейно облобызав ее, отправился с народом, совершая молебное пение, поднял икону на городскую стену и поставил ее против врагов. В то время неприятели стали все сильнее теснить город, пуская на него тучу стрел. В шестом часу вечера начался приступ, стрелы сыпались дождем. Тогда Божиим Промыслом икона обратилась ликом к городу, и из глаз Пресвятой Богородицы потекли слезы, которые святитель собрал в фелонь. Тьма, словно пепел, покрыла суздальцев, они начали слепнуть и с ужасом отступили. Это было 25 февраля 1170 года. Святитель Иоанн установил в честь этого торжественный праздник для Новгорода – Знамение Пресвятой Богородицы (празднование 27 ноября/10 декабря).

В одно время святой Иоанн вел духовную беседу с честными мужами – с игуменами, священниками и благочестивыми гражданами, он рассказывал жития святых, говорил много о душеполезных подвигах и между прочим сообщил о своей поездке в Иерусалим, но не называл самого себя, а как будто говорил о ком-либо другом. «Я, – сказал он, – знаю та-

кого человека, который в одну ночь из Новгорода достиг до Иерусалима: поклонившись Гробу Господню и Животворящему Древу Креста Господня, он снова в ту же самую ночь вернулся в Новгород: во время своего путешествия он ездил на бесе, которого он связал своем запрещением, сделав его как бы пленником своим…»

Слушатели сильно удивлялись сему рассказу святого, а диавол скрежетал зубами своими на архиепископа, говоря: «Так как ты рассказал тайну, то наведу на тебя искушение, что будешь ты осужден своими гражданами как блудник».

И с того времени бес, Божиим попущением, начал действительно строить свои коварные козни святителю, стараясь лишить его доброго имени. Он показывал людям которые во множестве приходили к Иоанну просить благословения, в келлии святого разные видения: то женскую обувь, то ожерелья, то какие-либо женские одежды. Приходящие к архиепископу люди, видя сие, сильно смущались и, толкуя между собой о виденном, говорили друг с другом, что человеку-блуднику недостойно занимать апостольский престол. Однажды, когда большая толпа горожан, возбужденная завистливыми и недоброжелательными людьми, собралась у келлии святого, бес превратился в девицу, которая побежала перед народом, как бы удаляясь из келлии блаженного. Видевшие сие закричали и погнались было за девицей, чтобы схватить ее, но бес убежал за келлию святого и стал невидим. Услышав народный крик и шум, святитель вышел из

келлии и спросил собравшихся: «Что случилось, дети моя, о чем вы шумите?» Раздраженная толпа, выкрикивая разные обвинения в порочной жизни святителя, повлекла его к реке Волхов. Святителя посадили на плот и пустили вниз по течению реки, рассчитывая избавиться от него. Но плот, вопреки ожиданию, поплыл против течения прямо к мужскому Юрьеву монастырю, находившемуся в трех верстах от Новгорода. Видя это, люди раскаялись и с плачем и криком устремились в город. Сердце простодушного архипастыря было переполнено благодатной радостью не столько за себя, сколько за свою паству. «Господи, не вмени им этого во грех!» – молился он и всем даровал прощение.

Это событие произошло незадолго до кончины святителя. Предчувствуя ее, он отложил святительский омофор и принял схиму с именем Иоанн, которое носил в юности. Преемником себе он назначил своего брата, святителя Григория. Скончался святитель Иоанн 7 сентября 1186 года и был положен в притворе Софийской церкви.

В 1439 году усердием святителя Евфимия совершались Починки в Софийском соборе; в притворе придела храма святого Иоанна Предтечи вдруг оторвался камень и сильно ударил в крышку стоявшей тут гробницы. Святитель Евфимий велел поднять пробитую камнем доску, и храм исполнился благоуханием. В гробу увидели нетленные мощи святителя, но никто не мог сказать, кто этот архипастырь. В своей келлии святитель Евфимий стал усердно молить Бога от-

крыть ему имя угодника. Ночью явился перед ним муж, облеченный в святительские одежды, и сказал, что он архиепископ Иоанн, удостоившийся послужить чуду Пресвятой Богородицы, честному Ее знамению. «Возвещаю тебе волю Божию, – продолжал святитель, – совершать память о лежащих здесь архиепископах и князьях 4 октября, я же буду молиться Христу за всех христиан». Память его празднуется также с Собором Новгородских святителей 10 февраля; в 1630 году установлено празднование еще на 1 декабря.

Тропарь, глас 8

Днесь светло красуется славнейший великий Новград, имея мощи твоя в себе, святителю Иоанне, яко солнечные лучи испущающия и подающия исцеления притекающим с верою к тебе. Молися Христу Богу избавити град сей невредим от варварскаго пленения, и междоусобныя брани, и огненнаго запаления, святителю богомудре и чудоносче, небесный человече и земный Ангеле: да сошедшеся любовию в память твою, светло празднуем, в песнех и пениих радующеся, и Христа славяще, тебе таковую благодать даровавшего исцелений, великому Нову граду заступление и утверждение.

Ин тропарь, глас 4

Господи Боже наш, творяй присно с нами по Твоему смотрению, не отстави милости Твоея от нас, но молитвами святителя Твоего Иоанна в мире устрой живот наш.

Кондак, глас 4

Возвеселися явленно Честная Церковь Христова, в память днесь приснословущаго святителя Иоанна, от великаго Нова града возсиявшаго, и всю страну удивившаго преславными чудодеянии, и всеми добродетельми украсившагося. И по преставлении бо честное тело его обретеся нетленно, источающее велия чудеса. Темже зовем ему: о всеблаженне! Моли Христа Бога непрестанно о всех нас.

Житие преподобного Иосифа Волоколамского (память 9/22 сентября)

Преподобный Иосиф, в миру Иоанн, родился в 12 ноября 1440 году от благочестивых родителей Иоанна и Марины близ Волоколамска, в селении Язвище. Селение это было пожаловано великим князем прадеду преподобного, Александру Сане, выехавшему из Литвы в Россию на службу. Семи лет от роду Иоанн отдан был своими родителями в Волоколамскую обитель Воздвижения Честнаго Креста Господня иноку Арсению для обучения грамоте. Возраставший в страхе Божием, отрок учился прилежно и в учении превзошел всех сверстников. В один год изучил он псалмы Давида, на другой же год навык в Божественном Писании, так что мог читать и петь в церкви. Непрестанно поучаясь слову Божию, отрок не принимал никакого участия в играх своих сверстников. Видя, что Иоанн разумен не по летам, люди говорили: «Что будет из сего отрока? Благодать Божия на нем».

Затем Иоанн перешел в обитель Пречистой Богородицы на Возмище. И здесь проводил он благочестивую жизнь, исполняя церковные правила и непрестанно помышляя о тщете суетного жития сего, которое, как он читал в Писании, святые называли тенью, сном и дымом. Видя истину этих

слов и помня будущее воздаяние каждому по делам его, Иоанн опечалился; и сбылись на нем пророческие слова: *Стрелы твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Несть исцеления в плоти моей* (Пс. 37, 3, 4). И пребывал он в уединенной храмине, в тишине, безмолвии и молитвах. Тогда пришел ему помысл бежать от мира и облечься во святой иноческий образ. Задумав совершить сие великое дело, Иоанн молился со слезами и недоумевал, как ему приобрести строгого наставника, коему он мог бы предаться в безответное повиновение, не утаивая ни одного своего помысла. Так проводил он жизнь до 12-летнего возраста.

Расспрашивая об обителях и иноках, Иоанн узнал, что в монастыре святого Саввы пребывал благочестивый старец, по имени Варсонофий. Помолившись, Иоанн дал обещание послушаться совета, какой даст ему сей инок. Придя к нему, Иоанн принял от него благословение и на вопрос, зачем он пришел, сказал: «Научи, отче святый, как мне спастись; желаю я иноческого образа – дай мне полезный совет; ибо дал я обещание пред Богом, что все, что ты мне скажешь, будет мне заповедью от Господа». «Иди с Богом, возлюбленное чадо, – сказал старец, – в Боровск, к преподобному игумену Пафнутию, который живет богоугодно, – там ты получишь желаемое».

Придя в Боровский монастырь, Иоанн застал преподобного Пафнутия среди трудов. Блаженный старец вместе с другими иноками рубил и носил дрова. Лишь поздно вечером

преподобный Пафнутий пошел к богослужению. Иоанн припал к ногам старца и умолял принять его в число братии. Тот расспросил об обстоятельствах его жизни и увидел, что он, будучи юн возрастом, весьма разумен, по слову Писания: *Седина, есть мудрость человеком, и возраст старости житие нескверное* (Прем. 4, 9). Прозрев в Иоанне будущего подвижника, преподобный Пафнутий испытал его по иноческим правилам и, известив о всем братию, постриг его в иноческий образ, нарекши Иосифом. Преподобный Иосиф был пострижен 13 февраля 1460 года.

Сначала Иосифа отослали в монастырскую поварню и отдали под начало старцу, давно жившему в монастыре, дабы новопостриженный инок научился монашескому житию и вместе с тем потрудился для братии. И заповедали преподобному Иосифу повиноваться старцу, как самому святому отцу Пафнутию, заботиться более всего об иноческом житии и предварять работу молитвой, чтобы Господь не оставил его Своей милостью. Преподобный Иосиф принял к сердцу эти наставления и соблюдал их. Пребывая в повиновении старцу, он без отдыха работал в поварне, даже не выходя оттуда.

Спустя довольно времени святой Пафнутий, увидев, что Иосиф крепок телом и вынослив в трудах, и перевел его в хлебопекарню. Здесь было много тяжелой работы, потому что хлеб требовался как для братии, так и для богомольцев, странников и нищих, коих святой Пафнутий не только кормил в обители, но и снабжал хлебом на дорогу. Иосиф с лю-

бовью принял отчее повеление и усердно исполнял это дело. Вскоре ему было поручено еще более тяжелое послушание – ходить за болящими иноками. И здесь никогда не оставлял он своей кротости и не проявлял нетерпения. Без ропота ухаживал он за больными, утешая их добрым словом и сострадая им, как будто бы сам болел. Памятуя слова Господа: *Болен бех, и посетисте Мене* (Мф. 25, 36), служил он братии как бы Самому Христу. Когда Иосиф исполнил возложенные на него послушания, Пафнутий поместил его в своей келлии и причислил к церковному клиру. Так воспитывал его святой Пафнутий, предвидя, что со временем Иосиф будет игуменом, и радовался душевной чистоте ученика своего.

Во время прохождения послушаний пришло преподобному Иосифу на память, что отец и мать его остались в старости и немощи великой. Он сказал об этом святому Пафнутию. Тот же повелел Иосифу иметь попечение о родителях и позволил взять отца его в свой монастырь. Преподобный Иосиф взял отца своего, а матери написал грамоту, советуя постричься. Прочтя грамоту сию, мать его воскликнула со слезами: «Чадо мое возлюбленное, сотворю повеленное тобою». И постриглась она в монашество в обители святого Власия с именем Мария. Отца же своего Иосиф взял к себе в келлию; его постригли в иночество и нарекли имя Иоанникий. Отец Иосифа был в великой немощи, не владея ни ногами, ни руками. Иосиф ходил за ним и кормил его, будучи для него учителем, слугой и опорой, утешая его в унынии и

читая Божественное Писание. Отец, видя его заботы, проливал слезы и говорил: «Чем я тебе воздам, чадо? Бог наградит тебя за труды; не я тебе, а ты мне отец телесный и духовный».

15 лет преподобный служил отцу своему, слушаясь каждого его слова. Когда же отпустил он отца своего с миром ко Господу, то снова пребывал в послушании у святого Пафнутия. Полюбил его святой Пафнутий: все, что открывал ему Господь, он рассказывал Иосифу, как возлюбленному сыну, и стал Иосиф сотаинником святого.

Так пребывал Иосиф у преподобного игумена в послушании 18 лет. Когда же святой Пафнутий прозрел свое отшествие ко Господу, то призвал братию и сказал им: «Старость приблизилась ко мне и немощь овладела мною; предвещают они мне смерть и Страшный Спасов Суд; изберите игумена для сей обители». Братия же со слезами говорили: «Ты наш пастырь, отец и учитель – пусть будет во всем твоя воля».

Святой призвал тогда Иосифа и понуждал его занять по кончине своей место игумена. Иосиф долго отказывался, считая такое служение выше своих сил. И снова святой молил его. Страшась Божия осуждения за прекословие, Иосиф, наконец, согласился. Известив о сем братию, преподобный игумен Пафнутий повелел им после своей кончины просить у державного государя старца Иосифа на игуменство, преподобный скончался, как предсказал, в четверг, в восьмом часу пополудни, 1 мая 1478 года.

Когда весть о кончине святого Пафнутия дошла до ве-

ликого князя московского Иоанна Васильевича III (1462–1505), он опечалился и спросил прибывших к нему иноков Боровской обители, кого святой благословил на игуменство. Услышав, что святой благословил на сие Иосифа, великий князь, зная добродетельное житие преподобного, повелел исполнить волю почившего игумена. Иосифа же он принял с великой любовью и велел ему послушаться своего державного слова. Тогда Геронтий, митрополит Московский (14733-1489), возвел преподобного Иосифа в священный сан и благословил его быть игуменом Боровской обители.

Когда Иосиф возвратился в обитель, братия встретили его с радостью и воздали ему честь, какая подобает начальнику обители. Иосиф, придя в церковь Божию, стал учить от Божественного Писания. И пробудились иноки от скорби о преподобном Пафнутии, как от сна, и возблагодарили они Бога за новопоставленного игумена.

По некотором времени восхотел преподобный Иосиф устроить в обители общежитие, чтобы все было общим у иноков, своего же никто бы не имел, по апостольскому слову: *Ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 10). Но в иноках не было сочувствия сему желанию преподобного, скоро начался между ними ропот. Посоветовавшись с некоторыми старцами, преподобный Иосиф оставил настоятельство, дозволил братии избрать себе настоятеля по душе и, преподав им наставление, тайно ушел из монастыря со старцем Гера-

симом, коего поставил как бы начальствующим над собою.

И странствовали они по монастырям русским, причем преподобный Иосиф выдавал себя за простого инока и исполнял всякую работу в хлебопекарне и поварне и в иных низших службах.

Наконец, пришли они в Кириллов монастырь на Белом озере. Был же тот монастырь общежительным, не по званию только, но и на деле. Не объявив ни того, что он книжен и разумен, ни того, что он почтен саном игумена, преподобный Иосиф просил настоятеля монастыря принять его в число братии. Тогда преподобному поручили хлебопекарню; и не было у него здесь ни книг, ни священнических одежд. Когда приходило время исполнять правило, он тайно пел псалмы, боясь в смирении своем, чтобы братия не узнала, кто он. Полюбив общежительное житие в обители преподобного Кирилла, Иосиф изучал устав и обычай сей обители. С этой целью он часто беседовал с престарелыми иноками и добродетельными подвижниками, возлюбившими преподобного Кирилла и твердо державшимися его преданий; и в сих беседах преподобный Иосиф выказывал себя ни в чем не сведущим.

Однажды, когда преподобный Иосиф в уединенной келлии молился и пел, один брат, с ним вместе трудившийся, пришел позвать его на работу. Подойдя тихо к келлии, так что преподобный Иосиф не заметил его присутствия, брат сквозь стену вдруг услышал, что преподобный Иосиф необыкновенно правильно читает и поет священные псалмы.

Посмотрев в щель, инок с удивлением заметил, что у преподобного не было никакой книги. Долго инок слушал и дивился, ибо все думали, что Иосиф и азбуки не знает. Услышав затем, как преподобный читал Евангелие и Апостол, инок отошел от келлии и поведал братии, что видел и слышал.

Дознавшись об Иосифе, кто он, старшие иноки обители подивились великому смиренномудрию его, освободили от тяжелой работы в хлебопекарне и стали почитать его за равного.

Пробыв в этой обители 17 месяцев и многому научившись в ней, а еще более наставив других своим смиренномудрием, преподобный Иосиф удалился с благословения настоятеля монастыря. Затем посетил он много обителей, но нигде так не нравилось ему, как в Кирилловом монастыре. Посему он решился удалиться в пустынное место и основать там с Божией помощью общежительный монастырь по образу Кириллова. Явившись опять в Пафнутиев монастырь, к великой радости братии, он, однако недолго оставался там, но, избрав нескольких единомышленных ему братий, поселился в некоей лесной пустыни близ города Волоколамска, в месте безлюдном и обитаемом лишь дикими зверями. Сие было в 1479 году.

В то время владетелем области Волоколамской был князь Борис Васильевич. Узнав, что в лес его вотчины пришел игумен Иосиф, князь весьма обрадовался, ибо уже давно желал иметь преподобного у себя. Тотчас он отправился к Иосифу

и сказал ему: «Во всем тебе необходимом я твой помощник; молю только твою святыню, избери место в моей вотчине, какое захочешь».

Князь дал преподобному ловчего своего, который должен, был поискать удобного для обители места. Когда ловчий пошел по приказу преподобного в лес, внезапно поднялся вихрь, ломая деревья. Ловчий в страхе скрылся. Когда же буря перестала, он пошел путем, по которому пронесся вихрь. И лишь только ловчий пришел на место, где ныне стоит обитель, внезапно заблистала молния, сильнее солнечного света, хотя в то время воздух был чист и небо безоблачно; человек тот пришел от страха в исступление ума. О происшедшем он никому не поведал и только дивился в себе. Но вот игумен Иосиф пришел на то место, и сильно оно ему полюбилось. Тогда ловчий рассказал многим, как здесь молния сияла сильнее солнечного света.

Иосиф и князь послали к епископу, прося благословения строить церковь. Когда святитель прислал благословение свое и антиминс, преподобный Иосиф заложил церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы на память преподобного Илариона Далматского и Виссариона. Узнав о сем, приехал к месту закладки храма князь Борис Васильевич со всеми боярами и многими знатными юношами. Прежде всех он и преподобный взяли на свои плечи бревна и положили в основание храма. Видя, как князь трудится для Бога, присутствовавшие там возрадовались, и все от мала до велика,

как простые работники, стали трудиться во славу Божию и сносили бревна. Спустя немного времени церковь была совершенно построена и освящена в том же году, августа 15-го дня, на праздник честного Успения Пречистой Богородицы. Затем начали строить келлии и стали собираться братия. Приходили к преподобному Иосифу князья и бояре на покаяние, и многие из них постригались, не достигшие же зрелого возраста отдавали себя без рассуждения на послушание и повиновение, на труды и воздержание.

Преподобный Иосиф днем трудился с братией, ставя келлии, ночью же пребывал в молитве, не давая себе покоя. Слыша о сих великих трудах преподобного и братии, князь Борис Васильевич стал часто ездить в обитель Пречистой Богородицы, привозя с собою брашна и питие, ибо в обители еще во всем был недостаток, даже хлеба было мало. И здесь обнаружилась любовь иноков к Богу – они отказывались от яств, изнеживающих тело, и питались одним хлебом и простым зелием. Видя сие о Христе собравшееся стадо в таковом воздержании и трудах, Иосиф радовался духом и славил Пречистую Богоматерь, ибо он еще не налагал на братию полного соблюдения закона, а они сами добровольно жили согласно обещанию преподобного пред Богом. Обещание же было таково: все должно быть общим, никому своего не иметь, яства и питие всем поровну, также и одежда и обувь, в келлиях же не пить и не есть, разве лишь по болезни или старости.

Умилительно было видеть подвиги иноков, которые по своему произволению утруждали себя, ночью стоя на молитве, днем же пребывая в трудах. Служили они Богу не как нанятые работники, коих надсмотрщики побуждают к труду, а сами старались превзойти друг друга в иноческих подвигах. И когда кто-нибудь из них брался за тяжелое дело, другие запрещали ему, сами же принимались за труднейшее. Так трудились они, по наказанию и учению Иосифа, в молчании и с молитвой, не взирая на лица друг друга и испуская из очей слезы, не ради людей, но помня час смертный. Самый вид их показывал их покаяние и сокрушение, ибо все они, как иноки из простолюдинов, так и происходившие от княжеского или боярского рода, ходили в лычной обуви и заплатанной одежде. Так же ходил и сам преподобный Иосиф, коего по внешнему виду нельзя было отличить от прочей братии. И было правило у тех добровольных Христовых страдальцев, чтобы каждый делал сколько ему по силам, но все по благословению и совету преподобного Иосифа. От великого усердия во славу Божию один из них носил на теле под одеждой железную кольчугу, другой – тяжелые железные оковы, причем клали они поклоны числом даже до трех тысяч. О своем теле иноки не заботились, перенося с одинаковым терпением и зной, и стужу. Однажды случилась такая студеная зима, что птицы замерзали, а иноки стояли в холодном храме в летних одеждах.

Видя подвижническое житие братии, преподобный мо-

лился, чтобы избегнуть им навета вражия и получить достойное возмездие от Господа. Так имел он попечение не только о теле, но и о душах их. Поздно вечером обходил он келлии и, где слышал братию, беседующую после повечерия, ударял в окно, знаменуя приход свой, а затем отходил. Обходя однажды келлии, преподобный увидел человека, крадущего жито, и тихо подошел к нему. Увидев игумена, человек тот хотел бежать. Но Иосиф подал ему знак, чтобы он не боялся; насыпал сосуд и поднял ему на плечи, заповедав впредь не воровать. «Если же, – сказал преподобный, – у тебя будет в чем недостаток, скажи мне, и я исполню твое желание».

О происшедшем преподобный запретил рассказывать. Но спустя долгое время человек тот не мог сохранить сего в тайне и поведал многим. Однако, в то время братия жили в такой безопасности, что у келлий не было замков, и вымытая на реке одежда вешалась иноками для просушки на дворе и не только на день, но и на ночь, так как никто к ней не смел прикоснуться.

И прошла по городу и окрестностям молва об Иосифе, как о муже, отличающемся совершенством иноческого жительства и даром духовного красноречия. Бояре, воеводы и воины князя стремились лицезреть преподобного и пользоваться его беседою, побуждавшей к покаянию. Они молили игумена дозволить им исповедовать ему свои тайные помышления и иметь его своим отцом духовным. Многие из вельмож и знатных воинов, повинуясь слову преподобного, пе-

ременяли свои грубые нравы на кроткие и исправлялись. В них являлось стремление угодить Богу; часто повторяли они заповеди Христовы, пели священные псалмы и читали душеполезные книги, пользуясь толкованиями, которые им давал преподобный Иосиф. Тогда вся Волоколамская область склонялась к доброй жизни и наслаждалась тишиною и покоем. Все радовались, и крестьяне получали много облегчений от своих владетелей по внушению преподобного Иосифа, ибо он постоянно увещевал владетелей быть снисходительными к своим крестьянам. «Когда, – говорил преподобный, – отягчают пахаря работами для дома своего и делают ему насилие, то вскоре приводят его к бедности. Когда же он обнищает, то будет ли он в силах собрать себе плоды с полей, чтобы заплатить подати, и чем он, сокрушенный нищетою, пропитается с семьею своею? Побуждаемый нуждою, он продаст скот, а продав, чем вспашет поля? Кто бедняку даст семена? Не обратятся ли его поля в пустоши? А когда поля запустеют, то и сам господин понесет убытки за сделанный им крестьянину ущерб. В какой мере кто сделает зло, в такой мере оно и падает на него. Дающий же облегчение крестьянину возделает пустоши свои, распашет поля свои и всегда получит обильные плоды. Пахарь же, пользуясь облегчением, окончит собственные работы, исправно уплатит подати и охотно послужит обогащению господина своего».

Владельцев преподобный Иосиф умолял не быть злыми к своим подчиненным, подвластных же учил не быть неради-

выми по отношению к господам своим и платить им доброжелательством за руководство и заботы. Он часто напоминал им слова Писания: *Вся убо, елика аще хощете, да творят вам человецы, тако и вы творите им: дайте, и дастся вам: меру добру, наткану и потрясну и преливающуся дадят на лоно ваше; тою бо мерою, ею же мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 12; Лк. 6, 38). Часто увещевал преподобный словами святителя Николая: «По страху не делайте зла, не постигнет и вас зло», или же говорил словами Апостола, который повелевает «добродетели прилежати, зла же удалятися».

Те, которые с любовью привязывались к преподобному Иосифу, к сердцу приняли слова его, стали благословенны и богаты, и у многих пахарей умножились стога на гумнах и хлеб в амбарах. Сколько благодарений ради Иосифа вознеслось к Богу! Для всей той страны Иосиф был как бы сияющее светило. О нем говорили, что речи его дышат великой благодатью, приятны для слуха и убедительны для воли; говорили, что ко всякому ищущему добродетели он бывал так благосклонен, что хотелось бы всегда находится при нем и наслаждаться его беседой. Даже имя его произносилось как нечто священное, и дивились, восхваляя жизнь его, как одного из великих преподобных.

Вследствие сего многие ревностно старались подражать житию его, оставляли блага мира сего и, всего отрекшись, приходили к нему на пострижение.

В 1484 году заложил преподобный каменную церковь, че-

рез два года окончил ее построение и поручил расписать ее искуснейшим иконописцам Русской земли. Сел у обители тогда не было. Князь Борис Васильевич часто приезжал ко всенощному бдению и, видя, что братия умножается и пребывает в тяжелых трудах, весьма удивлялся их житию и великому воздержанию.

Видя скудость и недостаток во всем обиходе монастыря, дал он обители Пречистой Богородицы село Очищаево, княгиня же Иулиания дала село Успенское.

Когда преставился благородный и милостивый, христолюбивый и нищелюбивый князь Борис Васильевич, осталось у него два сына, которые видели, как отец их любил обитель Пречистой Богородицы и игумена Иосифа. И вот больше отца своего стали они блюсти сию обитель, часто посещали ее и привозили все необходимое для братии. Один из сих князей, Иоанн, был крестным сыном Иосифа, который принял его от святой купели. Вскоре после смерти отца своего заболел сей князь Иоанн Борисович. Когда он весьма разболелся, то велел отвезти себя в обитель Пречистой Богородицы, к отцу своему крестному, игумену Иосифу. Князь и бояре были в великой скорби, и все плакали, желая за него умереть, лишь бы он выздоровел, так он был любим всеми от мала до велика. Да и как его не любить! Был он государь и правитель, посещение больных и утешение скорбным, одеяние нагим, старым честь и привет молодым. Князя привезли в обитель Пречистой Богородицы и отнесли в келлию. Когда

же он изнемог и был без дыхания, князья, бояре и благородные юноши стали издавать вопли, некоторые же из них бились о землю. Услышав сие смятение, сошлась вся братия монастыря. Пришел и игумен Иосиф; он велел прекратить плач и, видя князя без дыхания, спросил: покаялся ли он и причастился ли. Узнав, что князь не покаялся и не причастился, святой Иосиф весьма опечалился, вздыхая и проливая слезы. Затем, выслав всех вон, кроме одного старца, преподобный помолился Господу Богу и Пречистой Его Матери – и тотчас князь очнулся, как бы от сна, сбросил одеяло и стал громко звать отца Иосифа, прося прошение во грехах. Услышав голос князя Иоанна, князья и бояре обратились от скорби к радости. И сказал им преподобный Иосиф: «Что вы смутились? Князь немного задремал; глядите, он жив». Они же, видев его ранее мертвым, изумились и, видя его снова живым, воздали славу Богу. И все стали воздавать хвалу Иосифу, говоря: «Твоей молитвой ожил князь». Но преподобный запретил им так говорить, исповедал князя и сподобил причаститься Животворящих Христовых Таин. Князь же, воздав славу Богу и Пречистой Его Матери, возрадовался духовной радостью и благодарил отца Иосифа, говоря ему: «Чем я тебе воздам, отче, помощник души моей, которую ты не допустил до погибели? Бог тебе воздаст за твои труды». И приказал князь: «Если Бог возьмет душу мою, положите здесь мое грешное тело». Монастырю же он велел дать село свое Спасское в Рузском уезде. Распорядившись всем и раз-

делив свое имение, князь предал с миром Господу дух свой. И положили его во святой церкви на правой стороне.

В то время исконный начальник зла, враг и ненавистник рода христианского – диавол – навел жидовина Схарию на новгородских христиан, и после него стали распространять жидовскую ересь ученики его. И возвестил преподобному Иосифу о сем зле архиепископ Новгородский Геннадий (1484–1504). Узнав о сем, преподобный Иосиф весьма опечалился и, ревнуя о православной вере, стал помогать архиепископу наставлением и писаниями. И вот стараниями архиепископа и преподобного Иосифа были созваны Соборы святителей Русской земли (1490, 1504 гг.) на обличение жидовствующих еретиков, кои обвинялись в отвержении христианских догматов и правил, в безбожии, отрицании истинности Божественных книг и в следовании бесовским обычаям: звездочетству и волхвованию. Обвиняли их также в совращении многих христиан в свою ересь.

Призванный для обличения еретиков, преподобный Иосиф воссиял в священном собрании словом и разумом и показал себя доблестным подвижником, опровергая нечестие. Кроме этого, он написал против отступников большую книгу, известную под названием «Просветитель», которую епископы с радостью одобрили, признав благочестивой. Вскоре за тем преподобный еще два раза ездил в Москву на Соборы (1503–1504 гг.) по вопросу о вторично вступающих в брак вдовствующих священнослужителях и о приеме в вот-

чинное владение отказываемых монастырям сел и деревень. И на этих Соборах преподобный показал глубокое познание в правилах, установленных Вселенскими Соборами и святыми отцами Церкви. Высоко ценя в святом Иосифе глубокое понимание Священного Писания, епископы часто обращались к нему с письмами, предлагая ему на разрешение свои дела. И он усердно исполнял сии поручения и письменно сообщал свое мнение святителям. Особенно любил его и часто советовался с ним владыка Новгородский Геннадий, хотя прп. Иосиф жил от него почти за пятьсот верст. Сей владыка так почитал Иосифа, что сделал его наместником своим над волоколамскими церквами, поручил ему церковные дела и отчислил к монастырю его доходы с церквей города Волоколамска на все время своего епископства.

В одно время постигло Волоколамскую область Божие наказание или, лучше сказать, милость, так как Господь, праведных любя и грешных милуя, приводит их различными путями на покаяние: страну посетил великий голод. Многие оставили свои дома и разошлись по другим городам, иные же пришли к вратам обители преподобного Иосифа, вопия от голода. Привратники поведали о сем преподобному. Тот призвал келаря и велел кормить пришедших. А было их семь тысяч, кроме малых детей, среди которых находились и не достигшие трехлетнего возраста. Вскоре келарь пришел к отцу Иосифу и сказал, что нет ржи, так что и братию нечем кормить. Тогда Иосиф велел казначею купить ржи, но тот

объявил, что нет денег, преподобный приказал занять денег на рожь и кормить голодных, ибо еще со времени основания обители было его распоряжение келарю и казначею, чтобы никто из посетителей не уходил из монастыря ненакормленным, хотя бы он жил неподалеку.

Видя сие, некоторые из братии стали роптать, говоря: «Как столько народа накормить? Такое милосердие безрассудно; игумен нас уморит голодом и их не накормит». Услышав ропот, преподобный отец сказал: «Писано, братие, в Божественном Писании, что *Всякому любящему Бога и чающему воздаяния будущих благ подобает радоватися с радующимися, и плакати с плачущими* (Рим. 12, 15). И ныне, братия, постигло нашу страну посещение Божие или, лучше сказать, милость, приводя заблудших к покаянию. Смотрите: весь этот народ не различных брашен, а лишь куска хлеба желает, ради этого они оставили домы свои и скитаются по чужим местам с женами и детьми. Мы же, обещавшие терпеть всякую скорбь Царствия ради Небесного, ныне немилостивы к несчастным. Молю вас, братие, потерпим немного, а в чем согрешили, покаемся, и Бог не оставит нас».

Слушая такие слова, братия почитали их исходящими как бы от Бога, а не от человека, и каждый из них, придя в свою келлию, со слезами молился Господу, чтобы укротил Он гнев свой и призрел на нищих и алчущих.

Сам же преподобный, видя нестерпимую скорбь, также молился со слезами, чтобы Создатель призрел на создание

Свое и явил милость Свою.

И вот внезапно прибыл в обитель Пречистой Богородицы державный и милостивый великий князь Московский Василий Иоаннович (1505–1533) с великой верой и любовью и пожаловал братию многими брашнами, которые привез с собою. Узнав, что преподобный Иосиф кормит столько народа, занимая для сего у других и покупая, державный государь тотчас повелел из сел своих привезти ржи и овса, сколько необходимо. И сказал он Иосифу: «Если сего не хватит, вели взять из села моего, сколько тебе нужно».

Узнав о сем, стали присылать милостыню и удельные князья и другие многие христолюбцы. И милостью Бога и Пречистой Его Матери появилось изобилие во всем. Лето случилось плодородное, и терпевшие голод разошлись из монастыря и поселились в своих прежних домах, благодаря Бога и отца Иосифа.

Видя, что братия умножается, преподобный написал им устав о благочинии церковном и монастырском и о всех службах обители. Удрученный многими подвигами и склоняясь под бременем глубокой старости, преподобный Иосиф позаботился, чтобы и после его смерти сохранилось в монастыре устроенное им благочиние. Посему написал он христолюбивому самодержцу всея России Василию Иоанновичу послание, в коем просил его взять монастырь Пречистой Богородицы на его, государево, попечение, не посылать в обитель игумена из другого монастыря, не по мысли братии, и

следить за верностью иноков преданному им уставу. «Уже, государь, с одра встать не могу, – писал Иосиф, – не могу и в церковь дойти, нет у меня сил управлять братиею ни телесно, ни духовно».

Прочитав это послание, государь Василий Иоаннович был весьма им опечален. Во исполнение же завета преподобного стал он заботиться о монастыре как при жизни Иосифа, так и по его кончине.

Немощь все более и более овладевала престарелым игуменом, и, наконец, он лишился зрения, подобно патриарху Исааку, но внутренние очи его и тогда оставались по-прежнему ясными. Так, случалось, прикажет он брату иноку прочесть что-нибудь из книг Божественного Писания, инок же, по незнанию, не скоро находил в книге указанное для чтение место; тогда преподобный Иосиф повелевал подать ему книгу и, разогнув ее, сразу находил требуемое место.

Прозревая близость отхождения своего к Господу, преподобный призвал к себе старцев обители и сказал им: «Братия о Христе! Немощь мою вы и сами видите, преходят лета мои, и день склоняется к вечеру, предвещая мне смерть; посему изберите себе игумена по совету своему и по обычаю монастырскому». Братия со слезами отвечали: «Господин, отец и пастырь наш, ты сам ведаешь, кто достоин сего великого дела». Но преподобный настоял, чтобы они указали ему достойнейшего по избранию своему. И вот избрали они старца, любившего нищету и пребывавшего в трудах, посте

и молитвах, по имени Даниил. И по повелению государя Даниил поставлен был во игумена митрополитом Варлаамом (1511–1521), преподобный часто призывал Даниила к себе, учил, как иметь попечение о братии, братии же приказал обращаться за духовным руководством к Даниилу. Затем преподобный Иосиф сам возложил на себя схиму, причастился Святых Христовых Таин и велел никого не пускать к себе, разве только по крайней необходимости. Чувствуя полное изнеможение, он еще раз причастился Божественных Таин. Братия ко всякой службе церковной носила его, полагая в укромном месте храма, ибо он уже не мог сидеть.

В 9-й день месяца сентября, на память святых праведных богоотец Иоакима и Анны, в воскресенье, после келейной утрени, в то самое время, когда вся братия, находившаяся в церкви, воспевала исходную песнь «Святый Боже», в четыре часа утра преподобный Иосиф перекрестил лице свое, вздохнул три раза, как бы исповедуя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа, и отошел ко Господу († 1515). Всех лет жизни преподобного Иосифа было 76, в мире прожил он 20 лет, в иноческом послушании у преподобного Пафнутия – 18 лет, в игуменстве: в Боровском монастыре – 2 года, в обители Пречистой Богородицы – 36 лет.

На погребение почившего прибыл Пешношский игумен Вассиан, дядя преподобного Иосифа, и похоронил его. Он утешал осиротелых иноков, хотя и сам не мог удержаться от рыданий и слез. Оплакав достойно кончину преподобно-

го, он обратился к инокам со словами утешения и упования, что преподобный Иосиф не забудет их в своих молитвах. «Так как он человек, – говорил Вассиан, – то необходимо было ему исполнить человеческий долг: вкусить смерть и труд сменить покоем, ибо много потрудился преподобный Иосиф и у отца Пафнутия, и у отца Кирилла, и в своей обители, подвизался на Соборах среди епископов против вероотступников, участвовал и в других делах на пользу Церкви. Посему, отшедши к Богу, он соберет плоды многих и долгих трудов своих; эти плоды – братские подвиги воспитанных им иноков. Он не забудет своих учеников, но будет поминать их как любезных детей своих. Они же, подражая житию отца своего и по исполнении времени отшедши к нему, удостоятся вместе с ним милости Христа Бога нашего, Емуже подобает всяка слава, честь и поклонение во веки веков».

Местное празднование преподобному Иосифу установлено в 1578 году и подтверждено в 1589 году. Общецерковное празднование установлено 1 июня 1591году Мощи преподобного почивали под спудом в соборной церкви его обители.

Тропарь, глас 5

Яко постников удобрение, и отцев красоту, милости подателя, разсуждения светильника, вси вернии сошедшеся восхвалим, кротости учителя и ересей посрамителя, премудра-

го Иосифа, российскую звезду, молящася Господу, помиловатися душам нашим.

Кондак, глас 8

Жития треволнения, и мятеж мирский, и страстная взыграния в ничтоже вменив, пустынный гражданин показался еси, многих быв наставник, Иосифе преподобне, монахов собратель, и молебник верен, чистоты рачитель, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Житие святителя Феодосия, архиепископа Черниговского (память 9/22 сентября)

Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский († 1696), принадлежал к дворянскому роду Углицких. Он родился около 30-х годов XVII века (мирское имя его остается неизвестным) в семье священника Никиты от матери, по имени Мария. Благочестие, царившее в его доме, благотворно содействовало духовному развитию мальчика, с юных лет он горел любовью к Богу. С детства он отличался кротостью и прилежанием к молитве. Природные способности его раскрылись в Киево-Братской Богоявленской школе. Эти высокие и достолюбезные качества его души еще более развились под влиянием благочестивых наставников. Упражняясь в чтении слова Божия и писаний святых отцов и по ним устрояя свою жизнь, будущий святитель Феодосий возрастал и совершенствовался духом, укреплялся в зрении истин православной веры и в подвигах благочестия и своим прилежанием, покорностью и благонравием обратил на себя внимание школьного начальства. В годы обучения окончательно выявилось призвание Феодосия к иноческому подвигу: все свободное от занятий время он отдавал молитве, богомыслию и чтению Священного Писания. За эти же годы сло-

жилось у него последовательное православное богословское понимание веры, поскольку Киево-Братская Богоявленская школа являлась в то время ведущим центром борьбы Православия против нападок католического духовенства, иезуитов и униатов. Вскоре после окончания школы будущий святитель принял иноческий постриг в Киево-Печерской Лавре с именем Феодосий (в честь основателя Лавры). Этого подвижника он считал, наряду с Антонием Печерским, своим особым небесным покровителем. Киевским митрополитом Дионисием (Балабаном) он был поставлен архидиаконом Киево-Софийского собора, а затем назначен наместником митрополичьего кафедрального дома. Но вскоре молодой инок, стремясь к уединению, покинул Киев и поселился в отдаленном Крупицком Батуринском монастыре Черниговской епархии, славившемся строгой иноческой жизнью. Там он был посвящен в сан иеромонаха.

В 1662 году за свою духовную мудрость и строгую подвижническую жизнь Феодосий был назначен игуменом в корсунском монастыре Киевской епархии, а в 1664 году – настоятелем древнего Киево-Выдубицкого монастыря. Эта обитель незадолго перед тем находилась в руках униатов и была совершенно разорена. Но святому Феодосию, благодаря своей энергии и настойчивости удалось быстро возродить Выдубицкий Михайловский монастырь. Он особенно заботился об устроении церковного благолепия. Он создал прекрасный хор, который славился не только в Малороссии, но

и в Москве, куда святой Феодосий в 1685 году посылал своих певчих. Заботясь о духовном возрастании насельников обители, святой игумен, сам строгий подвижник, устроил в 1680 году недалеко от обители, на острове Михайловщине, небольшой скит для братии, желавшей уединения. Он назначил туда устроителем и наместником одного из самых ревностных иноков обители – иеромонаха Иова (Опалинского).

В бытность святого Феодосия игуменом Киево-Выдубицкого монастыря ему пришлось пережить тяжелые дни. Вместе с другими игуменами он был обвинен Мефодием, епископом Мстиславским и Оршанским, в измене русскому правительству и в мнимой переписке с изменниками России. 20 сентября 1668 года святому Феодосию пришлось давать объяснения по этому делу. 17 ноября 1668 года клевета была обнаружена, и святой Феодосий вместе с другими игуменами получил прощение. Преосвященный Лазарь (Баранович) оценил высокие духовные качества святого Феодосия и приблизил его к себе. Он называл его «овцой стада Христова, научившейся покорности», и пророчески желал, чтобы имя святого Феодосия было написано на небесах. Когда в 1679 году преосвященный Лазарь стал местоблюстителем Киевской митрополия, он назначил святого Феодосия своим наместником в Киеве, а сам оставался в Чернигове. В качестве наместника местоблюстителя Киевской митрополии святой Феодосий принимал деятельное участие во многих церковных событиях. В 1685 году он участвовал с правом решаю-

щего голоса в избрании епископа Гедеона (Четвертинского) митрополитом Киевским и вместе с Иеронимом (Дубиною), игуменом Переяславским, был послан в Москву с извещением об избрании. В Москве оба представителя были приняты с почетом и уважением. Результатом этого посольства было воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью.

В 1688 году святой Феодосий был назначен архимандритом Черниговского Елецкого монастыря на место почившего архимандрита Иоанникия (Голятовского). С того времени вся деятельность святого переносится из Киева в Чернигов. Это назначение состоялось, главным образом, по желанию преосвященного Лазаря. Святому Феодосию пришлось немало потрудиться над благоустройством Елецкой обители, так как монастырь этот, еще не оправившийся после опустошения иезуитами и доминиканцами, был весьма беден и неустроен. Трудами святого Феодосия удалось достигнуть в продолжение двух-трех лет для Елецкой обители благосостояния, вполне обеспечивавшего ее существование. Святой и в своей новой должности оказывал всемерное содействие преосвященному Лазарю во всех важных делах. Он участвовал в составлении соборного ответа Московскому патриарху Иоакиму на его вопросные грамоты об отношении Киевской митрополии к Флорентийскому Собору и в обсуждении вопроса о времени пресуществления Святых Даров, поднятого на этом Соборе. Когда же патриарх не удовлетворился

этими ответами и в Москву в начале 1689 года был послан Батуринский игумен святой Димитрий (Туптало), будущий митрополит Ростовский, святой Феодосий ездил с ним в качестве представителя от преосвященного Лазаря. Ему поручено было передать патриарху ответное письмо и выяснить недоразумение. 11 сентября 1692 года святой Феодосий был торжественно хиротонисан во архиепископа в Успенском соборе Московского Кремля.

Об управлении святителем Феодосием Черниговской епархией сохранилось мало сведений. Особенное внимание святитель обращал на пробуждение и поддержание в пастве духа истинно христианского благочестия. Глубокая вера в Промысл Божий, деятельное стремление к святости, искренняя любовь к монашеским подвигам, всегдашняя заботливость о спасении своей паствы, отеческое внимание и снисходительность к подчиненным, суд справедливый и милостивый были отличительными чертами архипастырской деятельности святителя Феодосия. Он ревностно заботился о созидании храмов Божиих и об устроении иноческих обителей, дух его несказанно радовался при виде благолепия этих мест славы Божией и спасения ближних.

В самом начале его святительства по его благословению был создан Печеникский девичий монастырь, и он сам освятил храм этой обители в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1694 году по его благословению был основан Любецкий скит в двух верстах от Любеча; в 1694 году святитель

освятил в Домницком мужском монастыре храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, а летом 1695 года – величественный храм в честь Пресвятой Богородицы, построенный на вершине горы Болдинской, близ древнего Ильинского монастыря. При святителе Феодосии в Черниговской епархии замечается особый подъем в усилении иночества. Святитель уделял также большое внимание духовенству и был строго разборчив при выборе кандидатов священства. Он особенно покровительствовал черниговским духовным школам, приглашал в них из Киева ученых монахов, среди которых был святой Иоанн (Максимович), будущий митрополит Тобольский, сделавшийся впоследствии помощником и преемником святителя и устроителем черниговских духовных школ. К нему часто обращались за помощью и советом не только православные, но и лица других исповеданий.

По преставлении преосвященного Лазаря (3 сентября 1693 г.) управление Черниговской епархией святителем Феодосием продолжалось недолго. Чувствуя приближение смерти, он вызвал к себе в Чернигов наместника Брянского Свенского монастыря святого Иоанна (Максимовича) и возвел его из иеромонаха в архимандрита Черниговского Елецкого монастыря. В новом архимандрите он заранее готовил себе преемника. 5 февраля 1696 года святитель Феодосий скончался и был погребен в Черниговском кафедральном Борисоглебском соборе, за правым клиросом, в особо сделанном для того склепе. Впоследствии его преемник святи-

тель Иоанн (Максимович) построил над его гробом кирпичный свод с хвалебной надписью в стихах в благодарность за чудесное исцеление от тяжкой болезни. С тех пор благоговейное почитание святителя Феодосия становилось все распространеннее.

О необычной скромности святителя Феодосия, как особом благодатном даровании, свидетельствовала вся его подвижническая жизнь и сокровенная помощь тем, кто возносил ему молитвы.

В 1895 году ввиду того, что в православном народе все более и более возрастала и утверждалась уверенность в святости святителя Феодосия через совершавшиеся у гроба его чудесные исцеления, Святейший Синод нашел благовременным приступить к необходимым распоряжениям для удостоверения о нетлении тела святителя Феодосия и о чудесных действиях, совершающихся при гробе его над верующими. Ближайшее обследование сего дела Святейший Синод возложил на преосвященного Иоанникия, митрополита Киевского, и местного епископа Антония, которые, присоединив к себе викария Черниговской епархии епископа Питирима, ректора Черниговской семинарии, члена Киевской Духовной Консистории протоиерея Преображенского и двух протоиереев из местного соборного причта, 5 июля 1895 года прибыли в пещеру при Борисоглебском храме Черниговского кафедрального собора и по совершении здесь панихиды по святителю Феодосию произвели подробное освиде-

тельствование гроба, одежд и самого тела святителя Феодосия. Тело святителя благодатью Божией сохранилось нетленным, несмотря на пребывание в течение двухсот лет в пещере Борисоглебского храма, не отличающейся притом сухостью. Независимо от сего, преосвященные Иоанникий и Антоний вместе с другими означенными духовными лицами, пригласив лиц, испытавших на себе или на своих сродниках чудесные исцеления заступлением святителя Феодосия по молитвенном призывании благодатной его помощи, собрали от них под присягой показания о действительности совершившихся над ними чудотворений. Таких событий было обследовано ими 49.

И в 1896 году по определению Священного Синода святитель Феодосий был причислен к лику святых, нетленное тело его было признано святыми мощами, было положено составить ему особую службу, а до времени составления отправлять ему службу общую святителям, память же святителя праздновать как в день преставления – 5/18 февраля, так и в день открытия его мощей – 9/21 сентября.

Тропарь, глас 4

Преудобрен во архиереях, святителю Феодосие, был еси светило своему стаду, таже преставился еси в вечныя обители. Умоли у Престола Царя славы избавитися нам от находящих на ны зол и спастися душам нашим, святе, молитвами

твоими.

Кондак, глас 4

Пастырей Начальнику Христу трудился еси, святителю Феодосие, на пажити духовней словесныя твоя овцы питая, и целебен дар от Христа Спаса приял еси, во еже немощи душевныя и телесныя целити всех с верою к тебе приходящих. Темже и ныне, святе, молися всем, имя твое призывающим, от наветов вражиих спастися и помиловатися душам нашим.

Житие преподобного Иоакима Опочского (память 9/22 сентября)

По рукописным святцам, «преподобный отец Иоаким, игумен Опочского монастыря святого пророка Илии на реке Шелоне, преставися месяца сентября в 9-й день» (около 1550 г.). Этот монастырь был в 20 верстах от г. Порхова Псковской епархии. Мощи преподобного почивали в приходской (прежде бывшей монастырской) церкви пророка Илии под спудом.

Житие преподобного Иоасафа, Каменского, Вологодского чудотворца (память 10/23 сентября)

Преподобный Иоасаф происходил из княжеского рода. Родители его – владетельный князь Димитрий Васильевич Заозерский Меньшой († 1299; память 19 сентября/2 октября) и княгиня Мария. Удел князя Димитрия, небольшой и очень богатый, – Заозерье – находился на северовосточном берегу Кубенского озера, близ устья реки Кубины, впадающей в озеро. Столица Заозерского княжества представляла собою усадьбу князя на левом берегу Кубины с церковью во имя святого великомученика Димитрия Солунского, которую построил вероятно сам князь Димитрий Васильевич в честь своего небесного покровителя, да деревню Чирково, которая была приходом при этом храме. Несколько деревень составляли весь удел Заозерского князя. И князь, и княгиня были очень благочестивы. Особенно почитали они иноческий чин. Обладая небольшими средствами, они тратили их на устройство монастырей. В соседстве с их княжеством на небольшом островке Кубенского озера стоял древний Спасо-Каменный монастырь. Когда из этого монастыря вышли два основателя новых обителей в окрестностях Кубенского озера – преподобные Дионисий Глушицкий (память 1/14 июня)

и Александр Куштский (память 9/22 июня), князь Димитрий и его супруга содействовали и помогали подвижникам в устроении их пустынных обителей. К преподобному Дионисию на реку Глушицу князь послал плотников и обильную милостыню, пожертвовал монастырю села и деревни. Княгиня Мария также благотворила преподобному Александру, жертвовала в храм монастыря иконы и книги, братии посылала припасы, а по кончине князя Димитрия дала обители деревню на помин его души.

У князя Димитрия Васильевича было три сына – Симеон, Феодор, Андрей и одна дочь – София. Княжич Андрей, в иночестве Иоасаф, был самым младшим в семье. Когда он родился, точно не известно.

В 1429 году князь Димитрий Васильевич Заозерский был убит в Ярославле казанскими татарами во время их набега на приволжские города. Княжич Андрей был в то время, вероятно, грудным ребенком. Благочестивая мать его княгиня Мария занялась воспитанием своих детей. Семи лет Андрея начали обучать грамоте. Учился он охотно, с любовью погружался в глубину Божественных Писаний, как дорогой бисер собирал богооткровенные слова Писания и слагал в своем младенческом сердце. Первых детей своих княгиня Мария успела устроить. Старший ее сын Симеон был женат, дочь София Димитриевна выдана замуж за князя звенигородского Димитрия Шемяку. Феодор же и Андрей женаты не были.

Но вскоре благочестивая княгиня скончалась. Впавши в

недуг, она послала к преподобному Александру Куштскому просить его молитв о выздоровлении.

Но преподобный сказал, что княгиня скончается от этой болезни, и советовал ей по-христиански приготовится к смерти. По смерти матери князь Андрей остался круглым сиротой. Тогда над осиротелой семьей князя Заозерского стряслась новая беда. Муж Софии Димитриевны князь Димитрий Георгиевич Шемяка затеял усобицу с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. Когда московский князь, ослепленный Шемякой, вернул себе великокняжеский стол, он отдал княжество Заозерское двум князьям – Михаилу Андреевичу Верейскому и Ивану Андреевичу Можайскому. Таким образом дети Заозерского князя лишились своего удела и перестали быть владетельными князьями.

Раннее сиротство, лишение, хотя и небольшое, княжеского удела, благочестивое воспитание в особенном почтении к иноческому званию – все это привело богобоязненного юношу князя Андрея Димитриевича к сознанию тленности и временности всего земного – всего того, к чему стремятся, чего ищут, чем живут мирские люди. Соседний Каменный монастырь на уединенном маленьком острове Кубенского озера показался юноше-князю тихой пристанью, в которой он мог отдохнуть от суеты, невзгод и обид мирской жизни. И вот, имея за 20 лет от роду, князь Андрей приходит в монастырь (в 1452 г.) и просит игумена Кассиана удо-

стоить его иноческого образа. Но игумен был не рад приходу молодого князя. Его просьба о принятии в монастырь привела игумена в страх и трепет, потому что он боялся гнева великого князя московского, неприязненно относившегося к князьям Заозерским, родственникам Шемяки. Однако усиленные моления князя Андрея склонили Кассиана на согласие. Он изобразил князю всю скудость монастырского жития, всю трудность иноческого подвига; лишь когда эти речи не разубедили князя в его намерении, игумен постриг его в монашество и нарек Иоасафом, вероятно, в честь святого Иоасафа царевича, который также происходил из владетельного рода и оставил мир ради Христа, – почему впоследствии и преподобный Иоасаф в Спасо-Каменном монастыре именовался «Иоасафом-царевичем». Новопостриженного инока игумен передал в послушание и для руководства в монашеской жизни опытному старцу Григорию.

Преподобный Иоасаф отличался полным послушанием не только игумену и своему старцу, но и прочим братиям, смирением сердца, постничеством, душевным умилением, усердием в молитве келейной и благоговейным стоянием в церкви во время богослужения; любил читать книги, особенно о житиях преподобных отцов, преподобный преуспевал в добродетелях: был украшен благою кротостью и разумною простотою. Он оставил всякую печаль о земном, об одном только заботясь – об угождении Богу. С братией он встречался лишь на молитве. Все в монастыре удивлялись его добро-

детелям. Местом своих подвигов преподобный Иоасаф был очень доволен. Спасо-Каменный монастырь стоит на острове Кубенского озера и водою, как стенами, огражден от соблазнов и печалей мира. Святой радовался такому местоположению обители и восклицал: «Се покой! Зде вселюся».

Старец преподобного Иоасафа, как добрый кормчий, вел своего послушника вперед по пути добродетели, но вскоре преставился к вечной жизни. Несмотря на юность свою, преподобный Иоасаф достиг высших степеней совершенства, и Господь удостоил его Своего явления. Сидя раз в келлии, преподобный Иоасаф пел псалмы Давида; тогда явился ему Господь наш Иисус Христос и сказал: «Мир тебе, возлюбленный угодник Мой!» Преподобный исполнился страха и трепета и спросил: «Какая причина явлению Твоему, Господи Человеколюбче?» – «Видишь ли эту окрестную пустыню, – изрек ему Господь, – ради тебя всю ее наполню пустынниками, славящими имя Мое». Преподобный спросил Господа, какое более действительное оружие против врага нашего спасения, и узнал, что действительнее всего исполнение заповедей Божиих.

Но диавол не оставляет в покое истинных угодников Божиих. Много раз духи злобы вооружались на преподобного Иоасафа, но молитвою он отгонял их, а игумен, по смерти старца, постоянно направлял и руководил юного подвижника.

Однажды приехал в обитель родной дядя преподобного,

князь Ржевский Борис Васильевич, он привез преподобному Иоасафу деньги для раздачи инокам.

Но подвижник отказался принять их и сказал князю: «Инокам нет нужды в золоте и серебре. Мы живем в пустыне и никто из пустынников не примет от тебя даже малого. Но не скорби, Бог примет твой дар, если принесенные деньги раздашь нищим и нуждающимся, сиротам и вдовицам, которых так много по городам». Князь Борис Васильевич поступил по совету преподобного Иоасафа.

Не довольствуясь обычными иноческими подвигами, преподобный решил жить в безмолвии, то есть затворился в своей келлии, так что не видел лица человеческого и не вел бесед с людьми. Мысль его непрестанно устремлена была теперь к горнему. Став на молитву, он, как на крыльях, возносился духом своим на небо и сподобился предвкушения райского блаженства. В последнее время своей жизни преподобный достиг крайней степени поста и воздержания: по воскресным дням он причащался Святых Христовых Таин и после постился целую седмицу.

От великого воздержания и трудов преподобный Иоасаф, еще юный подвижник, изнемог телесными силами и впал в болезнь. Благодаря Бога за посланную болезнь, терпеливо переносил он ее и, чуждаясь общения с людьми, пребывал в молитве и богомыслии. Но когда преподобный почувствовал приближение своей кончины, он призвал к себе игумена и всю братию. Умоляя, он просил их о том, о чем постоян-

но заботился и раньше, чтобы общежительный устав нерушимо соблюдался в обители. После того, получив некоторое облегчение своей болезни, преподобный принимал участие в общей молитве братии. В праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8/21 сентября) он велел вести себя в церковь к Литургии, причастился за нею Святых Таин, получил благословение и прощение от братии, был опять отведен в келлию и положен на одр. Снова подвижник впал в немощь, так что игумен и братия, приходя к нему и видя его страдания, очень скорбели. На смертном одре своем преподобный продолжил увещевать и утешать скорбящих об нем иноков, наставлял их избегать всяких споров и несогласий. Приходившие к нему монахи целовали его со слезами и просили у него последнего благословения, и святой сам всех лобызал и у всех просил благословения и молитв. Наступило 10 сентября – день кончины преподобного. Когда братия собрались к нему, он велел начать правило и по совершении его встал с постели, взял кадильницу с фимиамом и велел игумену покадить святые иконы и всю братию. Затем он сотворил молитву Господу и Богоматери, изливая в ней свои прошения не о себе только, но и о всей обители, в которой подвизался добрым подвигом, о ее духовном процветании. По окончании молитвы преподобный опять возлег на одр и молился о своем исхождении, нимало не печалясь, а более радуясь в надежде на будущее блаженство, и с молитвой на устах тихо скончался. Лицо его было светло, как будто он не умер,

но уснул. Игумен и вся братия скорбели и рыдали. Положив святое тело подвижника на одр, они понесли его на своих главах в церковь, совершили надгробное пение и погребли его в Успенской (тогда еще деревянной) церкви, на правой стороне. Пять лет подвизался преподобный в Спасо-Каменном монастыре. Он пришел в обитель в 1452 году, следовательно, кончина его последовала в 1457 году.

Вскоре по преставлении преподобного Иоасафа начались чудеса при его гробе. Уже из первых богомольцев, стекавшихся в обитель по преставлении преподобного, многие больные выздоровели. Исцеления неоскудно изливались и после. Особенно много больных лихорадкой получили здесь исцеление. Местное празднование преподобному Иоасафу установлено было вскоре после его кончины.

Тропарь, глас 2

Яко древо насажденное при водах воздержания, струями слез твоих напаяем, преподобне отче Иоасафе, сеяв бо слезами, в радости жнеши добродетельныя рукояти. Тем Великий Мздовоздаятель в житницах небесных тя сокровище положи, но поминай чтущих любовию пресветлую память твою, моли Святую Троицу, преподобне Иоасафе, спастися душам нашим.

Ин тропарь, глас 2

Насажденный при водах воздержания, струями слез твоих напаяем, яко леторасль живоносная в вертограде Церкве Божия процвел еси, блаженне Иоасафе, плоды добродетелей возращая и души верующих питая. Темже и Христос в небесныя страны тя пресели. Но поминай нас, любовию святую твою память чтущих, благоверне княже, и моли Пресвятую Троицу во еже спастися душам нашим.

Кондак, глас 4

Явися велие солнце Христове Церкви, просвещая тех житием своим, всечестне, яко черпалом златым от кладезя неископаннаго, чудеса почерпл еси от источника неистощимаго, на успение свое пришел еси, всеблаженне Иоасафе, ныне всем даеши грехом прощение.

Житие преподобного Павла Послушливого, в дальних пещерах почивающего (память 10/23 сентября)

Преподобный Павел Послушливый (XIII–XIV вв.) – подвижник Дальних пещер в Киеве. По принятии иноческого образа в Печерском монастыре преподобный безропотно проходил самые тяжелые прослушания, на которые его посылал настоятель. Он никогда не был в праздности, и когда нес послушания, «меляше в жорнах, размашисто, изнуряя тело свое всегда», хранил непрестанную внутреннюю молитву, «и проводя живот свой, побожно скончася». Память его Церковь чтит 10/23 сентября, в один день с тезоименитым святителем Павлом, епископом Никейским (IX в.), и 28 августа/10 сентября вместе с Собором преподобных отцов, почивающих в Дальних пещерах.

Тропарь, глас 3

Послушанию Христову подражавый, и имени его ради во всяком послушании, терпеливне, даже до смерти, Павле всечестне, потрудивыйся, мзду же ныне послушания своего трудолюбно от Господа прием, к Нему всегда молися о нас, поющих тя.

Кондак, глас 1

Послушника истинна и преподобным равночестна, всеблаженнаго отца нашего Павла, приидите, любимицы, усердне ублажим, яко молящася непрестанно о всех нас.

Житие преподобных Сергия и Германа Валаамских (память 11/24 сентября)

Преподобные Сергий и Герман Валаамские поселились на Валаамском острове в 1329 году. В Софийском свитке, писанном в конце XVI века, записано: «В лето 6837 (1329) старец Сергий пришел на Валаамов остров».

Преподобные своими наставлениями и жизнью много способствовали распространению и утверждению Православной веры в Карелии, которая много страдала от притеснений шведских папистов. Собранное ими братство явилось светочем Православия в этом крае. Карелы начали вновь с доверием относиться к христианству, авторитет которого был подорван в XIII веке шведами, мечом насаждавшими католичество. Основанная преподобными Сергием и Германом Спасо-Преображенская обитель была довольно многолюдной, и для нее ими установлено было полное общежитие. «На Валааме, – писали валаамские иноки, – исстари, как только стал монастырь, начальники Валаамского монастыря Сергий и Герман установили общину, полотняную одежду и обувь давали каждому.» Блаженная кончина Валаамских начальников последовала около 1353 года.

Валаамский монастырь с древних времен часто подвер-

гался разорениям от шведов, поэтому мощи преподобных Сергия и Германа не раз были переносимы из обители в Новгород и обратно. Одно из таких перенесений и празднуется 11 сентября. Написание иконы преподобных Сергия и Германа последовало около 1401 года. После шведского разорения мощи в начале XVIII века, когда по Нейштатскому миру Валаам снова отошел к России, были перенесены на остров и почивают под спудом в храме Преображения Господня.

В XVIII веке митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) вызвал, по благословению Святейшего Синода, старца Назария и назначил его игуменом Валаамского монастыря. Были устроены уединенные скиты на небольших островках, разбросанных вокруг Преображенского монастыря. В результате его пастырской деятельности было возрождено старчество, на острове процвела особо духовная жизнь по завету преподобных Сергия и Германа Валаамских.

Служба Валаамским чудотворцам ранее совершалась по Общей Минее. Строитель Коневского монастыря (впоследствии Тихвинский архимандрит) Иларион составил им особую службу, которая, по рассмотрении Святейшим Синодом, в 1817 году была напечатана. В 1819 году, 20 октября, Святейший Синод определил день памяти 28 июня/11 июля и день перенесения мощей преподобных Сергия и Германа 11/24 сентября внести во все печатные месяцесловы.

Тропарь, глас 4

Евангелия Христова истиннии послушницы явистеся, преподобнии, мир и вся яже в нем, яко не сущая преобидевше любве ради Христове, и в морский остров вселистеся, и трудолюбно в нем противу козней невидимых врагов подвизастеся, постом, бдением же и всенощным стоянием плоти своя духу мудре повинули есте. Сего ради от вседержительныя десницы достойный венцы прияли есте. И ныне Пресвятей Троице предстояще, молитеся, всеблаженнии отцы Сергие и Германе, сохранитися в мире отечеству нашему, и спастися душам нашим.

Ин тропарь, глас 1

От мирския молвы бегающе, безмолвия и благочестия рачители, в тихое пристанище Валаама от востока приидосте, и в нем евангельски Христу добродетельми последовавше, на верх совершенства востекли есте; и ныне в торжестве премирном богозрением наслаждающиеся, всеблаженнии отцы Сергие и Германе, Человеколюбца Бога молите, еже спасти всех нас, благочестно вас почитающих.

Кондак, глас 4

От мирскаго жития изшедше, отвержением мира Христу последовасте, и достигосте великаго Нева езера, и в нем на острове Валааме всельшеся, равноангельное житие пожили есте; отонудуже веселящеся прешли есте к небесным чертогам. И ныне со Ангелы Владычню Престолу предстояще поминайте нас, чад своих, яже собрали есте, богомудрии, да радостно от души вопием: радуйтеся, Сергие и Германе, отцы преблаженнии.

Молитва

О велиции отцы наши, Христовы угодницы и теплии предстатели ко Спасу о душах наших, Сергие и Германе! Вы бо в недузех целители явистеся, по морю плавающим кормчии, и утопающим благонадежное избавление, и от всякаго смертоноснаго нашествия хранители, паче же от духов нечистых свобождение и всяких наветов, противу нас содержимых, очищение и помощь. О преблаженнии отцы и чудотворцы преславнии, Сергие и Германе, молитеся ко Владыце Христу о нас, грешных, яко да вашими молитвами сподобимся в день Судный деснаго предстояния и наслаждения во Царствии Божия во веки веков. Аминь.

Житие преподобного Афанасия Высоцкого (память 12/25 сентября)

Преподобный Афанасий Высоцкий (Серпуховской) был одним из учеников преподобного Сергия Радонежского. Он родился в семье священника Авксентия из Новогородской области (Обонежской пятины[24]) и в миру носил имя Андрей.

Родителями своими Андрей воспитан был в правилах христианского благочестия и еще в детстве обучен чтению, письму и церковному пению. С ранних лет полюбил он храм Божий, часто молился в нем, и самое решение посвятить себя иноческой жизни созрело в юноше во время богослужения. Однажды во время Литургии Андрея поразили Слова Господа из дневного Евангельского зачала: *Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24; Мк. 8, 34); и в этих словах он услышал призыв к иночеству. В то время распространилась уже на Руси слава о великом подвижнике Радонежском преподобном Сергии и об основанной им пустынной Троицкой обители. Под руководством преподобного Сергия и пожелал Андрей проходить подвиг иночества; пешком пришел он из Обонежья в Троицкую обитель и со слезами упал к ногам

[24] Пятинами назывались владения Новгорода Великого, наиболее близкие к нему. Обонежская пятина шла справа от реки Волхова на северо-восток к Белому морю по обе стороны Онежского озера.

святого старца, прося принять его в число своих учеников. Преподобный Сергий исполнил пламенное желание Андрея, принял его в обитель и для испытания назначил ему послушание – трудиться на поварне. Проходя это испытание, Андрей показал себя благопокорным тружеником и усердным молитвенником, и потому преподобный Сергий постриг его в монашество, дав при этом иноческое имя Афанасий.

Новый инок отличался добронравием, чистотою мысли и совершенным послушанием. «Во все время, пока ты был при мне, – говорил ему впоследствии преподобный Сергий, – ты ни разу не оказал непослушания не только мне, но и братии» В то же время Афанасий отличался среди других братией знанием Священного Писания и любовью к переписыванию книг. Он оставил в Троицкой обители много «доброписаний» своей руки и за свою начитанность и любовь к книгам особенно любим был преподобным Сергием.

Такой инок способен был не только проходить монастырское послушание, но и руководить других на иноческом пути. И действительно, преподобный Афанасий стал основателем и игуменом одного из первых монастырей, происшедших от великой Лавры Сергиевой, – монастыря Высоцкого Серпуховского.

Благочестивый князь Серпуховской Владимир Андреевич Храбрый, почитавший и любивший монашеский и священнический чин, задумал устроить в своем городе монастырь. Он просил преподобного Сергия прибыть к нему для бла-

гословения и основания обители. Исполняя желание князя и видя его усердие к монастырям и храмам Божиим, преподобный Сергий с радостью и без замедления пришел в Серпухов, осмотрел и одобрил выбранное князем место для будущей обители, называвшееся Высоким (по своему положению на очень высоком берегу Нары), и своими руками заложил основание храма в честь Зачатия Пресвятой Богородицы праведной Анной. Это было в 1374 году Князь Владимир просил у преподобного Сергия любимого ученика его преподобного Афанасия в игумены нового монастыря. Князь знал преподобного Афанасия потому, что Радонежская обитель находилась в его княжестве и он часто посещал ее. Жалко было великому подвижнику отпускать от себя мужа, чудного в добродетелях и разумного в Божественном Писании. Но склоняясь на просьбу князя Владимира, он отпустил в Серпухов преподобного Афанасия. Благодаря щедротам усердного князя скоро воздвигнут был храм обители, устроены братские келлии. Строитель пожертвовал в обитель все потребное в изобилии: святые иконы, книги, священные сосуды. На высокой горе прекрасно устроенный монастырь был очень красив. Быстро собирались в него братия, и преподобный Афанасий, искусный и разумный в управлении монастырем, ввел в обители строгое общежитие. Поэтому монастырь процветал и нравами. В числе первых иноков Высоцкого монастыря был преподобного Никон, впоследствии преемник самого преподобного Сергия по игуменству в Тро-

ицком монастыре. Весьма знаменательно то, что когда юный Никон пришел в Троицкую обитель и просил пострижения, сам преподобный Сергий направил его сперва в Высоцкий монастырь к преподобному Афанасию, сказав, что он получит там наставление в иноческой жизни: так ценил великий подвижник духовное руководство преподобного Афанасия. После же того, как преподобный Никон прошел первоначальный монашеский искус и удостоился сана священства за свои подвиги, преподобный Сергий взял его в свой монастырь и перед смертью назначил своим преемником по игуменству.

Преподобный Афанасий поучал подчиненную братию как высоким личным примером своим, так и проповедническим словом; свои наставления преподобный брал из творений святых – Василия Великого, Исаака Сирина и других отцов Церкви. По-прежнему, как и в Троицком монастыре, он любил переписывать душеполезные книги: эти книги его письма и после него долго хранились в Высоцком монастыре. Заставлял трудиться над перепискою книг и братию монастыря.

Преподобный был в близких, дружеских отношениях с тогдашним Московским митрополитом Киприаном (память 16/29 сентября), который и сам приезжал в Высоцкий монастырь для освящения каменной церкви, заменившей первоначальную деревянную (эта каменная церковь построена была тем же серпуховским князем Владимиром Андреевичем).

Высоцкий игумен и митрополит Московский вели между собою переписку. Когда в 1382 году митрополит Киприан вследствие неудовольствия на него великого князя Димитрия Донского удалился из Москвы в Киев, вместе с ним на некоторое время уехал туда же и преподобный Афанасий. В 1387 году митрополит Киприан по вызову Константинопольского патриарха должен был отправиться в Константинополь. Пользуясь этим невольным путешествием митрополита, преподобный решился сопутствовать ему и уже навсегда оставил свой Высоцкий монастырь. Летопись объясняет нам причину этого решения в таких словах: «Бога ради остави игуменство». Это должно понимать так, что Афанасий, подобно преподобному Никону, вскоре после смерти преподобного Сергия оставившему игуменство, возжелал совершенного безмолвия и уединения.

Но оставляя игуменство в Высоцком монастыре, преподобный Афанасий передал его в добрые и верные руки: он вручил управление обителью соименнику своему, им же воспитанному в иноческих добродетелях, Афанасию Младшему, как назывался он в отличие от своего учителя[25].

В Константинополе подвижник вместе с митрополитом Киприаном жил в Предтечевом монастыре, носившем прозвание «Богом богатого», затем подвизался в обители Пе-

[25] Преподобный Афанасий Младший, в мире Амос, скончался 12 сентября 1395 г. Память его в один день с преподобным Афанасием, учеником преподобного Сергия.

ривлепто. В одном из этих монастырей святой Афанасий купил себе келлию и право на содержание от монастыря и пребывал, как один из убогих, оставив попечение о настоящем и желая будущего воздаяния. Когда митрополит Киприан в 1390 году приехал снова в Москву и утвердился на митрополичьем престоле, он много упрашивал преподобного Афанасия, чтобы тот возвратился в Россию и принял почетную должность. Но смиренный подвижник решительно отказался от этого и сказал: «Эта келлия моя дороже мне всяких почестей!»

Один из учеников Афанасия в Предтечевом монастыре, сообщивший известие об этом отказе, справедливо. восклицал: «О, ум рассудительный! О, взор светлый! Дивлюсь я твоему воздержному житию!»

Проживая в Константинополе, преподобный Афанасий не покидал своего любимого занятия – переписывания церковных книг. В 1401 году он списал своей рукой церковный устав под названием «Око церковное», который много раз переписывался и быстро распространился в России. Послав такой устав на родину, преподобный Афанасий, по всей вероятности, следовал своему сердечному желанию сообщить в свое Отечество такое руководство, которое помогло бы править службу церковную благообразно и по чину (из одного послания к нему митрополита Киприана, написанного еще в Высоцком монастыре, мы видим, что и тогда преподобного весьма интересовали многие вопросы, относящиеся

к уставному совершению богослужения). Имея любовь к переписыванию книг, преподобный воспитывал любовь к этому занятию и в других иноках. Так, в 1392 году один из учеников по его благословению и совету написал в Предтечевой царской обители Константинополя Сборник отеческих сочинений (400 глав преподобного Марка Исповедника, главы преподобного Марка, Слово Симеона Нового Богослова, несколько Слов Иоанна Златоуста и Исаака Сирина).

Живя в Константинополе, преподобный Афанасий не забывал своего Серпуховского монастыря; он прислал в него несколько икон византийского письма, которые и доныне стоят в главном монастырском храме Пресвятой Богородицы над царскими вратами.

Преподобный Афанасий и в Константинополе пользовался, вероятно, большим почетом и уважением за свою подвижническую жизнь; переписчик упомянутого выше святоотеческого Сборника именует его «священночестнейшим между иноками». «Прожив в молчании со святым старцем», преподобный «в старости глубоце преставился ко Господу» в Константинополе, по всей вероятности, в первых годах XV века.

Память преподобного Афанасия празднуется местно.

Житие преподобного Вассиана Тиксненского (память 12/25 сентября)

В XVI столетии в деревне Бурцеве[26] жил благочестивый крестьянин Василий. Кроме землепашества Василий знал еще мастерство портного и каждый год, окончив полевые работы, ходил шить по ближним и дальним селам и деревням. Мастерство давало Василию хорошие доходы, и небольшое семейство его, состоявшее из жены и двух сыновей, не терпело нужды ни в чем. Это же мастерство, заставлявшее Василия много узнать и перевидать, содействовало и его духовному развитию. От природы он обладал богатыми способностями, горячим, отзывчивым сердцем и светлым, наблюдательным умом. И вот, переходя из селения в селение, знакомясь с разными людьми, он мог многому научиться. Любил Василий побеседовать с умными и набожными людьми о святой вере, о законе Божием, о спасении души; любил послушать чтение Божественных книг. Но более всего любил он ходить в храм Божий, горячо молиться, со вниманием и благоговением слушать церковное пение и чтение. Мало-помалу таким путем, и не зная грамоты, благочестивый крестьянин научился закону Божию и всей душой прилепился

[26] Деревня Бурцево Стрелицкой волости, Тотемского уезда, Вологодской губернии.

к Богу. Он теперь ясно понимал, что требуется от человека для спасения души, для жизни благочестивой по заповедям Божиим. Жизнь людей, которых он много видел, заставила задуматься наблюдательного Василия. Чаще и чаще приходило ему на мысль: почему это люди только заботятся о теле, о душе же и не думают? Почему они хлопочут только о земном, а о небесном и не вспоминают? Просвещенный законом Божиим ум его ясно видел, как не соответствует жизнь людей требованиям Евангелия. Суета мирская возмущала его; каждый слух о неправде, обиде или насилии наносил тяжелую рану его отзывчивому и чистому сердцу. И чем больше размышлял Василий о тщете и суетности мирской, тем больше отвращался от мира. Он чувствовал в сердце своем голос Отца Небесного, в душе его возгорелось неискоренимое желание уйти из мира, жить для Бога и для спасения своей души.

И как скоро это непоколебимое намерение созрело в душе Василия, он поспешил его выполнить. Чтобы не встретить противодействия со стороны родных, тайком, ночью, ушел он из своего дома и отправился искать удобного места для предстоящих подвигов. Когда Василий пришел в местность между реками

Тиксной и Вопрой, вблизи озера Семенкова, где стояли два храма – во имя Христа Спасителя и святителя Николая Чудотворца, – красота места поразила его. Долго любовался он прекрасными видами, наслаждался тихим уединением

под сенью храмов Божиих и решил избрать это место для подвигов своих. «Как хорошо бы, – думал Василий, – устроить здесь келлию и молиться в ней Богу в уединении и безмолвии». Приняв такое решение и отдохнув здесь немного, Василий отправился в город Тотьму в Спасо-Суморинскую обитель преподобного Феодосия († 1568; память 28 января/10 февраля). Он припал к ногам настоятеля иеромонаха Ферапонта и со слезами умолял принять его в монастырь и удостоить пострижения в иноческий сан. Тщетно Ферапонт указывал пришедшему на то бедственное положение, какое будет терпеть его семейство, лишившись своего кормильца, на тяжесть монашеской жизни и обетов иночества – ничто не могло поколебать намерения Василия. Наконец, видя его твердое решение посвятить жизнь свою Богу, игумен уступил настойчивой просьбе и постриг Василия в монашество, дав иноческое имя Вассиан. Игумен поручил новопостриженного руководству опытного старца, причем заповедал преподобному Вассиану смирение, терпение, полное отречение от своей воли и послушание воле руководителя. Глубоко к сердцу принял преподобный увещания настоятеля и всеми силами стремился выполнить их в своей жизни.

По приказанию своего старца подвижник поступил на послушание в пекарню. Несмотря на тяжесть и беспокойство этого труда, безропотно перенося и зимний холод, и сильный жар, проводя целый день на ногах, преподобный никогда не тяготился своим послушанием, даже постоянно ста-

рался услужить, чем только мог, каждому из братии. Охотно исполнял он самые трудные монастырские работы и еще находил время неопустительно посещать службы Божии. Все дивились усердию и неутомимости преподобного.

Пробыв в обители несколько лет в молчании и смирении, подвижник приобрел немалую опытность в духовной жизни. Тогда он возревновал о высших подвигах благочестия и испросил у игумена Ферапонта благословения удалиться в излюбленное место – на реку Тиксну, чтобы там подвизаться в полном уединении и безмолвии, предаваться молитве и посту. Игумен не стал прекословить и дал преподобному свое благословение. В монастырском храме во имя Преображения Господня, у гроба преподобного Феодосия, игумен отслужил молебен, со слезами простился с уходящим иноком и благословил его иконой Пресвятой Троицы. Плакал и преподобный Вассиан, прощаясь с братией, и, припадая к ногам настоятеля, молил его хоть изредка навещать своего духовного сына.

И снова подвижник прибыл на Тиксну, и душа его исполнилась великой радостью. Войдя на паперть храма Христа Спасителя, он повергся пред иконой и горячо молился, прося Божия благословения на новые подвиги. Потом отправился к настоятелю храма, священнику Нестору Андрееву, и усердно просил священника, весь причт и прихожан уступить ему немного места на погосте для построения небольшой келлии. Те беспрекословно согласились, а прихожане

даже выразили желание срубить иноку и самую келлию.

Все время, пока строилась келлия, преподобный Вассиан проводил на паперти церковной, пребывая в посте и молитве. Когда же постройка была окончена и священник по просьбе его, отслужив молебен перед иконой Святой Троицы, освятил келлию, подвижник поселился в ней. Это было в 1594 г.

Достигнув исполнения своего желания, преподобный Вассиан с новым усердием предался подвигам поста, молитвы и воздержания. Неопустительно каждую службу посещал он церковь Божию; у себя в келлии непрестанно молился, ежедневно совершая полное иноческое правило. Питался тем, что по усердию приносили ему добрые люди. В его келлию входил один духовник. Когда же приносили преподобному подаяние или просили его совета, он не принимал пришедших в келлию, но беседовал с ними через окошко. Постелью служил подвижнику голый земляной пол, но большей частью он не смыкал очей и целые ночи проводил в молитве и коленопреклонении.

Однако же и такая жизнь казалась преподобному Вассиану недостаточно богоугодной. Когда посетил его духовный отец, игумен Ферапонт, преподобный испросил у него благословения носить вериги для большего умерщвления плоти, да дух спасается. Дивясь силе духа и крепости благочестия преподобного Вассиана, Ферапонт благословил его на этот новый подвиг, и подвижник с великой радостью возложил

на свои плечи цепи, на руки и ноги одел оковы, на чресла – широкий железный обруч, а на голову – тяжелую железную шапку, прикрыв ее куколем.

Очищая дух страданиями грешной плоти, все более удаляясь от бренного мира и приближаясь к Богу, тридцать лет подвизался преподобный в затворе, и при жизни его никто, кроме игумена Ферапонта, не знал, какими тяжестями смирял он свое тело.

Достигнув уже преклонных лет и предчувствуя блаженную кончину свою, преподобный пригласил духовника своего, исповедал ему грехи, причастился Святых Христовых Таин, простился с ним, и со слезами радости воскликнув: «Господи! В руце Твои предаю дух мой!» – скончался 12 сентября 1624 года.

Старец Ферапонт, видевший блаженную кончину преподобного, обрядил тело его по иноческому уставу и, пригласив из окрестных сел священников, при множестве народа, предал его земле в десяти саженях от храма.

Окрестные крестьяне, пользовавшиеся духовными беседами и наставлениями преподобного Вассиана, уверенные в святости его жизни, вскоре после его кончины стали призывать святого в молитвах. Они построили над гробом преподобного часовню, поставили в ней икону Пресвятой Богородицы, а на гробницу его возложили те тяжести, которыми он смирял свою плоть.

Прошло несколько лет, и на месте подвигов преподобного

Вассиана возникла обитель в честь Нерукотворенного Образа Спасителя.

Господь вскоре прославил Своего угодника дивными знамениями и чудесами.

Местное почитание преподобного Вассиана как святого началось со времени губительной моровой язвы в 1647 году. В этом году по всему Тотемскому уезду распространилось моровое поветрие: и люди, и животные умирали скоропостижной смертью. Особенно сильно свирепствовала язва на Тиксне. По приказанию царя Алексея Михайловича всю Тиксненскую волость кругом завалили лесом и на всех дорогах поставили стражу, которая не пропускала ни прохожих, ни плывущих по реке. Но ездившие этим путем в Архангельск московские купцы терпели от этого запрещения большие убытки. Поэтому они просили царя снять его. Тогда, по приказанию государя, был послан на Тиксну для расследования дела дворянин Иоанн Акингеров. Приехав на Тиксну и отслужив молебен в церкви Спаса, Акингеров зашел в часовню, построенную над гробом преподобного Вассиана. Увидев вериги, оковы и поручи, памятники терпения и трудов преподобного, он удивлялся высоте его подвигов. Тотчас же он приказал, чтобы все жители Тиксненской волости собрались на молебен. Когда все собрались от мала до велика и служили молебен, вдруг умерло от язвы девять человек. Ужас объял народ. Акингеров, священник и все крестьяне в трепете припали ко гробу преподобного Вассиана и со сле-

зами молили его: «О преподобне отче наш Вассиане, избави нас от сего смертоносия и от тлетворного ветра!» И после молебного пения по молитве преподобного Вассиана моровая язва сразу же прекратилась.

Женщина, по имени Елена, ослепла и ничего не видела шесть лет и пять месяцев. Но, увидев во сне преподобного, она пришла на Тиксну и, с молитвой приложившись к его гробу, тотчас прозрела.

Другая женщина, Иустиния, также давно ничего не видевшая, была привезена на Тиксну своей матерью. Отслужив молебен, обе женщины с дозволения священника остались на ночь у гроба преподобного, чтобы помолиться. В конце ночи они услышали в церкви необычный шум и от страха пали на землю. За стеной они слышали голоса, и когда мать посмотрела в окно, то увидела двух человек, разговаривающих между собой. «Куда ты идешь, брат, – сказал один, – и что несешь с собою?» – «Я несу святую воду, чтобы омыть женщину Иустинию», – отвечал другой.

Услышав это, мать и дочь снова припали к гробу преподобного и с новым усердием стали молиться. Во время молитвы Иустиния слышала голоса многих поющих, чувствовала, что кто-то кропил ее святой водой и отирал глаза ее одеждой, но ничего не видела. Потом, пробудившись как бы от сна, она вдруг стала видеть все, как будто никогда и не была слепой.

Солдатка-вдова Матрона Герасимовна четыре недели

страдала горячкой. Болезнь усилилась до такой степени, что женщина в продолжение двух недель не только никого не узнавала, но даже не видела и самой комнаты, где лежала.

Но однажды ей представилось, что к постели ее подошли два монаха, высокие ростом, в низких черных клобуках и белых срачицах. Один из них стал по правую сторону у постели больной, а другой – по левую, и первый, приказав Матроне молиться преподобному Вассиану, почивающему в Тикснен-ской волости, при этом указывал перстом на инока, стоящего слева и державшего в руках медный ковш с чистой водой. Потом оба они, омывши из ковша водою больную с головы до ног, стали невидимы. Тотчас после этого видения Матрона очнулась, пришла в сознание и почувствовала себя настолько здоровой, что на другой же день принялась за работу.

Многими и иными дивными чудесами прославил Бог преподобного Вассиана, прилепившегося к Богу и оставившего мир, презиравшего плоть и прилежавшего о спасении души своей.

Мощи преподобного Вассиана почивали под спудом в приходской Преображенской церкви.

Житие преподобного Афанасия Младшего, Серпуховского (память 12/25 сентября)

Когда с помощью благочестивого Серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго новый игумен Афанасий Старший построил в городе Серпухове храм и келии монастыря, прозванного Высоцким, тогда скоро стали собираться к нему ученики. Первый из них был преподобный Никон, будущий игумен Лавры Сергиевой, присланный сюда самим Сергием, а вторым – Амос, сын знатных родителей, из Ярославской области, который при пострижении был назван Афанасием. Блаженный игумен ревностно заботился о душевной пользе учеников своих, советовал им остерегаться праздности и как можно чаще заниматься чтением книг, преподобный Афанасий перед удалением своим в Царь-град назначил Афанасия (Младшего) своим преемником в Высоцком монастыре.

О блаженном Афанасии (Младшем) известно, что он успешно направлял духовную жизнь братии и подавал пример своей богоугодной жизнью. Почил святой Афанасий Младший после долгой болезни 12 сентября 1395 года. В рукописных святцах о нем сказано: «Преподобный Афанасий, игумен Высоцкого Зачатского монастыря, иже в Серпухове,

новый чудотворец, преставился в лето 6904 (1395), сентября в 12-й день, ученик преподобного Афанасия, дивнаго ученика преподобного Сергия Радонежского, что после был в Царь-граде и тамо преставися».

Житие и чудеса святого праведного Симеона Верхотурского (память 12/25 сентября)

Праведный Симеон, сын благородных родителей, родился вне пределов Сибири в начале XVII века. Дворянин по происхождению, он презрел все мирские почести, удалился из России за Урал в Сибирь и прибыл в Верхотурскую область. Но святой не поселился в самом городе Верхотурье, ибо он избегал мирской суеты, а город Верхотурье был известен тогда как торговое место, где трудно было вести тихую жизнь, как того желал святой Симеон. Посему он остановился в селе Меркушине, которое отстояло от Верхотурья верст на пятьдесят. Самая природа того места располагала святого мужа к богомыслию и отшельническим трудам. Величественные кедры, громадные ели, густые леса, местами прекрасные долины, вздымавшиеся скалистые утесы привлекали к себе подвижника. Он не жил постоянно в селе Меркушине, но часто оставлял его, странником ходил по окрестным селам и деревням или уединялся где-либо на берегах реки Туры, предаваясь различным подвигам и в молитве беседуя с Создателем. Твердой своей верой в Бога он подавал всем пример благочестивой жизни. Он не хотел, чтобы руки его оставались праздными, но сам снискивал себе пропи-

тание. Забыв о своем благородном происхождении на земле, он восхотел сделаться причастником Царства Христова и гражданином Горнего Иерусалима. О трудолюбии праведного Симеона осталась неизгладимая память в потомстве. Он занимался шитьем шуб с нашивками и таким образом доставал пропитание себе и помогал другим. По временам праведный Симеон удалялся в уединенное место на берегу реки Туры, в десяти верстах от Меркушина, и здесь занимался уженьем рыбы. И доселе указывают это место на правом берегу. Симеон садился здесь под раскидистой елью на камне, который существует еще до сих пор. Так, занятиями святого было: в зимнее время – шитье шуб, в летнее – ловля рыбы.

Богатый смирением, праведный Симеон отличался полной нестяжательностью. Занимаясь шитьем шуб, он обходил окрестные селения и работал в домах разных крестьян. Нередко при сем приходилось блаженному испытывать разные неудобства и лишения, но он все переносил, славя и благодаря Господа. Часто, даже когда работа в доме какого-либо поселянина была совсем окончена, Симеон тайно уходил из дома. За это его осуждали, но святой по своему обычаю терпеливо переносил все нарекания. Тогда поняли, что святой муж поступает так для того, чтобы уклониться от платы за свой труд.

Святой Симеон неуклонно посещал храм во имя Архистратига Божия Михаила, бывший в селе Меркушине. Ко всем относился он приветливо, старался всем служить, всем

помогать. Святой Симеон был крайне воздержан, любил уединение, отличался чистотой не только телесной, но и душевной, ко всем питал любовь нелицемерную.

Так подвизался праведный Симеон и, еще не дожив до старости, с верою отошел к Господу, Которому, как истинный и верный раб, служил все дни свой жизни. Его блаженная кончина последовала около 1642 года. Честное тело его было погребено в Меркушине недалеко от церкви во имя святого Михаила, Архистратига сил Небесных.

Не много известий о подвижнической жизни сего праведного мужа дошло до нас, но яснее всяких известий говорят о благочестивой жизни святого Симеона исцеления, которые обильной струей истекают от мощей сего великого угодника Божия уже более трех столетий. Смиренный при своей жизни, Симеон не любил прославления людского, избегал славы сего суетного мира. Посему память о нем уже начинала исчезать, но Богу не было угодно, чтобы забыт был на земле тот, кто все земное забыл ради Него.

В 1692 году заметили, что гроб праведного Симеона стал подниматься из земли. Все были поражены таким явлением, но еще более возросло изумление, когда сквозь расщелившиеся доски гробовой крышки увидели нетленные останки. А между тем уже не было человека, который мог бы припомнить имя праведника, гроб коего так чудесно стал являться. Все жители удивлялись такому необычайному явлению и благодарили Господа, являющего верных рабов Своих. Вско-

ре благоговейное почитание новоявленных мощей еще более усилилось, когда от них стали совершаться чудотворения.

В то самое время один воевода – Антоний Савелов – должен был ехать в Неречинск. Слуга этого воеводы Григорий еще за год до того впал в тяжелый недуг: все тело его расслабело, так что он не мог ни ходить, ни делать что-либо своими руками. Не желая оставлять своего слуги, воевода взял его с собою на место новой службы. Но в дороге Григорию сделалось еще хуже. Путь их лежал через Верхотурье. Прибыв туда, Григорий узнал от местных жителей о мощах новоявленного праведника и о том, что при гробе его подаются исцеления. Слыша сии рассказы, Григорий стал размышлять: «Быть может, Господь и мне подаст исцеление по молитвам Своего новоявленного угодника». Посему он просил своего господина, чтобы тот позволил ему съездить в Меркушино. Савелов позволил ему это. И вот, прибыв в Меркушино, Григорий над могилой праведного попросил сначала отслужить молебен святому Архистратигу Михаилу, а потом отпеть панихиду при гробе новоявленного святого. Усердно молился Григорий о тем, чтобы Господь даровал ему исцеление по молитвам Своего угодника. После сего он взял земли с гроба, обтер ею члены своего тела и тотчас почувствовал себя совершенно здоровым. В радости он стал прославлять Господа и рассказывал окружающим о чудесной помощи свыше.

Среди слышавших об исцелении Григория был слуга воеводы сибирского Андрея Нарышкина Илия Головачев. Он

сильно страдал глазами: на них образовалась злокачественная опухоль, и от великой боли Илия даже не мог глядеть. Страшась совершенно потерять свое зрение, он обратился ко Господу с усердной молитвой об исцелении. В таком положении его нашел Григорий, сам недавно получивший исцеление от своего недуга по молитвам святого Симеона. Григорий стал утешать Илию: «Не предавайся печали и отчаянию; вспомни, как милосерд Господь. Дивны Его благодеяния роду человеческому. И на мне, грешном, Он недавно проявил Свою милость, исцелил меня от тяжкого недуга по молитвам праведного человека Божия, новоявленного Сибирского чудотворца. Обратись с молитвой к сему угоднику Божию и можешь получить облегчение и исцеление».

По просьбе Илии Григорий дал ему земли с гроба Меркушинского чудотворца. Илия с верой, что праведник поможет ему, приложил сию землю к глазам. В следующую же ночь во время сна больной почувствовал, что из глаз его выделяется какая-то жидкость. Проснувшись, он заметил, что по лицу у него течет из глаз кровь; когда же сняли повязку, то вместе с нею отстала и самая опухоль. С великой радостью поспешил Илия придти утром к своему господину и рассказал ему обо всем случившемся; при сем он просил у Нарышкина позволения съездить в Меркушино на поклонение мощам новоявленного чудотворца и получил на то согласие.

Дочь того же Нарышкина страдала также глазной болезнью. Слыша о чудесах в Меркушине, воевода отправился с

нею в то селение. Здесь после панихиды над гробом праведника больная получила исцеление, как только приложила к глазам своим землю, взятую с гроба святого.

Слух о явлении мощей скоро достиг и до Тобольска. В то время Верхотурская страна принадлежала к Сибирской, епархии. Тобольские иерархи с особенным рвением наблюдали за чистотой православной веры. Между тем в сию страну были отправляемы различные люди, уклонившиеся от истинного Православия. Посему Тобольские святители часто сами совершали объезды своей епархии или же поручали сие кому-либо из своих помощников. В 1693 году с такой целью прибыл в Верхотурье клирик Сибирского архиерея, по имени Матфей. Из Верхотурья он направился в Меркушино. Здесь ему был показан выходящий из земли гроб с нетленными останками. Уверившись в действительности сего удивительного явления, Матфей донес о сем своему владыке, митрополиту Тобольскому Игнатию, незадолго до этого прибывшему в свою епархию. Кроме того упомянутый Матфей повелел священнику той церкви Иоанну Андреевичу и церковному старосте с прихожанами поставить небольшой сруб, или «голубчик», над выходящим гробом. Сие и было немедленно устроено. Вскоре после этого, в 1694 году, при гробе праведного произошло следующее чудесное исцеление. В Верхотурье жил тогда один пушкарь, по имени Иоанн Григорьев.

Его постигла тяжкая болезнь: он совершенно ослаб, так

что, не надеясь выздороветь, стал уже готовиться к смерти. Болезнь все усиливалась. И вот однажды, находясь в таком тягостном положении, он во сне услыхал голос: «Иоанн, иди в село Меркушино; вели священнику той церкви отпеть молебен святому Архангелу Божию Михаилу, а у выходящего гроба – совершить панихиду, и будешь здрав».

Пробудившись от сна, Иоанн тотчас же послал своего сына Стефана к священнику в село Меркушино. Там по просьбе Стефана был совершен молебен святому Архистратигу Михаилу и отпета панихида над гробом праведника. В сие самое время в Верхотурье расслабленный Иоанн почувствовал себя гораздо лучше, так что даже был в состоянии добраться без посторонней помощи к своему воеводе Иоанну Циклеру, рассказал ему о своем исцелении и о том, как он услышал во сне голос. Выслушав его рассказ, воевода сказал ему: «Не забывай же такой милости Божией».

Спустя неделю Иоанн отправился вместе со всем своим домом в Меркушино. Совершив над гробом праведного панихиду, он взял с гроба земли и стал обтирать ею свое тело и тотчас же почувствовал себя вполне здоровым, как будто никогда и не был болен.

Не только сам Иоанн испытал над собой помощь свыше по молитвам святого, но даже и дочь его, девица 15 лет, удостоилась получить по молитвам нового целителя избавление от своего недуга. Ее лицо стало покрываться неисцелимым струпом. Тогда отец ее, над самим собой недавно испытав-

ший чудесное исцеление при гробе праведного, с твердой верой обратился к сему угоднику. Взяв свое семейство, он отправился в Меркушино и там попросил священника совершить панихиду над гробом праведника. Так как тогда еще не было известно имени сего угодника Божия, то его поминали «именем, егоже Господь весть». После сего болящая обтерла землей с гроба святого свое лицо и получила, по молитвам его, полное исцеление.

В том же 1694 году совершилось новое чудо. Верхотурский воевода Иоанн Циклер сам рассказал о сем преосвященному митрополиту Тобольскому Игнатию, который прибыл в Верхотурье для освящения вновь построенного храм во имя Пресвятой Троицы.

Один из его слуг, по имени Петр, объезжал коня. Вдруг конь взбесился, сбросил с себя Петра, раздробил ему на одной ноге кость. Петр даже не мог сам приподняться с земли, нога его сильно распухла. Страдая, он дал обет сходить в село Меркушино, отслужить молебен святому Михаилу Архангелу и отпеть панихиду над гробом нового чудотворца. Но вследствие сильной боли он не мог отправиться туда пешком. «Посему он обратился ко мне с просьбой, чтобы я позволил ему ехать в Меркушино и дал лошадей, что я и приказал тотчас же исполнить», – рассказывал Циклер митрополиту.

В Меркушине, по просьбе Петра, сначала отслужили молебен Архистратигу Михаилу, затем панихиду над гробом

праведника. Петр взял земли с гроба святого и стал ею растирать ушибленное место. В это время и совершилось чудо по неизреченной милости Божией. Тотчас болезнь Петра прекратилась, опухоль опала, и он стал ходить, как будто никогда и не хворал. Все видевшие это чудо прославили Господа, Его великого Архистратига Михаила и вновь просиявшего праведника.

Вскоре было совершено первое освидетельствование святых мощей праведного. Вышеназванный митрополит Тобольский Игнатий, объезжая епархию, направлялся из Пелыми в город Верхотурье, где он намеревался освятить соборный храм. Прибыв в деревню Караульное на расстоянии семь верст от Меркушина, он остановился здесь на некоторое время. Здесь к нему приступил игумен Далматовской обители Исаак и сказал: «Недалеко отсюда стоит село Меркушино с храмом во имя святого Архистратига Михаила; при сей церкви находится выходящий из земли гроб. Не благоизволишь ли, владыка, сам осмотреть сей гроб? Уже немало чудес и знамений совершилось у него».

Но митрополит сам не хотел свидетельствовать гроб, а послал для того в Меркушино Исаака, игумена Далматовского, и вместе с ним ключаря Тобольского собора иерея Иоанна, другого иерея Иоасафа, диакона Петра и иеродиакона Далматовского монастыря Василида. Посланные быстро достигли села Меркушина и приступили к освидетельствованию гробницы с останками праведника. Их взорам представилось

все тело праведника: глава, перси, ребра, стан и ноги – все оставалось в целости, кожа словно приросла к костям, только немногое обратилось в персть. Сие первое освидетельствование последовало 18 декабря 1694 года.

Тем времени и митрополит, выслушав утреннее славословие в Караульном, направился с остальными своими спутниками в село Меркушино, ибо путь в город Верхотурье лежал через это селение. Прибыв в Меркушино, митрополит посетил церковь во имя Архистратига Михаила. Потом он спросил игумена Исаака: открывали ли они гробницу и что в ней обрели? Сам митрополит был в нерешимости и недоумении, когда услышал ответ игумена. Но милосердый Господь вскоре положил предел его колебаниям. В тот же самый день митрополит почувствовал боль в левом глазу. Преосвященный сначала подумал, что болезнь его произошла от зимней стужи и ветра. Но вдруг, словно молния, блеснула у него мысль, что болезнь постигла его за то, что он не хотел сам освидетельствовать мощей праведника. Тогда он стал молиться и взывал: «Помилуй мя, Господи, и исцели мое око. И ты, святый праведник, не гневайся на меня. Я обещаю, что после Божественной литургии, если тебе будет угодно, я сам приду к святым мощам твоим и сам воззрю на них». Тотчас же боль утихла, и он опять стал хорошо видеть своими глазами. Согласно со своим обещанием преосвященный после литургии вместе с игуменами, священниками и диаконами отправился к явленному гробу. Раскрыв гроб с подобающим бла-

говением, он нашел то же, что ему сообщил игумен Исаак: он увидел, что все тело праведника совершенно цело, только не сохранилось перстов на руках. Кости были плотно покрыты плотью, так что исполнилось слово Писания: *Прильпе кость моя плоти моей* (Пс. 101, 6), погребальные же пелены обратились в прах. Тогда исполненный благоговения митрополит провозгласил: «Свидетельствую и я, что воистину это мощи праведного и добродетельного человека; во всем подобны они мощам древних святых. Сей праведник подобен Алексию, митрополиту Московскому, или же Сергию Радонежскому, ибо он сподобился от Бога нетления, подобно сим светильникам веры православной!»

После сего митрополит приказал снова закрыть гроб. И то было удивительно, что самый гроб был новым, хотя, по рассказами местных жителей, он находился в земле уже более пятидесяти лет. Совершив панихиду, его снова засыпали землей на четверть, с произнесением слов: *Господня земля, и исполнение ея* (Пс. 23, 1). После сего преосвященный вышел из часовни к собравшемуся народу и спросил: «Нет ли среди вас человека, который бы помнил, кто погребен на сем месте?»

Из среды народа выступил 70-летний старец Афанасий и сказал: «Никто не помнит имени погребенного здесь праведника, только сохранилось среди нас предание, что у сей церкви первым был погребен какой-то благочестивый и добродетельный муж». Затем он рассказал, что знал о происхож-

дении и подвижнической жизни сего благочестивого мужа. Услышав все сие, митрополит сказал собравшимся: «Чада, молитесь Господу Богу, да откроет Он нам имя праведника, и я, грешный, сам буду молить о том же Господа».

Простясь с народом и преподав ему свое архипастырское благословение, преосвященный отправился в город Верхотурье. По дороге он размышлял обо всем бывшем, думал о том, что если Господь изволил проявить мощи Своего угодника, то Он же откроет и имя, данное сему праведнику при святом крещении. Уже десять верст отъехал от села Меркушина преосвященный. Среди своих размышлений он погрузился в дремоту, и внезапно в сонном видении представилось ему множество народа, вопрошающего об имени праведника. В то же самое время преосвященный услыхал глас: «Симеоном зовут его». После сего будто кто-то повторил: «Симеоном зовут его». Еще в третий раз кто-то назвал праведника уменьшительным ласкательным именем, как родители называют своих чад.

Великой радостью исполнился тогда преосвященный: он тотчас проснулся и понял, что видение было ему свыше. Объятый удивлением, прибыл преосвященный в Верхотурье, где остановился в Николаевском монастыре. О видении, бывшем ему на пути, он поведал архимандритам Сергию и Александру и игумену Далматовскому Исааку. Слыша рассказ преосвященного, удивились они и сказали, что первое наименование праведника показывает, как следует почитать

праведника после кончины, второй возглас обозначает, как звали его при жизни, а наименование праведника ласкательным именем показывает, что так звали его родители. Преосвященный сказал, что и он так думает. После сего они возблагодарили Господа Бога, дивного во святых Своих. С того времени митрополит Тобольский повелел именовать новоявленного угодника Божия Симеоном.

Около того же времени было еще видение иеродиакону Василиду, послушнику вышеназванного Исаака Далматовского. После вечернего правила иеродиакон Василид сидя задремал, и вдруг ему в видении представилось множество народа, страшившего имя новоявленного чудотворца. И раздался голос: «К чему вы много вопрошаете? Уже вам известно, что его зовут Симеон». Проснувшись, иеродиакон ознаменовал себя крестным знамением; и понял, что удостоился видения свыше, и рассказал о чудесном сне своем преосвященному Игнатию.

Посетив город Верхотурье и освятив здесь соборный храм 27 декабря 1694 года, митрополит поехал обратно в Тобольск. По дороге он опять заехал в Меркушино. Вместе с ним прибыли сюда верхотурский воевода Циклер, священники, диаконы и большое число верхотурских жителей. В это время священник находившейся там церкви во имя Архистратига Михаила Иоанн рассказал митрополиту, что за день до прибытия преосвященного в Меркушино он после вечернего правила быстро заснул и во сне увидел следую-

щее: гроб с мощами праведника перенесли в церковь, и ему, Иоанну, надлежит совершить литию у сего гроба. Не зная, каким именем следует поминать усопшего, был он в недоумении, и вдруг послышался ему голос: «Зачем недоумеваешь? Поминай его Симеоном». Когда священник рассказал сем, оказалось, что видения этого он удостоился в тот же самый вечер, когда иеродиакон Василид тоже узнал через видение во сне об имени праведника.

На другой день митрополит еще раз свидетельствовал святые мощи и с благоговением лобызал их. Еще раз торжественно объявил он всем присутствующим о святых мощах праведного Симеона Верхотурского, и все, воздав благодарение Господу, поклонились мощам новоявленного угодника и стали в сердечном умилении лобызать их. При сем верхотурский воевода засвидетельствовал, что мощи святого Симеона воистину подобны нетленным мощам Киево-Печерских подвижников.

Сам преосвященный Игнатий возложил на гроб праведного шелковую пелену и приказал сообщать ему все сведения о жизни и чудесах святого Симеона. Впоследствии на основании того, что сам видел и слышал, он составил повесть о явлении честных мощей, о первых чудесах святого и акафист ему.

С того времени все чаще стали подаваться исцеления недугующим по молитвам праведного Симеона. Одно такое исцеление засвидетельствовано тем же митрополитом Игна-

тием. После посещения Меркушина преосвященный вместе со своими спутниками направился в город Ирбит, где в то время открывалась ярмарка. В сем городе находился некий иеродиакон, по имени Савватий. Он сильно тогда страдал зубной болью и изнемогал от страшной ломоты в ногах, так что едва мог ходить, и то лишь с величайшим трудом. Накануне, 12 января, перед днем праздника в честь великомученицы Татианы, вечером, незадолго до всенощного бдения, Савватий заснул и вдруг увидел во сне, будто он, взяв благословение у митрополита, отправился в Меркушино, и вот он стоит в часовне над гробом праведного. Игумен Исаак открыл ему мощи, бросившись ниц перед гробницей, он взывал: «Праведник Божий, святой Симеон, помилуй меня и молитвами твоими исцели мои недуги!» И вдруг он видит: святой Симеон, приподнявшись, сел на гроб, на нем – та самая пелена, которую возложил митрополит Игнатий. И сказал праведный Савватию: «Старче!» Затем, возложив на голову Савватия руку свою, святой вторично сказал ему: «Поди, поди, Савватий». И, обрадованный, он будто направился в церковь Архистратига Михаила и стал рассказывать иерею Тобольского собора Иосифу и иеродиакону Петру о том, как сподобился он увидеть праведника. Тут Савватий проснулся и почувствовал, что недуги его прошли. Тогда он горячо стал благодарить Бога и прославлять праведного Симеона Сибирского. Сие исцеление произошло в Ирбите в то время, когда там собралось много народа. Все удивлялись и благодарили

Господа, пославшего людям нового ходатая и молитвенника.

Скоро стало известно о новом чуде. Ключарь соборной сибирской церкви, иерей Иоанн, как выше упомянуто, был послан освидетельствовать мощи праведного вместе с игуменом Исааком. Окончив сие поручение, они вошли в дом священника села Меркушина Иоанна. Ключарь Иоанн, утомленный дорогой, скоро заснул и узрел видение. Снилось ему, будто он находится в церкви святого Архистратига Михаила в Меркушине и посредине церкви стоит гроб с мощами праведного; великое благоухание наполняет храм, подобно тому как это бывает во время каждения по всей церкви; преосвященный Игнатий стоит тут же, и вокруг головы его также носится благоухание. И в изумлении ключарь услышал голос, обращенный к нему: «Что ты так изумляешься сему, зачем ты не веруешь сему? Так прославляет Господь Бог сего праведника, как и Василия»[27].

Святой Симеон даже после своей кончины не давал распространяться в стране своей заблуждениям, противным истинной вере христианской. На другой год после открытия мощей сего праведника, в 1696 г., 14 января, митрополит Игнатий, заботясь о душевном спасении своей паствы, посылает для обозрения епархии иеромонаха Израиля и соборного иеродиакона Никифора (Амвросиева). Они должны были наблюдать, где и как исповедуют истинную веру Хри-

[27] Василий Мангазейский (Мангазея – впоследствии Туруханск в Енисейской губернии). Его память 23 марта/5 апреля.

стову, вразумлять уклоняющихся и ободрять колеблющихся. Прибыв в Верхотурье, они увидели, что в самом городе, да и в окрестностях, его, народ крепко держится Православия и живет благочестиво. Им сообщили, что здесь поселились было люди, уклонившиеся от Православия, но недолго они прожили в сих местах: одни из них вскоре отказались от своих заблуждений, другие совсем покинули ту местность. Посланные не могли не видеть в сем чудесной помощи свыше; так они и донесли митрополиту Игнатию, и преосвященный также признал в сем явлении особенное благоволение святого Симеона к тем местам.

Вскоре произошло новое чудо. Посланные митрополитом возвращались в Тобольск. Путь их лежал через село Меркушино. Приближаясь к Меркушину, один из посланных – иеродиакон Никифор (Амвросиев), сидя в санях, стал молиться, чтобы Господь сподобил его достойным образом поклониться мощам Своего славного угодника. В это время он погрузился в легкую дремоту и вдруг видит перед собою мужа в белой одежде, среднего возраста, лет около 25, волосы его были русого цвета. Добрым взглядом он смотрел на Никифора; последний спросил его: «Раб Божий, скажи мне, как тебя зовут?» Тогда явившийся отвечал необыкновенно приятным голосом: «Я Симеон Меркушинский», – и с этими словами стал невидим. Иеродиакон тотчас же проснулся, дрожь объяла его при мысли о видении. Между тем они прибыли в Меркушино. Иеродиакон Никифор с сердечным бла-

говением и великим страхом поклонился нетленным мощам сего славного угодника Божия, прославил Господа и тут же поведал всем о явлении, бывшем ему во сне.

Один человек, Петр Калинин, с реки Миаса рассказал в Меркушине следующее. В феврале 1700 года он с товарищами своими отправился на рыбную ловлю. Вдруг на них напали татары, схватили их и везли с собою куда-то целых два дня. К вечеру на третий день татары перевязали своих пленников и вскоре заснули крепким сном. Тогда Петр, возложив всю надежду свою на Божие милосердие, стал взывать к праведному Симеону: «Праведник Божий Симеон, помилуй меня и избавь меня от сих иноплеменников!» При этом он дал обещание сходить в Меркушино и совершить панихиду над гробом праведного. Лишь только он дал обещание, тотчас же с рук и ног его спали сами собою крепкие узы, положенные врагами. Возблагодарив горячо Господа за помощь, он взял двух коней и вернулся к себе.

Чем более возрастала молва о святых мощах Симеона, тем более у жителей Верхотурья крепла мысль почтить достойным образом праведника. Посему они вознамерились перенести мощи святого Симеона из села Меркушина в город Верхотурье. В 1702 году вступил на архипастырский престол новый митрополит Филофей, отличавшийся своей ученостью и ревностным проповеданием истинной веры Христовой. К нему-то и обратились верхотурские жители с просьбой о перенесении мощей святого Симеона. Особенно про-

сили митрополита от лица всех верхотурских жителей воевода Алексей Калетин и таможенный голова Петр Худяков. Митрополит Филофей, и сам питавший к святому чувство глубокого благоговения, охотно дал свое архипастырское благословение и разрешил перенести мощи в Николаевский Верхотурский монастырь.

Когда было получено сие разрешение от преосвященного Филофея, в Меркушино отправился архимандрит Николаевского монастыря Израиль. Это происходило около 1-го числа сентября 1704 года, а перенесение было назначено на 8 сентября. Архимандрит должен был прежде совершить переложение святых мощей в новую раку. Но в то время началась ненастная погода, так что некоторым пришла в голову мысль, благоугодно ли святому сие перенесение мощей из Меркушина. Так думал даже упомянутый Худяков, бывший ходатаем о перенесении их. Но сам святой Симеон разрешил сие недоумение. Худякову во время сна представилось, будто стоит он в меркушинском храме и перед ним – гроб со святыми мощами, перед гробом – архимандрит Израиль со множеством народа. Вдруг от гроба поднялось некое благоухание в виде столба и направилось к городу Верхотурью. Из сего все поняли, что праведному непротивно перенесение его четных мощей в Верхотурье. Тогда 8 или 9 сентября было совершено переложение мощей в новую раку. И замечательно, что с сего дня прекратился дождь и наступила тихая, хорошая погода. 12 сентября 1704 года торжествен-

но и с подобающим благоговением было совершено перенесение честных мощей сего славного угодника Божия, который с тех пор стал именоваться Верхотурским. И до сего дня 12/25 сентября совершается торжественное празднование в честь святого Симеона.

По перенесении мощей в город Верхотурье от раки праведного с новой силой стали истекать чудотворения, из которых особенно замечательно следующее.

В Верхотурье проживала одна вдова Параскева Быкова; она сильно страдала болезнью глаз, уже совсем лишилась зрения, не могла даже различать света, кроме того, постоянно чувствовала в глазах нестерпимую боль, так что не могла ни спать, ни есть, ни пить. Никакие средства не приносили ей облегчение. Тогда она стала помышлять, что тщетно искать помощи от людей, если не будет помощи свыше. Видя такую скорбь сей вдовицы, праведный умилосердился над ней, и 12 сентября 1705 года, когда она погрузилась в дремоту, ей представилось, что она стоит за литургией в церкви святителя Николая, где почивали мощи праведного Симеона, и перед гробницей святого усердно молится о своем исцелении. Вдруг она слышит глас из раки дивного чудотворца: «Обещайся отслужить молебен Господу Богу и праведному Симеону в Николаевском храме и сделай посильное приношение в сей храм». Вдовица обещалась и присовокупила, что ничего не пожалеет для сего приношения. Лишь только она произнесла сие, как уже почувствовала некоторое облег-

чение, но по слабости своей отложила намерение о молебне угоднику. И вот вскоре она вторично увидела, будто молится в той самой церкви и слышит, как праведный сказал ей: «Что же ты забываешь свое обещание о молебне?» Она тотчас воскликнула: «Виновата я, грешная, пред Богом и тобою, праведниче. Я исполню свое обещание, только умилосердись надо мною и исцели болезнь мою».

Проснувшись, она почувствовала себя еще лучше, телесные силы ее возвратились, только все еще она не могла хорошо смотреть. Но и после сего она почему-то стала откладывать свое обещание. Тогда снова ей было видение, будто она стоит в Николаевском храме; внезапно праведный сел в своей раке и сказал ей: «Не забывай своего обещания отслужить молебен и не откладывай сего на долгое время». Проснувшись, она ясно прозрела. Радуясь своему исцелению и славя Господа, она поспешила в Николаевский монастырь. По ее просьбе было совершено молебствие у раки предивного угодника Симеона Верхотурского. Тогда же она сделала и пожертвование в сию обитель.

Немало было в то время нестроений в Сибирской стране. Нередко кочевники нападали на селения русские и уводили пленников. В 1709 году летом башкиры напали на Багарятицкую слободу, разорили ее и взяли в плен местного священника Петра вместе с сыном его Иеремией. Кочевники, связав пленных, в течение трех дней везли их в свои улусы. Прибыв на озеро Чебаркулево, они остановились на ночлег.

Истомленный страхом и тягостным путешествием священник быстро впал в сон, и вдруг ему явилась Пресвятая Богородица и повелела, чтобы он для освобождения от плена обещал поклониться в Верхотурье мощам праведного Симеона и сходил бы в село Нироб для поклонения иконе святителя и чудотворца Николая. Священник пробудился, пораженный таким явлением, и с великой благодарностью стал молиться Господу Богу и Его Пречистой Матери, а также возносил свои моления славному чудотворцу Симеону и дал обет исполнить все, что повелела ему Пресвятая Богородица. Между тем при наступлении ночи враги еще сильнее затянули веревки, которыми были связаны пленники. Но вдруг ременные путы на пленниках ослабевают и спадают с них сами собою. Освобожденные таким дивным образом священник вместе со своим сыном скрываются сначала в тростнике, который рос по берегам озера, потом вступают в самую воду по шею, чтобы враги не могли их заметить, и так освобождаются от плена. После сего они отправились на поклонение к образу Николая Чудотворца, от всего сердца благодарили Бога и Пресвятую Богородицу и прославляли праведного Симеона Верхотурского.

В 1711 году, в апреле месяце, один монастырский старец, по имени Иаков, внимательно слушал Божественную литургию и старался отрешиться мыслью от всего земного. Тихо стоял он в молитвенном умилении. Вдруг при возгласе: «Со страхом Божиим и верою приступите» – он упал ниц и лежал

долгое время без чувств, когда же он пришел в себя, то рассказал следующее.

При взгляде на образ Пресвятой Богородицы, именуемый «Одигитрия», его вдруг объял страх. Что с ним дальше было – он не помнит, лишь помнит только одно, как предстал пред ним праведный Симеон и, прикоснувшись к нему, сказал: «Встань, поди и объяви всем, чтобы воздерживались от сквернословия и слов бранных, иначе Господь пошлет на людей и на скот их голод и мор. Пусть все усердно молятся Господу, Его Пречистой Матери и всем святым, пусть весь народ служит молебное пение об отвращении гнева Божия». Кроме того праведный Симеон приказал Иакову рассказать о сем архимандриту и воеводе, дабы люди раскаялись в своих прегрешениях и молились бы об избавлении от праведного гнева Божия, что и было исполнено всеми с величайшим усердием.

Праведный Симеон являлся безвозмездным целителем даже таких людей, которые не ведали и не слышали об его прославлении. Так в 1749 года один крестьянин Василий Масленников был чудесно избавлен праведным от тяжкого и продолжительного недуга. Он жил в Новянском заводе и еще с самого раннего детства был научен некоторыми людьми, уклонившимися от Церкви, изображать на себе крестное знамение двумя перстами. Однажды он сразу впал в тяжелую болезнь; члены его расслабли так, что он не мог владеть правой рукою, не мог говорить. В таком болез-

ненном состоянии он пробыл целых три года. И вот во время сна пред ним предстал какой-то муж средних лет в белой одежде с русыми волосами и необыкновенным видом. Явившийся спросил Василия: «Хочешь ли быть здоровым?» Болящий пришел в величайшее изумление и отвечал: «Да, я, господин, желаю того. Но кто ты и почему так заботишься обо мне?» «Я Симеон Верхотурский, – ответствовал ему муж в светлом одеянии, – немедленно ступай в Верхотурский Николаевский монастырь, помолись с верою Господу Богу, попроси совершить молебное пение перед находящимися там мощами – и будешь здоров. Крестное же знамение изображай на себе во образ Святой Троицы не двумя, а тремя перстами». Больной дал обещание. Проснувшись на другой день, он почувствовал себя совершенно здоровым. Тотчас он рассказал всем о чудесном своем исцелении и вскоре отправился в Верхотурье, за двести верст от того завода, где он жил, и здесь исполнил все, что повелел сей славный чудотворец и защитник Православия в стране Сибирской.

По просьбе некоторых почитателей святого Симеона в 1763 году было произведено новое освидетельствование святых мощей его. Производившие осмотр с немалым усердием и великим старанием собирали все сведения как о житии праведного, так и о посмертных чудесах, истекавших в разное время от нетленных мощей сего угодника Божия.

Между тем чудесные исцеления все продолжали истекать от гроба праведного Симеона, как бы некий водный поток,

никогда не иссякающий. Из многих чудес, бывших в то время, особенно замечательно одно – исцеление казака Феодора Кайдалова, проживавшего в городе Сургутском Тобольской епархии. О сем сам исцелевший рассказывал следующее.

«Случилось мне, – говорил он, – в 1790 году, в день Рождества Христова, быть в дому двоюродного моего брата, священника Иоанна Иоанновича Кайдалова. Тут я узнал, что у брата его есть порох, и просил принести его сколько-нибудь. Брат согласился и принес в мешке двадцать, фунтов пороха. Этот мешок с порохом положен был среди комнаты на полу. Мне вздумалось попробовать бывшее со мною ружье. Зарядив его тем порохом, я едва спустил курок, чтобы выстрелить, как искра от кремня в курке нечаянно упала в тот мешок, от того последовал ужасный взрыв, которым сбросило потолок со всего дома, хозяина оглушило и опалило, а у меня, так как я стоял еще ближе к мешку, все платье и тело обгорело так, что по местам обнаружились кости. С течением времени тело мое покрылось ранами и стало гнить, а в ранах завелись черви и все более и более грызли мое тело. В таком болезненном состоянии в ночь на 1-го января я имел утешительное видение. Некий старец благообразного вида советовал мне идти поклониться святым мощам праведного Симеона, обещая, что сей угодник Божий подаст мне исцеление. С того времени я постоянно имел в мыслях праведного Симеона и положил непременное, намерение с искренним обетом – съездить в Верхотурье помолиться праведно-

му при раке и святых мощах его. Исполнение обета имело спасительное для меня действие, и через полтора месяца я совершенно исцелился».

Благоговейное уважение к праведному, озаряющему своими чудесами Сибирскую страну, все возрастало и увеличивалось. Супруги Турчаниновы в 1798 году соорудили новую медную раку для мощей святого угодника Божия, а в 1808 году в селе Меркушине была воздвигнута одним верхотурским жителем каменная гробница вместо прежней деревянной. Она была сооружена над самой могилой праведного, из коей истекает источник воды, не повреждающийся в сосудах, хотя бы и долго приходилось ей стоять. И до сего времени поклоняющиеся мощам праведного Симеона посещают и сие место, берут с собой воды из источника. По усердной молитве и призывании имени святого Симеона часто от сей воды подаются верующим различные исцеления недугов душевных и телесных.

Особенно замечательно одно чудо праведного Симеона, который быстро наказывает людей, недугующих неверием, но быстро и помогает им, если они раскаялись и от всего сердца обратились с молитвой к ходатайству его. Одна женщина, Ксения Феодорова, – это было в начале XIX столетия в Верхотурье, – взошла в Николаевский храм, где почивали мощи праведника, но сделала сие не по искреннему расположению сердца, а скорее из любопытства. В то время в храме была одна знатная женщина, по просьбе которой бы-

ли совершенно открыты святые мощи праведного Симеона. Враг рода человеческого всегда старается уловить в свои коварные сети слабых и колеблющихся; сей древний завистник людей вложил Ксении в сердце сомнение. При виде обнаженных мощей она не только не воздала достойного поклонения им, но даже возгнушалась ими и небрежно удалилась из храма. Не успела она пройти и одной версты от города (она хотела возвратиться на место своего жительства), как вдруг поднялся страшный вихрь. Ветер поднял громадный столб пыли и мелкого песка, и вся эта пыль обрушилась на Ксению и совершенно засорила ей глаза. От песка она не могла видеть света, стала протирать глаза – но все было тщетно. Она было закричала спутницам, но те за свистом ветра не слышали ее. Тогда она поняла, что Господь покарал ее за сомнение. Она стала призывать имя праведного Симеона, и он тотчас же помог ей: к ней подошла одна спутница. Ксения попросила ее, чтобы она проводила ее к мощам угодника Божия Симеона. Дорогой она все время молилась и просила, чтобы Господь простил ей прегрешение. Придя в храм с твердой надеждой на облегчение, Ксения не обманулась в своем ожидании. Лишь только приложилась она к святым мощам, тотчас прозрела. Праведный Симеон избавил ее от недуга и вместе с тем от ее гибельного сомнения. *Так много значит молитва праведнаго поспешествуема* (Иак. 5, 16).

После бывшего еще раз в 1825 году освидетельствования мощей праведного Симеона последовали еще новые чудеса,

из которых примечательно одно, происшедшее в 1828 году. Осенью сего года в октябре одному из работавших на Кыновском заводе Агапию Рачеву нужно было сходить в дом, находившийся за заводским прудом. В это время по случаю сильных дождей были открыты на плотине шлюзы, а для пешеходов было перекинуто несколько досок. Рачев благополучно переправился. Но в доме он просидел до вечера, так что ему пришлось возвращаться в сумерки. Дойдя до плотины, он начал выбирать место для перехода. Введенный в заблуждение сильным шумом и оглушительным гулом падавшей вниз воды он удалился от того места, где был переход, и, думая скорее пройти плотину, ускорил шаг и вдруг упал в одно из самых опасных мест перед плотиной, где было более трех сажень глубины. Известно, что при открытых шлюзах вода со страшной силой напирает на проходы. Около одного такого прохода и упал в воду Рачев. Опасность была велика; казалось, ничто уже более не могло спасти упавшего. Неудержимым напором воды его уносило в проход – ему предстояла верная гибель. Находясь в таком отчаянном положении, Агапий стал призывать на помощь святителя Николая и праведного Симеона, и молитва его была услышана. Внезапно, сам не зная каким образом, он почувствовал, что в руках у него очутилась одна из балок, которые поддерживали мост. Ободренный, он громко стал звать на помощь, но никто не являлся. Долго он кричал, наконец, стал изнемогать силами. Балка, за которую он держался, была толста, к тому

же она осклизла. От холодной воды руки его стали коченеть. Еще несколько минут – и он должен был выпустить балку и погрузиться в воду. Тогда он опять стал внутренне молиться и дал обещание сходить в Верхотурье на поклонение святым мощам праведного Симеона. Угодник Божий, заступник находящихся в бедах и скорбях, помощник всех призывающих его, немедленно оказал Агапию свою чудную помощь. Вдруг прибежал народ, и вытащили утопающего. Велико было удивление всех, когда Агапий рассказал, как он спасся от верной смерти покровительством праведного Симеона.

Спустя шесть лет, именно в 1834 году, сей славный угодник Божий дивным образом исцелил от тяжкой болезни сына того же Агапия – Матфея Рачева. Явившись болящему во время забытья, праведный Симеон напомнил Матфею, что у него есть неисполненное еще обещание – сходить на поклонение в Верхотурский монастырь, после чего болящий вскоре поправился и исполнил свое обещание.

Не одни жители Западной Сибири получали по молитвам святого, различную помощь, но и за её пределами святой Симеон дивным образом проявлял силу, дарованную ему Всеблагим и Всемогущим Господом. Так, в 1844 году произошло исцеление в Петербурге одной женщины Авдотьи Парфеньевой.

Много и других чудотворений было совершено по молитвам сего святого угодника Божия. Всем призывающим его с верою подается заступление, от огня спасение, болящим –

исцеление, глухим – слух, немым – разрешение уст, плененным – освобождение. И доныне продолжают истекать различные чудеса от мощей сего славного угодника Божия по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Емуже слава, хвала и благодарение во веки. Аминь.

Тропарь, глас 4

Днесь радуется славная страна Сибирь, обрет святыя мощи твоя внутрь себе. Архиереи, священницы и весь сонм людской духовно веселящеся, вопием ти: о богомудре Симеоне! Избави нас, иже к тебе прибегающих, от всех бед, просяще податися всем по коегождо прошению, и избавитися стране сей и граду от огненнаго запаления и поганскаго нашествия и междоусобныя брани и от всякаго зла. Темже и мы вси чтим ныне честных и многоцелебных мощей твоих пренесение, новый целебниче, и вопием: слава Дающему тобою всем исцеление!

Ин тропарь, глас 4.

Мирскаго мятежа бегая, все желание обратил еси к Богу, да в видения восход обрящеши горе, отнюдуже не уклонився в лукавствия сердца, но очистив душу и тело, приял еси благодать точити цельбы верным и неверным, притекающим

к тебе, праведный Симеоне. Темже, по данному ти дару, испроси у Христа Бога исцеление нам, болящим душевными страстьми, и моли спасти души наша.

Молитва

О святый и праведный Симеоне, чистою душею твоею в небесных обителех в лице святых водворяяйся, на земли же с нами неотступно пребывая! По данней ти благодати от Господа молитися о нас, милостивно призри на нас многогрешных, аще и недостойне, обаче с верою и упованием к тебе притекающих, и испроси нам от Бога прощение согрешений наших, в няже впадаем множицею во вся дни жития нашего. И якоже прежде овым убо от очныя зельныя болезни ни мало зрети могущим исцеление очес, овым же близ смерти бывшим от лютых недугов врачевание, и иным иная многая преславная благодеяния даровал еси: сице избави и нас от недугов душевных и телесных и от всякия скорби и печали, и вся благая к настоящему житию нашему и к вечному спасению благопотребная нам от Господа испроси, да тако твоим предстательством и молитвами стяжавше вся нам полезная, аще и недостойнии, благодарне восхваляюще тя, прославим Бога, дивнаго во святых Своих, Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

В тот же день совершается память священномученика До-

сифея, митрополита Тбилисского.

Житие святой великомученицы Кетеваны, царицы Кахетинской (память 13/26 сентября)

Святая великомученица Кетевана происходила из царского рода Багратиони и была правнучкой царя карталинского Константина (1469–1505). После смерти своего супруга Давида, наследника царя кахетинского Александра II (1577–1605), она сама правила царством. Глубокое благочестие царицы проявилось в особенном попечении о нуждах Грузинской Церкви, в построении храмов, приютов и странноприимных домов. После смерти мужа святая Кетевана поселилась в уединении.

Брат ее мужа Константин (прозванный Окаянным) принял магометанство и, по наущению шаха Аббаса I, подослал убийц к престарелому отцу Александру II и брату его Георгию. Совершив преступление, Константин велел положить тела убитых на верблюдов и отправить их к царице Кетеване. Ужаснувшись злодеянию, царица оплакала безвинных страдальцев и похоронила их в Алавердском соборе. Нечестивец, однако, посягнул на ее честное вдовство и попросил ее руки, пригрозив в случае отказа принуждением.

Царица Кетевана собрала кахетинцев и выступила против Константина, разбив вероотступника-нечестивца. Он нашел

бесславную смерть со множеством персидского войска. Под мудрым правлением царицы Кетеваны в Кахетии водворился мир и справедливость. Шах Аббас I возвратил ей сына Теймураза, который хотя и жил несколько лет при его дворе в качестве заложника, но сохранил православную веру в чистоте. Впоследствии шах Аббас, угрожая Грузии опустошением, принудил кахетинских феодалов к выдаче знатных заложников. В их числе по добровольному согласию оказалась и царица Кетевана. Желая отвратить беды от грузинского народа и Святой Церкви, она прибыла в Испагань. Шах Аббас предложил благоверной царице принять магометанство, но получил решительный отказ. Тогда царица Кетевана была брошена в темницу, где провела десять дет, исполненных мучительными страданиями. Ни пакости от персидских придворных, ни хитрые предложения шаха возвести ее в царицы Персидского государства, ни предлагаемые ей великие сокровища, – ни прошения и моления придворных и персидской знати пощадить себя, произнеся лишь одно хульное слово на Христа, – ничто не могло поколебать, страдалицы Христовой. Ее пытали раскаленными клещами, повесив крестообразно на древе. На голову святой мученицы надели раскаленный докрасна железный котел. Густой дым от загоревшихся волос и всей головы поднялся вверх, и блаженная мученица предала Богу святую свою душу 13 сентября 1624 года.

Три светлых столпа, опустившиеся на тело святой Кетева-

ны, знаменовали ее духовную победу. Мощи святой царицы Кетеваны были перенесены в Рим, в Собор святого апостола Петра монахами Августинского ордена, бывшими свидетелями ее исповеднического подвига. Части мощей (честная глава и правая рука мученицы) были переданы августинскими монахами царю Теймуразу I и положены под престолом Алавердского собора святого великомученика Георгия в Кахетии. Католикос патриарх Захария (1613–1630) причислил великомученицу к лику святых и установил ее память праздновать 13/26 сентября.

Житие святых мучеников Иосифа и Исаака Грузинских (память 16/29 сентября)

Святые мученики Исаак и Иосиф, родные братья, родились в городе Феодосиополе, или Карну (Эрзерум). Отец их был знатный мусульманин, а мать – христианка, добрая и благочестивая женщина, тайно воспитавшая этих двух сыновей и еще одного, старшего, неизвестного по имени, в христианской вере. Достигнув зрелого возраста, эти три брата, из которые один Иосиф был женат, пожелали удалиться от своего родителя-магометанина, чтобы беспрепятственно исповедовать веру в Господа Иисуса Христа. Они обратились с письмом к императору Никифору I (802–811), прося его позволения переселиться в Константинополь и поступить на службу при его дворе. Получив благоприятный ответ христианского государя, братья стали собираться в дорогу. Старший в скором времени отправился в Константинополь, а Иосиф и Исаак были задержаны по приказу эмира города Феодосиополя. На вопрос о причине их переселения в Константинополь братья ответили ко всеобщему изумлению присутствовавших, в том числе их отца, что они христиане с самого рождения и потому бегут от нечестивых, желая свободно исповедовать свою веру. Никакие уговоры и угро-

зы не поколебали мужественных исповедников. Созвав совет вельмож, эмир вынес братьям смертным приговор. На месте казни, приклонив колени, святые Исаак и Иосиф вознесли молитву ко Господу, после чего палач отсек их честные главы. Это совершилось в 808 году. На непогребенные тела святых мучеников ночью спустился необыкновенный столп света и стал над ними. Пораженные этим знамением, магометане просили на следующие день христиан города предать святые тела мучеников погребению. На месте погребения святых впоследствии был построен храм и освящен во имя Пресвятой Троицы.

Житие святителя Аркадия, епископа Новгородского (память 18 сентября/1 октября)

Блаженный отец наш Аркадий происходил из бедного рода. Еще в юности он оставил своих родителей и удалился в монастырь святого Георгия. Видя благоговейное и целомудренное житие святого Аркадия, игумен монастыря поставил его во диакона, а затем во пресвитера. Через несколько лет святой принял игуменство в Георгиевском монастыре, но по зависти и наваждению диавольскому был оттуда изгнан. В то время из Киевской области прибыл в Новгород великий князь Изяслав. Он возлюбил святого Аркадия за его праведную жизнь и поручил ему игуменство в монастыре святого Пантелеимона. Но не долго святой Аркадий игуменствовал в этой обители – не более пяти лет. В 1153 году он удалился в ненаселенное место на расстоянии трех поприщ от Новгорода, построил там деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения, собрал братию и основал при церкви монастырь.

Первым игуменом Успенского монастыря был сам строитель его святой Аркадий. Неизвестно, как он правил монастырем своим, вероятно успешно, потому что был сведущ в деле церковного порядка и к нему обращались за разрешени-

ем своих пастырских недоумений новгородский иеромонах Кирик и священник Илия. Но не много времени святой Аркадий управлял и Успенским монастырем – всего три года. В апреле 1156 года скончался Новгородский владыка святой Нифонт. В то время епископов на Руси избирал митрополит Киевский и всея Руси. Но когда умер святой Нифонт, митрополита в Киеве не было. Новгородцы не захотели оставаться без святителя и, вероятно, желали присвоить себе право избрания епископа. Поэтому, не дождавшись прихода из Греции назначенного митрополита, они собрались на вече и по жребию избрали епископом Великого Новгорода святого Аркадия.

После избрания на вече новгородцы ходили за святым Аркадием в его монастырь и вывели его оттуда. Принять епископство просили его все: и князь Мстислав Георгиевич, и клирики храма Святой Софии, и священнослужители Новгорода, и иноки. Они торжественно ввели святого Аркадия во двор храма Святой Софии и поручили ему епископию, пока из Константинополя не придет в Киев митрополит, чтобы тогда уже послать туда святого Аркадия для посвящения. Около двух лет он правил Новгородской епархией в сане игумена. В 1158 году отправился в стольный Киев и здесь был поставлен во епископа митрополитом Константином (1156–1158) месяца августа в 6-й день.

Возвращаясь из Киева в Новгород, святой Аркадий встретил полоцкого князя Рогвольда Борисовича, идущего войной

с дружиной и союзниками на своего двоюродного брата Ростислава Глебовича. Святитель уговаривает князя вернуться. Князь послушал миролюбивых речей святого, сам воротился домой; Однако, усобица князей-родичей тем не кончилась. В Новгород святой Аркадий прибыл 13 сентября.

Непродолжительное время управления его Новгородской епархией было тяжелое. В самый год посвящения святой Аркадия в Новгороде Божиим попущением сделался сильный мор на людей, на коней и на рогатый скот: умирало столько народа и скота, что от трупного запаха нельзя было пройти по улицам города. На третий год летом была засуха, а осенью наступили ранние морозы, от чего наступил голод, великая скорбь и нужда. Сверх этих бедствий, ниспосланных Господом за грехи людей, много было в Великом Новгороде внутренних смут и нестроений, виновниками которых были сами люди. Быстро менялись князья в вольном городе, вслед за ними и посадники, и при этом разные партии веча враждовали между собою. Были нестроения и в церковной жизни Новгородского края. В то время на Руси было много двоеверных христиан, то есть таких, которые, приняв христианское крещение, не оставляли языческих обычаев, жизни и обрядов. Среди сельского населения были и совсем некрещеные. Приходские пастыри не отличались образованностью и разделяли суеверия своих пасомых. Все эти бедствия и нестроения обязывали епископа утешать несчастных, благотворить неимущим, обращать заблуждающихся на путь Христовой

истины, неусыпно надзирать за духовенством. И святой Аркадий был истинным пастырем. Живя благочестиво и добродетельно, он святительствовал в продолжении восьми лет и многих утвердил в вере и доброй жизни, многих наставил на разум. Преставился он в 1163 году, месяца сентября в 18-й день, в среду, после вечерни. На другой день в присутствии всего причта и паствы честное тело его было торжественно погребено в южной паперти новгородского храма Святой Софии. Молитвами святого и мы да получим оставление грехов.

Житие святых мучеников Бидзина, Шалвы и Элизбара, князей Ксанских (память 18 сентября/1 октября)

Мученики Бидзин (Чолокашвили), Шалва и Элизбар Ксанские – грузинские князья, освободившие от персов Кахетию (Восточную Грузию). По требованию шаха Аббаса II все трое были выданы ему с согласия грузинского царя Вахтанга V (1658–1675), принявшего ислам и известного под именем Шах-Наваза.

Когда связанных святых представили шаху, то они на обычный вопрос отвечали, что они христиане. Никто не мог заставить переменить убеждение исповедников, стоявших на твердом исповедании веры Христовой. Шах Аббас, испробовав все возможные средства, включая посулы, угрозы и пытки, отослал Бидзина, Элизбара и Шалву к бывшему правителю Кахетии султану Алдаранскому, жившему тогда в Испагани. Султан, видя их непоколебимость, после жестоких мучений приказал отрубить главы Элизбару и Шалве, что и исполнено было на глазах Бидзина. Бидзина же он велел одеть в знак позора в женское платье и возить по городу на осле. Когда же и после этого Бидзин не поколебался в вере, его предали новым терзаниям и мучениям: тело его было разделено по суставам и, наконец, отсечена честная глава.

Это событие совершилось 18 сентября 1660 года (по другим сведениям, мученики пострадали при шахе Сефи, сыне Аббаса II, в 1664 г.). Святые тела мучеников были выброшены в выгребные ямы за городом. Ночью над ними воссиял свет, струившийся с неба. Увидев это, местные армяне унесли и сокрыли святые мощи в своей церкви. Через некоторое время мощи были перенесены в Карталинию и с честью погребены в Икортском монастыре близ города Гори.

Житие святого благоверного князя Феодора Ростиславича Ярославского и Смоленского (память 19 сентября/2 октября)

Святой благоверный князь Феодор Ростиславич, прозванный Черный, был сын смоленского князя Ростислава Мстиславича, происходил из племени Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. Год его рождения неизвестен. Несомненно, родился святой Феодор в первой половине XIII столетия.

Воспитанный в страхе Божием, князь еще в юности был боголюбив и благочестив, усердно читал Божественные книги, украшал себя кротостью и целомудрием, соблюдал чистоту душевную и телесную. Вместе с тем святой Феодор отличался воинской отвагой и мужеством. По смерти князя Ростислава Мстиславича старшие братья святого Феодора Глеб и Михаил поступили с ним несправедливо: дали ему во владение из всего Смоленского княжества только небольшой город Можайск. Но святой не спорил и не гневался на братьев. Умный и добрый князь Можайский сумел устроить небольшой городок свой, сделать его зажиточным и людным. И Господь, видя незлобие и чистое сердце святого князя, вскоре наградил его княжеством Ярославским.

В 1249 году скончался Ярославский князь Василий Всеволодович, не оставив после себя сыновей. Некоторое время княжеством управляла жена его княгиня Ксения. Но управление княжеством в те тяжелые и тревожные времена татарского ига и княжеского произвола в руках женщины не могло пойти успешно. И действительно, в 1262 году народ в Ярославле, выведенный из терпения насилием татарских сборщиков дани, убил такого сборщика Зосиму. Этот Зосима раньше был христианином и даже монахом, а потом в угоду татарам принял магометанство. Ругаясь над верой Христовой и хуже татар утесняя своих прежних братьев, Зосима так ожесточил граждан ярославских вымогательствами, поруганием и хулой христианской святыни, что они убили отступника и бросили его тело на съедение псам и воронам. Чтобы наказать взбунтовавшийся Ярославль и другие русские города, выгнавшие татарских сборщиков, хан Беркай (Берке) (1257–1266) уже стал собирать войско. В это тяжелое время великий князь святой Александр Невский (1252–1263; память 23 ноября/6 декабря и 30 августа/12 сентября) отправился в Орду и при помощи просьб и подарков хану и его приближенным вымолил пощаду Русской земле. Так как больше других городов провинился перед ханом Ярославль и ему грозила большая опасность разорения, то вдовствующая княгиня ярославская Ксения, вероятно, теперь ясно увидела, что для порядка в управлении княжеством нужна твердая мужская рука, и решила принять в дом к себе зятя. Со

своей стороны молодой князь Можайский Феодор не прочь был жениться на княжне ярославской Марии Васильевне. Он снесся с княгиней Ксенией и родственными ей князьями – ростовским Борисом Васильевичем († 1277) и его братом Глебом Васильевичем Белозерским († 1278). Названные князья посоветовались с княгиней Ксенией и согласились на предложение Можайского князя. Таким образом Феодор Ростиславич получил руку княжны Марии Васильевны, а вместе с ней и княжество Ярославское. Это случилось, вероятно, вскоре после 1262 года.

Ярославским княжеством святой князь Феодор управлял благочестиво и богоугодно. Заботясь всеми силами о поддержании и сохранении правосудия, как сам князь, сколько возможно, избегал всякой неправды, так и бояр своих увещевал творить суд правый и нелицеприятный, защищать убогих и не потворствовать богатым и сильным. Дом князя был открыт для всех: всякому, какую бы кто нужду ни имел, он помогал по мере сил. Всем сердцем любя Бога и Его Пречистую Матерь, святой Феодор неопустительно посещал службу Божию, почитал священников, как слуг Божиих, особенно же любил иноков. Господь благословил его благочестивую жизнь и даровал ему сына, которого во святом крещении назвали Михаилом.

В 1277 году, когда хан Менгу-Темир (1266–1281) собрался против непокорных ясов (или алан)[28], отказавшихся пла-

[28] Ясы (или Яссы) – древний народ, живший на Кавказе. Современными по-

тить дань, он потребовал, чтобы и русские князья, как данники его, приняли участие в этом походе.

Отказать хану в помощи значило навлечь на себя его гнев и на землю Русскую новое опустошение. Поэтому князья – Андрей Александрович Городецкий и Феодор Ярославский повиновались хану и отправились в поход со своими дружинами. Сам хан пошел на ясов вместе с русскими князьями. Они смирили ясов, завоевали их славный город Дедяков[29], взяли богатую добычу и много пленников.

Хан был очень доволен службой русских князей; богато одарил их и отпустил на Русь с великой честью. Мужество и отвага, какими отличался князь Феодор, обратили на него особенное внимание хана. Поэтому, едва успел Феодор вернуться домой и в июле месяце 1278 года отпраздновать свадьбу своей дочери, которую он выдал за Михаила Глебовича, сына Глеба Васильковича ростовского и белозерского, как осенью того же года, по воле хана, снова принужден был отправиться в поход, на этот раз вместе с зятем своим, в Волжскую Болгарию, порабощенную татарами. Там возникло движение за свержение татарского ига и за возвращение Болгарии независимости. Во главе его стоял человек из простого звания, по имени Лахан, который выдавал себя за человека, посланного небом освободить Болгарию от ига та-

---

томками их считают осетин.

[29] Дедяков, или Тетяков, находился в южном Дагестане, недалеко от города Дербента.

тар. Князья русские должны были помогать своим поработителям татарам. При их помощи Лахан был разбит и казнен, а князь Феодор за услуги, оказанные хану, стал пользоваться еще большей его благосклонностью, вниманием и уважением. Плененный красивой наружностью святого князя, его мужеством и храбростью, повелитель Золотой Орды так полюбил его, что не хотел отпускать обратно на Русь. В знак особенного к нему уважения и благоволения хан повелел князю всегда предстоять пред собой и принимал чашу из рук его. Около трех лет он держал в Орде святого Феодора. А супруга хана даже хотела женить его на своей дочери. Но эти почести тяготили благочестивого князя: он стремился на Родину. На предложение же ханши отвечал, что у него есть законная супруга, княжеская дочь, и по закону христианскому он не может иметь другую. Но такой ответ не убедил ханшу, потому что среди татар, особенно знатных, было распространено многоженство. Тогда князь стал усиленно проситься на родину то лично, то через вельмож. Наконец, просьба его была уважена; хан отпустил его с великой честью, с дарами и грамотами, и святой Феодор с радостью возвратился в отечество. Подходя к Ярославлю, он узнал, что супруга его княгиня Мария скончалась, а городом управляют его сын Михаил и теща – княгиня Ксения вместе с боярами. Феодор хотел было войти в город, но теща и бояре не пустили его. «Нет у нас такого обычая, – сказали они, – чтобы принимать на княжение пришельцев; у нас уже есть законный

князь Ярославский – сын твой Михаил».

Бояре, конечно, хотели воспользоваться малолетством Михаила, чтобы управлять княжеством самим самовластно. Сильно опечаленный святой князь поехал снова в Орду искать прав своих и там молил хана возвратить ему Ярославское княжество. Хан склонился к просьбе князя и даже отправил в Ярославль своего посла, который должен был подействовать, страшными угрозами и предсказанием царского гнева в том случае, если не примут святого Феодора на княжение. Однако властолюбивая княгиня Ксения и вероломные бояре не послушали даже ханского посла. Добрый князь не хотел призвать грозного ханского гнева на свою отчину.

В 1279 году умер брат святого Феодора – Смоленский князь Михаил Ростиславич. По праву старшинства Смоленский стол должен был перейти теперь к святому Феодору. Действительно, он получил в 1280 году Смоленское княжество, которым управлял через наместника.

Святой Феодор продолжал проживать в Орде. Царица, еще больше полюбившая Феодора, хотела выдать за него дочь свою. Много раз она просила об этом хана. Но тот не соглашался и говорил: «Может ли быть, чтобы мы отдали нашу дочь за нашего данника и служебника, тем более, что он не одной с нами веры?» Царица со слезами просила хана: «Царь я уже давно имею желание, чтобы наша дочь веровала в Того Бога, Который сотворил небо и землю и всю тварь, в Кото-

рого веруют христиане». Видя настойчивость жены, хан согласился выдать дочь свою за князя Феодора Ростиславича. Со своей стороны и святой князь Феодор был согласен жениться на ханской дочери, если только она обратится в христианство. «Царь, господин мой! – сказал святой князь хану, – по заповеди Творца Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по учению апостолов и по правилам святых отцов, нам, христианам, запрещено брать в супружество неверных; если же крестится дочь твоя, то я не отказываюсь взять ее в супруги по христианскому закону церковному».

Хан пожелал испросить благословения на брак своей дочери у Константинопольского патриарха и послал в Царьград грамоту. Патриарх вскоре же прислал свое благословение на брак и в ответной грамоте своей упоминал о крещении ханской дочери. Невеста князя Феодора была крещена, наречена во святом крещении Анною и вступила в брак со святым князем Феодором. В знак особенного благоволения к зятю хан через особые послания приказал всем подвластным ему царям, князьям и вельможам принести почетные дары новобрачным; назначил им на содержание 36 городов и подарил много золота, серебра и драгоценных камней. Хан приказал выстроить своему зятю особый дом, снабдил всем в изобилии и свою любовь и уважение к князю каждодневно доказывал тем, что приказывал ему всегда сидеть против себя, надевал на голову его царский венец и другие царские одеяния.

Однако, несмотря на все эти почести, на весь блеск, окру-

жавший святого князя Феодора, он не возгордился своим положением: слава мира сего не удалила его от любви Христовой. Среди раболепства и роскоши он оставался истинным христианином: всегда исполнял заповеди Божии, еще больше преуспевал в посте, молитве и милостыне; по-прежнему любил он Господа и еще более старался о славе имени Его. В Орде всегда было много христиан: или состоявших в свите русских князей, или из кавказских епархий, находившихся вблизи Орды, из приезжих купцов, или же, наконец, из русских пленников, обращенных татарами в рабство и рассеянных по улусам. Для всех этих христиан в 1261 году в Орде открыта была епархия в столице ханской – Сарае. Но храмов в Орде было мало и тысячи христиан лишены были самого дорогого утешения для человека – утешения веры; они не имели возможности собраться на общую молитву, услышать церковную службу, причаститься Святых Христовых Таин. Исполненный глубокой веры и благочестия, святой князь Феодор более других чувствовал тяжесть такого лишения и решил, сколько возможно, облегчить участь христиан в Орде. С дозволением хана он устроил много храмов в татарских улусах и снабдил их необходимой церковной утварью.

В Орде святой Феодор прожил не один год. У него родились там один за другим два сына – святые Давид и Константин. Но вот пришло в Орду известие, что старший сын святого Феодора Михаил, княживший в Ярославле, умер. Тогда

святой Феодор решил возвратиться в Ярославль и упросил хана отпустить его на Русь. Хан с честью отпустил его, и благоверный князь Феодор отправился на Русь со своей супругой Анной, с сыновьями Давидом и Константином и большим войском, состоявшим из русского и татарского отрядов. Жители Ярославля и теперь не хотели принять святого Феодора, но князь силою принудил их к покорности, и, согласно воле хана, наказав виновников возмущения, с честью отпустил татар в Орду.

Благоверному князю предстояло трудное дело управления сразу двумя княжествами – Смоленским и Ярославским. И он с Божией помощью управлял ими благочестиво и богоугодно, всеми силами заботясь о благе, счастье и выгодах своих подданных.

Город Смоленск вел оживленную торговлю с немцами, и святой Феодор заботился о том, чтобы поддержать ее на пользу своим подданным. В 1284 году от имени князя была составлена присяжная грамота, посланная Рижскому епископу о свободной торговле между Смоленском и немецким городом Ригой, между русским и немецкими купцами. В том же году Феодор Ростиславич подтвердил эту грамоту и сам явил образец беспристрастного суда. Князь сам производил суд между немецким купцом Бирелем и русским Арманович по спорному делу из-за неправильных весов. Он признал немца Бирель правым, а Армановича, своего подданного, виноватым и выдал Армановича со всем его имением

немцам. Но произведя суд правый и нелицеприятный и решив это дело в пользу немецкого купца, благоверный князь в то же время строго вступался за обиды своих подданных, ведших торговые дела с немцами.

Не менее заботился святой князь о процветании и благосостоянии и другого своего княжества – Ярославского. В самом городе Ярославле он построил много святых храмов, снабдил их книгами и церковной утварью, святые иконы украсил драгоценными камнями и жемчугом.

Святой князь Феодор вел жизнь истинно благочестивую. Старался исполнять заповеди Божии, неопустительно присутствовал на богослужении, раздавал щедрую милостыню нищим. Благочестивый князь любил святые книги и день и ночь занимался чтением Божественного Писания. Любимым местом его молитвы был Спасо-Преображенский монастырь, который он посещал очень часто. Здесь он молился, кормил братию и раздавал щедрую милостыню нищим и убогим. Заботясь о процветании обители, князь утвердил грамотой жалованье каждому иноку из своих средств. И супруга святого князя – княгиня Анна – устроила соборный храм в Ярославле во имя святого Архистратига Михаила, поставила в нем чудно украшенную икону Богоматери и дала богатые средства на содержание при сем храме полного церковного причта.

Среди частых смут и междоусобий благочестивый князь Феодор оберегал свое Ярославское княжество и должен был

принимать участие в печальных событиях того времени. В 1293 году снова вспыхнула вражда между сыновьями святого Александра Невского, великим князем Димитрием и Андреем, из-за великого княжения. Святой Феодор всегда держал сторону князя Андрея. Союзники-князья обратились за помощью в Орду. Хан дал войско, и татары разграбили и опустошили главные города Суздальской земли. Великий князь Димитрий бежал. Одержав верх над Димитрием, князь Андрей, чтобы еще более привязать к себе святого Феодора, дал ему город Переяславль-Залесский, принадлежавший к уделу Димитрия. Однако через год Андрей помирился с братом – великим князем Димитрием и уступил ему названный город. Вследствие этого мирного договора Феодор ярославский должен был оставить Переяславль. Оставляя город, князь сжег его.

В 1296 году князь Феодор присутствовал на съезде враждовавших князей во Владимире на Клязьме. Разобрать споры князей был прислан от хана посол Неврюй. Князья стали на две стороны: на одной – Андрей Александрович с Феодором Ростиславичем и князем ростовским, на другой – князья московский, тверской, переяславский. Они заспорили и разгорячились до того, что взялись было за мечи, и только благодаря посредству владык Симеона Владимирского и Измаила Сарайского дело не дошло до кровопролития: князья мирно разъехались по своим уделам.

Пользуясь смутами и усобицами в суздальской земле, уча-

стие в которых пришлось принимать и святому Феодору, племянник его, князь Александр Глебович, лестью склонил смольнян признать его своим князем и в 1297 году завладел Смоленском, нарушив права своего дяди и его детей. Благоверный князь был уже не молод годами, утомлен трудностями жизни, но ему не хотелось, чтобы дети его лишались законной части в Смоленском княжестве. Глубоко огорченный коварством племенника и непостоянством смольнян, святой Феодор решил силою возвратить их к повиновению. В 1298 году, собрав многочисленное войско, он двинулся к Смоленску, долгое время бился под городом, но не мог взять его укреплений и возвратился в Ярославль.

По возвращении из-под Смоленска благоверный князь Феодор прожил недолго. В сентябре месяце 1299 года он сильно заболел и пожелал перед смертью принять монашеское пострижение, что было обычаем в Древней Руси. Но ранее пострижения святой князь призвал свою супругу и детей и завещал им пребывать в любви, мире и единении. «Бога бойтесь, – говорил он детям, – и страх Его имейте всегда пред глазами; не чуждайтесь церкви; святителей и весь священный и монашеский чин почитайте и любите; учению Святых Писаний внимайте. Старейшин чтите; между собой в мире и любви живите; не стремитесь к хищению чужого достояния; убогих милуйте; помогайте беспомощным. Матери своей достойную честь воздавайте».

18 сентября в три часа дня (то есть около 9 часов утра –

в древней Руси часы считали от восхода солнца, а не с полночи) зазвонили во все колокола в Успенской церкви. Весь народ от мала до велика собрался на княжий двор, и поднялся плач. Болящего князя понесли, по желанию его, через весь город в любимый им Спасский монастырь. Неутешен был плач народа и трудно было слышать голоса поющих за воплем и криком людским. Принесши князя в монастырь, поставили его в притворе церковном. Вышел навстречу князю игумен и тотчас же начал обряд пострижения. Он спрашивал святого Феодора: «Что пришел, брате, припадая к святому жертвеннику и святой дружине сей? Желаешь ли быть причислен к ангельскому образу?» Благоверный князь, в умилении подняв руки к небу, воскликнул: «Всею душой, Владыка и Творец мой, готов работать Тебе!» И, обратясь к игумену, прибавил: «Да, честный отче».

По окончании обряда иноческого пострижения вынесли князя к игумену на двор и он пробыл здесь весь день. Князь исповедал грехи свои перед всеми, против кого согрешил, кого обидел; примирился с теми, с кем был в вражде, прося прощение у Бога и людей и сам прощая всех. Наконец, позвав княгиню и детей своих, святых Давида и Константина, святой Феодор простился с ними, умоляя их не забывать и исполнять его наставления. «Дети мои, – говорил он сыновьям, – если кто соблюдет слово мое, благословение мое пребудет на нем; если же кто из вас не соблюдет моего слова, не послушает наставления, тот будет лишен моего благосло-

вения».

Около 10 часов вечера, уже совсем изнемогая, князь попросил игумена облечь себя в великую схиму и сказал, чтобы кроме игумена и немногих из братий, все вышли. Во время пения заутрени святой князь оградил себя крестным знамением и тихо предал дух свой Богу. Кончина святого Феодора последовала 19 сентября 1299 года. Тело благоверного князя, горько оплакиваемое всем народом, было погребено в Спасском монастыре. Сыновья его Давид и Константин наследовали благочестие отца. Старший из них, святой Давид, княжил в Ярославле 22 года и скончался в 1321 году, оставив после себя двух сыновей – Василия и Михаила. Младший же, святой Константин, по прозванию Улемец, умер бездетным.

Богу угодны были добродетели и благочестивая жизнь благоверного князя Феодора и детей его Давида и Константина. И Господь вскоре прославил праведников в лике святых открытием их святых мощей и многими чудесами, совершавшимися по молитвам их у их гроба.

Открытие цельбоносных мощей святого Феодора и чад его произошло неизвестно когда, но до 1463 г. ода Мощи святых князей покоились поверх земли в Спасо-Преображенском монастыре под церковью Входа Господня в Иерусалим. В 1463 году игумен Христофор с братией, по совещанию с соборными ярославскими священниками, решили положить мощи тут же в землю, в самой церкви. Когда известили об этом князя ярославского Александра Феодоровича,

он не только согласился на это, но даже хотел устроить над могилой каменную гробницу, покрыть ее дорогим покровом и поставить большие свечи. В присутствии самого князя, при большом стечении народа 5 марта 1463 года духовенство открыло мощи святых князей. Во время пения панихиды молитвами святых получили исцеление священник и его сын. Все видевшие это чудо вознесли благодарственную молитву и славословие Богу, дивному во святых Своих, и тотчас же начали петь молебен. От окропления водою, освященною при святых мощах, прозрели две слепые женщины. Тогда зазвонили во все колокола; сошлось множество народа. Все плакали от радости и целовали святые мощи. После этого их решили не опускать в землю, а положить открыто в Спасо-Преображенской церкви.

Донесли о новоявленных чудотворцах епископу Ростовскому Трифону, так как город Ярославль принадлежал тогда к Ростовской епархии. Но епископ, не веря чудесам святых князей, не обратил никакого внимания на это донесение. Между тем многочисленные чудеса у раки святых князей продолжались: в апреле 1463 года исцелились слепой и бесноватый; прозрела слепая на один глаз девица, освободились от мучения немилостивых бесов муж и жена; в мае исцелились совершенно слепая и больной отрок, который так окреп телом, как будто никогда и не болел; в июне молитвами святых прозрели три слепые женщины и исцелилась одна бесноватая, которая в припадке болезни грызла плоть свою.

Слава о новых чудотворцах распространилась далеко за пределы Ярославля, и много людей из других городов приходили на поклонение святым мощам угодников Божиих, привозили своих больных, которые и получали исцеление.

Слышал о чудесах, проистекающих от новоявленных Ярославских чудотворцев, и епископ Трифон, но все еще сомневался. Чтобы удостовериться в нетлении мощей и испытать истинность чудес, он послал в Ярославль в 1467 году ростовского соборного протоиерея Константина. Протоиерей Константин – человек грамотный, голосистый и речистый, представительный наружностью и заслуженный, был в то время очень горд и тщеславен и так же, как епископ Трифон, не верил в чудеса, совершавшиеся при мощах благоверных князей. Прибыв в Ярославль, протоиерей Константин сильно рассердился на игумена за то, что тот не встретил его, как архиерейского посла, с подобающей честью. «Разве ты не знаешь, – выговаривал Константин, – что воздающий честь мне, послу владычному, самому владыке честь воздаст? Я скажу об этом своему господину епископу».

Игумен приглашал Константина в свою келлию, но тот не пошел, а сейчас же хотел произвести освидетельствование мощей. Он заявил: «Я послан осмотреть ваших чудотворцев: в теле они лежат или это неправда. Правда ли то, что они творят исцеления, или это только обман людей».

Сейчас же отперли церковь, где покоились мощи святых князей. С гневом приступил Константин к освидетельство-

ванию святых мощей. Но когда он, желая лучше удостовериться в их нетлении и гневаясь на игумена, которого считал обманщиком и корыстолюбцем, с дерзостью стал разрывать иноческую схиму святого князя Феодора и порвал кисти у схимы, внезапно, пораженный чудесною силою, был повержен на землю, онемел и тело его как бы помертвело. Видевшие это пришли в ужас и побежали доложить игумену. Собрав священников, игумен тотчас же начал петь молебен перед ракою чудотворцев и окропил больного протоиерея освященною с мощей водою. Только через несколько часов милостью Божией и молитвами святых Константин как бы пробудился от сна, ожил и, придя в себя, стал плакать и молиться. Каясь в согрешениях своих, Константин долго не хотел отступить от раки чудотворцев и послал в Ростов рассказать о происшедшем.

Когда донесли об этом епископу Трифону, то он пришел в ужас, содрогнулся всем телом и сделался расслабленным. Отказавшись от кафедры, он удалился в монастырскую келлию, чтобы оплакивать свое неверие. Потом он прибыл в Ярославль и, получив исцеление у раки благоверных князей, остался в Спасском монастыре до своей смерти. После этих чудес, совершавшихся по молитве святого князя Феодора и чад его, святость новоявленных угодников Божиих была признана. Вероятно, сначала установлено было местное празднование святым князьям, но оно скоро получило значительную распространенность и в половине XVI столетия

было признано празднованием общецерковным.

Господь продолжал прославить угодников Своих, источая реки чудес с верою приходящим к раке мощей их. Приведем лишь немногие из сих чудес.

Василий, сын богатых и знатных родителей, ослеп. Многие врачи приходили лечить его, но не помогли ему нисколько. Услышав о чудесах, совершающихся по молитве святых князей Феодора, Давида и Константина, Василий приказал вести себя в Спасский монастырь. И когда привели его ко гробу святых, он только прикоснулся к раке, как вдруг прозрел.

Некий Михаил долго болел зубами и так сильно, что ему казалось, будто и челюсти у него сокрушены: от сильной боли не мог ни есть, ни пить, ни спать. Все время был в полузабытьи, молясь мыслью святому Феодору об исцелении. И вот однажды святой князь явился Михаилу и сказал: «Если хочешь быть здоровым, иди в монастырь Святого Спаса и там получишь облегчение». Пробудившись от тяжелой дремоты, Михаил тотчас же пошел в обитель и, припав к раке мощей святых угодников Божиих, получил внезапное и полное исцеление.

У тверского боярина Бориса Захарьина сошел с ума любимый слуга Феодор. Напрасно боярин лечил его, приглашал к нему врачей – ничего не помогало. Тогда он послал Феодора с другими слугами в Ярославль к гробу святых чудотворцев. Дорогою болезнь Феодора так усилилась, что он

грыз свою плоть, сбрасывал спутников. Они никак не могли удержать больного и потому заковали в железо его руки и ноги. Больной кричал, чтобы везли его назад, и изрыгал хулы на святого Феодора и на обитель. Закованного привезли его в монастырь и привели ко гробу святых. Архимандрит отслужил молебен, окропил Феодора святой водой и тотчас, по молитве святых, возвратился здравый смысл его и он молился со слезами. Когда же исцеленный прикоснулся к святым мощам, то немедленно спали с него оковы.

Князь Роман Димитриевич, племянник князя Иосифа Андреевича дорогобужского, был нем от рождения. Родители Романа померли, когда он был еще очень мал; его приютила бабка, жившая в монастыре, и содержала там со всею пышностью, обычной для князя. Когда княжичу Роману было 15 лет, бабка послала его со слугами в Ярославль приложиться к мощам святых чудотворцев Феодора и чад его, а сама усердно день и ночь молилась об исцелении его, раздавала милостыню по церквам и кормила нищих. Прибыв в Ярославский Спасский монастырь, бояре и слуги, сопровождавшие князя Романа, просили архимандрита с братией отслужить молебен. Они молились усердно о выздоровлении отрока, и сам князь Роман встал у гроба чудотворцев и с умилением в душе молился. После молебна архимандрит осенил его святым крестом, приложил к святым мощам и дал ему выпить святой воды. И вдруг, к общему изумлению, князь Роман получил исцеление и заговорил так свободно, как буд-

то никогда и не был нем.

Многими и другими славными чудесами угодно было Господу Богу прославить святых благоверных князей Феодора, Давида и Константина, даруя в лице их небесных ходатаев и верных защитников всем с верою к ним притекающим.

Тропарь, глас 4

От юности вашея Христовей любви прилепившеся, святии, усердно закон и оправдания Того сохранисте; отонудуже и чудесными дарованьми обогатившеся, исцеления источаете, Феодоре, Давиде и Константине, с верою вас почитающим, молите Христа Бога спастися душам нашим.

Ин тропарь, глас 8

Яко звезды многосветлыя от юности возсиявше, осветили есте сердца верных пренесением честных мощей ваших, во плоти яко Ангели на земли показастеся, прощением насаждени бысте яко древа при водах воздержания, напоени струями слез ваших, и скверну омысте; сего ради явистеся приятелища Божия Духа, Феодоре, и Давиде, и Константине; молите Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 8

Явистеся светильницы всесветлии, во плоти яко Ангели, и яко жизни древеса райская, пощением, бдением и верою возращаеми, процвели есте молитвами вашими, небесныя благодати приемше: врачеве крепцы явльшеся, исцеляете, недугующих души, с верою прибегающих к раце мощей ваших, чудотворцы славнии, Феодоре, Давиде и Константине, молите Христа Бога грехов оставление даровати верою и любовию чтущим память вашу.

Житие святого благоверного князя Страстотерпца Игоря Черниговского (память 19 сентября/2 октября)

Середина XII века была для Руси скорбным временем непрерывных междоусобных браней за Киевское княжение двух княжеских группировок – Ольговичей и Мстиславичей. Все они были в близком родстве, все – правнуки Ярослава Мудрого. Мстиславичи назывались по имени своего отца – святого Мстислава Великого († 1132), сына Владимира Мономаха (отсюда другое их название «Мономашичи»). Ольговичи назывались по имени Олега Святославича († 1115), прозванного за свою горькую судьбу «Гориславичем». Олег Гориславич был сын киевского князя Святослава († 1076), который участвовал в 1072 году в перенесении мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба (сведения 2 мая) и вошел в историю Русской Церкви как владелец двух замечательнейших богословских сборников того времени – «Изборника Святослава 1073 года» и «Изборника 1076 года».

В некоторых древних месяцесловах и сам князь Святослав почитался угодником Божиим, но особенно прославились два его внука: преподобный Никола Святоша († 1142) и двоюродный брат его, сын Олега Гориславича, святой князь-мученик Игорь Ольгович († 1147).

Преподобный Никола Святоша и святой Игорь Ольгович представляют два различных пути христианской святости в Древней Руси, – преподобный Никола, отрекшийся от мира и княжеских обязанностей, стал простым иноком и мирно почил, проведя почти 40 лет в монастыре. Святой Игорь, волей Божией вступивший в борьбу за киевское княжение, мученическим подвигом должен был искупить наследственный грех княжеских усобиц.

В 1138 году великим князем киевским стал старший брат Игоря – Всеволод Ольгович (прадед святого Михаила Черниговского). Хотя его княжение длилось всего несколько лет и было наполнено непрерывными войнами, князь считал Киев своим наследственным княжеством и решил передать его в наследство своему брату Игорю. Он ссылался при этом на пример Владимира Мономаха и говорил, как бы нарочно подзадоривая Мономашичей: «Владимир посадил Мстислава, своего сына, после себя в Киеве, а Мстислав – брата своего Ярополка. А вот я говорю: если меня Бог возьмет, то я после себя даю Киев брату моему Игорю». Но Бог гордым противится. Горделивые слова Всеволода, которого и так не любили киевляне, стали предлогом для возбуждения ненависти против его брата Игоря и всех Ольговичей. «Не хотим быть в наследстве», – решило киевское вече. Злоба и гордыня князя вызвали ответную злобу и гордыню киевлян: святой Игорь, против воли вовлеченный в самый центр событий, стал невинной жертвой нараставшей ненависти.

Грозные события разворачивались стремительно. 1 августа 1146 года умер князь Всеволод, и киевляне целовали крест Игорю как новому князю, а Игорь целовал крест Киеву – справедливо править народом и защищать его. Но, преступив крестное целование, киевские бояре сразу же призвали Мстиславичей с войском. Под Киевом произошла битва между войсками князя Игоря и Изяслава Мстиславича, князя Переяславского. Еще раз нарушив крестное целование, киевские войска в разгар сражения перешли на сторону Изяслава. Четыре дня Игорь Ольгович скрывался в болотах около Киева. Там его взяли в плен, привезли в Киев и посадили в поруб. Это было 13 августа, все его княжение продолжалось две недели.

В порубе (это был холодный бревенчатый сруб, без окон и дверей; чтобы освободить из него человека, надо было «вырубить» его оттуда) многострадальный князь тяжко заболел. Думали, что он умрет. В этих условиях противники князя решили «вырубить» его из заточения. Тогда же его заставили принять монашество в монастыре святого Иоанна, что, впрочем, было вполне созвучно его собственным желаниям, так как он с юности проявлял особое благочестие – «был читатель книг и в пении церковном учен». Теперь, под тяжестью бед и скорбей, в душе его совершилась решительная перемена. Он горько каялся в грехах прошлых, скорби души кающейся в соединении с скорбями заключения темничного истощили силы его, и он поспешил просить себе милости –

отречения от мира. Его вынесли из темницы до того больного, что восемь дней не мог ни пить, ни есть. И 5 января 1147 года епископ Переяславский Евфимий постриг его в иночество с именем Гавриил. Вскоре он выздоровел и был переведен в Киевский Феодоровский монастырь, где принял схиму с именем Игнатий и всецело предался иноческим подвигам, проводя время в слезах и молитве.

Но дух братоубийственной ненависти бушевал над Киевом. Возбуждаемая гордыней и ослепленная ненавистью, ни одна из сторон не хотела уступать. Черниговские князья, двоюродные братья Игоря, замыслили заманить Изяслава киевского в совместный поход с тем, чтобы захватить его или убить. Заговор открылся, когда князь был уже на пути к Чернигову. Возмущенные киевляне, узнав о коварстве черниговцев, обрушили месть на ни в чем неповинного князя-схимника.

Напрасно удерживал их митрополит Климент. «Не творите греха, дети, послушайтесь меня; иначе навлечете на себя гнев Божий, а вражда между князьями не утолится», – говорил он им. Они не хотели слушать ни его, ни тысяцкого, пошли к монастырю. Правивший в Киеве князь Изяслав Мстиславич и особенно его брат князь Владимир пытались предотвратить это бессмысленное кровопролитие, спасти святого мученика, но сами подверглись опасности со стороны ожесточенной толпы. Стоявший во время святой литургии и молившийся пред иконой Божией Матери князь

услыхал, чего хочет мятежная толпа. Он готовил себя ко всему мыслями о подвигах мучеников; потом пал в слезах и молился: «Господи! Призри на немощь мою, чтобы, уповая на Тебя, мог я перенесть все; благодарю Тебя, что Ты смирил меня; удостой взять меня из этого мятежного и мрачного мира в Твой свет». Свирепые мятежники, не уважая святости храма Божия, ворвались в храм, схватили Игоря, сорвали с него мантию и повлекли из храма. Игорь говорил им: «За что хотите вы убить меня, как разбойника? Пусть вы нарушили клятву предо мною – Бог вам простит; меня Он сподобил монашеского чина, и для меня довольно того». Мятежная толпа кричала: «Убейте, убейте». С Игоря сорвали и подрясник, оставив в одной рубашке, и повлекли к воротам. В воротах монастыря толпу остановил князь Владимир. И сказал ему Игорь: «Ох, брате, куда ты?» Владимир же соскочил с коня, желая помочь ему, и покрыл его корзном (княжеским плащом) и говорил киевлянам: «Не убивайте, братья». И вел Владимир Игоря до двора матери своей, и стали бить Владимира. Так повествует летопись. Владимир успел втолкнуть Игоря во двор и затворить ворота. Но люди выломали ворота и, увидев Игоря «на сенях» (крытая галерея второго этажа в древнем киевском тереме), разбили сени, стащили святого мученика и убили на нижних ступенях лестницы. Ожесточение толпы было столь велико, что мертвое тело страдальца подвергли избиению и поруганию, его волочили веревкой за ноги до Десятинной церкви, бросили там на телегу, отвезли

и «повергли на торгу».

Так святой мученик предал Господу дух свой «и совлекся ризы тленного человека, и в нетленную и многострадальную ризу Христа облекся». Когда вечером того же дня тело блаженного Игоря было перенесено в церковь святого Михаила, «Бог явил над ним знамение велико – зажглись свечи все над ним в церкви той». На другое утро митрополит послал Феодоровского игумена Ананию отпеть погребальное пение над князем в монастыре святого Симеона, построенном набожностью деда Игорева на окраине Киева. Игумен облек тело князя-инока в иноческие одежды и совершил погребальное пение. Благочестивый игумен горько плакал и сказал вслух всем: «Горе веку суетному и сердцам жестоким! Где любовь?» В то самое время загремел гром и затряслась земля и над церковью явился столп светлый. Народ в ужасе воскликнул: «Господи, помилуй!»

5 июня 1150 года, когда киевский престол был занят князем Юрием Долгоруким, его союзник, князь Черниговский Святослав Ольгович, родной брат убиенного Игоря, торжественно перенес святые мощи князя Игоря на родину, в Чернигов, где они были положены в раку «с теремом» в кафедральном Спасском соборе. Тогда же было установлено празднование памяти святого.

Житие и страдания святого князя Игоря помещены в Степенной книге. Икона Богородицы, перед которой он молился в последние минуты своей жизни, находилась в Великой

церкви Киево-Печерской Лавры с именем «Игоревская». В «Иконописном подлиннике» говорится, что святой князь Игорь «ростом был средний и сух, смугл лицем, власы над обычаем, как поп, носил долги, брада же узка и мала. Прилежно уставы иноческие хранил».

Всякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению, а сами навлекут на себя осуждение (Рим. 13, 1–2). Таково заключение жития святого князя Игоря!

19 сентября празднуется его мученическая кончина, а 5 июня – прославление.

Тропарь, глас 4

Наста днесь всечестная память страстотерпца благоверного князя Игоря, созывающая люди в пречестный храм Спасов, идеже радостно сошедшася благочестивых множество молитвенно празднуют святую память твою, и с верою взывают ти: молися, святе, стране Российстей, граду Чернигову и всем православным христианом в мире и благоденствии спастися.

Ин тропарь, глас 4

Просветився Божественным крещением, Духа Святого светлостьми озаряем, Евангелие Христово в сердце твое восприял еси, делом слово Сына Божия исполняя, благоверный княже Игоре, моли всеблагаго Спасителя нашего даровати нам мир, и милость, и спасение душ наших, чтущих честную память твою.

Кондак, глас 6

Изменил еси земнаго княжения славу на иночества образ смиренный, и страдальчески земное житие скончав, ныне на небесех радуешися, усердне моляся о чтущих тя Игоре, страдальцев похвале.

Ин кондак, глас 8

Княжескую диадему обагрил еси кровию твоею, богомудре страстотерпче Игоре, за скиптр крест в руку приим, явился еси победоносец и жертву непорочну Владыце принесл еси себе. Яко бо агнец незлобив от раб убиен был еси, и ныне радуяся предстоиши Святей Троице, молися спастися душам нашим.

Житие и страдания святых мучеников благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора (память 20 сентября/3 октября)

Святой благоверный князь Михаил Черниговский, сын Всеволода Ольговича Чермного († 1212), с детства отличался благочестием и кротостью. У него было очень плохое здоровье, но, уповая на милость Божию, юный князь в 1186 году испросил святых молитв у преподобного Никиты Переяславского Столпника, который в те годы получил известность своим молитвенным предстательством пред Господом (память 24 мая). Получив от святого подвижника деревянный посох, князь сразу исцелился. В 1223 году благоверный князь Михаил был участником съезда русских князей в Киеве, решавших вопрос о помощи половцам против надвигавшихся татарских полчищ. С 1223 года после гибели в битве на Калке его дяди, Мстислава черниговского, святой Михаил стал князем черниговским. В 1225 году он был приглашен на княжение новгородцами. Своей справедливостью, милосердием и твердостью правления он снискал любовь и уважение древнего Новгорода. Особенно важно для новгородцев было

то, что вокняжение Михаила означало примирение с Новгородом святого благоверного великого князя владимирского Георгия Всеволодовича (память 4/17 марта), жена которого, святая княгиня Агафия, была сестрой князя Михаила.

Но благоверный князь Михаил недолго княжил в Новгороде. Вскоре он возвратился в свой родной Чернигов. На уговоры и просьбы новгородцев остаться князь отвечал, что Чернигов и Новгород должны стать родственными землями, а их жители – братьями, и он будет укреплять узы дружества этих городов.

Благоверный князь ревностно занялся благоустройством своего удела. Но трудно было ему в то тревожное время. Его деятельность вызвала беспокойство курского князя Олега, и между князьями в 1227 году едва не вспыхнула междоусобица – их примирил Киевский митрополит Кирилл (1224–1238). В том же году благоверный князь Михаил мирно разрешил на Волыни спор между киевским великим князем Владимиром Рюриковичем и князем Галицким.

С 1235 года святой благоверный князь Михаил занимал Киевский великокняжеский стол.

Смуты и войны или иные бедствия – все сие бывает не простым, обычным явлением сего временного мира или произошло от какого-нибудь случая; бедствия попускаются волею Всемогущего Бога за наши грехи, дабы согрешающие приходили в чувство и исправлялись. Наказания малые, которые Господь попускает вначале, суть следующие: мятеж,

голод, внезапная смерть, междоусобные войны и тому подобное. Если же такими наказаниями грешники не вразумляются, тогда Господь посылает на них жестокое и тяжкое нашествие иноплеменников, чтобы хотя в сем великом бедствии люди могли прийти в чувство и обратиться от путей своих лукавых, по слову пророка: *Егда убиваше я, тогда взыскаху его* (Пс. 77, 34). Так было и с нами, со всей нашей землей Российской. Когда мы своим злым нравом прогневали благость всемилостивого Бога и сильно оскорбили Его милосердие, прийти же в раскаяние, уклониться от зла и творить благое не хотели; тогда разгневался на нас Господь праведным гневом Своим и восхотел наказать нас за наши беззакония лютейшей казнью. И вот Он попустил тогда прийти на нас безбожным и жестоким татарам, с нечестивейшим и беззаконнейшим их царем Батыем.

Наступило тяжелое время. В 1238 году в бесчисленном множестве напав на Русскую землю, татары опустошили Рязань, Суздаль, Владимир. В 1239 году они двинулись на Южную Русь, опустошили левобережье Днепра, земли Черниговские и Переяславские. Осенью 1240 года монголы подступили к Киеву.

Когда благоверный и христолюбивый Михаил владел княжеством Киевским, нечестивый Батый прислал своих татар осмотреть город Киев. Посланные изумились, увидев величие и красоту города Киева, и, возвратившись к Батыю, рассказали ему о сем знаменитом городе. Тогда Батый снова от-

правил послов к Михаилу с тем, чтобы они лестью уговорили князя добровольно покориться ему. Благоверный князь Михаил понял, что татары коварством хотят взять город и опустошить его: князь слыхал уже раньше, что те жестокие варвары без милосердия убивают даже добровольно покоряющихся им, и потому повелел умертвить послов Батыя. Вслед за тем Михаил узнал о приближении громадного войска татарского, которое, как саранча, в великом множестве (ибо воинов было 600 тысяч человек) нашло на Русскую землю и овладело укрепленными городами ее. Сознавая, что Киеву невозможно уцелеть от приближающихся врагов, князь Михаил вместе с боярином Феодором бежал в Венгрию искать помощи своей родине, чтобы побудить венгерского короля Бела, выдавшего дочь за его сына Ростислава, совместными силами организовать отпор общему врагу. Пытался святой Михаил поднять на борьбу с монголами и Польшу, и германского императора. Но момент для объединенного отпора был упущен: Русь была разгромлена, позже пришел черед Венгрии и Польши. Не получив поддержки, благоверный князь Михаил возвратился в разрушенный Киев и некоторое время жил неподалеку от города, на острове, а затем переселился в Чернигов.

Князь не терял надежды на возможность объединения христианской Европы против азиатских хищников. В 1245 году на Лионском Соборе во Франции присутствовал посланный святым Михаилом его сподвижник митрополит

Петр (Акерович), призывавший к крестовому походу против языческой Орды.

Католическая Европа в лице своих главных духовных вождей – римского папы и германского императора предала интересы христианства. Папа был занят войной с императором, немцы же воспользовались монгольским нашествием, чтобы самим броситься на Русь.

В этих обстоятельствах общехристианское, вселенское значение имеет исповеднический подвиг в языческой Орде православного князя-мученика святого Михаила Черниговского. Вскоре на Русь явились ханские послы, чтобы произвести перепись русского населения и обложить его данью. От князей требовалась полная покорность татарскому хану, а на княжение его особое разрешение – ярлык. Послы сообщали князю Михаилу, что и ему нужно отправиться в Орду для подтверждения прав на княжение ханским ярлыком. Видя бедственное положение Руси, слыша, что многие из русских князей, прельстившись славой мира сего, поклонялись идолам, благочестивый князь Михаил сильно скорбел о том и, возревновав о Господе Боге, решился идти к царю неправедному и неустрашимо исповедать перед ним Христа и пролить кровь свою за Господа. Замыслив сие и воспламенясь душой, Михаил призвал своего верного советника боярина Феодора и поведал ему о своем намерении. Тот, будучи благочестив и тверд в вере, одобрял решение своего господина и обещал не покидать его до самой; кончины и вместе с ним

положить свою душу за Христа. После такого совещания они твердо решили, отнюдь не изменяя своего намерения, идти и умереть за исповедание Иисуса Христа. От духовного отца, епископа Иоанна, он получил благословение ехать и Орду и быть там истинным исповедником имени Христова.

В Орде знали о попытках князя Михаила организовать выступление против татар совместно с Венгрией и другими европейскими державами. Враги давно искали случая убить его. И когда в 1246 году благоверный князь Михаил и боярин Феодор прибыли в Орду, им приказали перед тем, как идти к хану, пройти через огненный костер, что якобы должно было очистить их от злых намерений, и поклониться обожествляемым монголами стихиям: солнцу и огню. В ответ жрецам, повелевавшим исполнить языческий обряд, благоверный князь сказал: «Христианин кланяется только Богу, Творцу мира, а не твари». Хану донесли о непокорности русского князя. Батый через своего приближенного Эльдегу передал условие: если не будет выполнено требование жрецов, непокорные умрут в мучениях. Но и на это последовал решительный ответ святого князя Михаила: «Я готов поклониться царю, так как ему Бог вручил судьбу земных царств, но, как христианин, не могу поклоняться идолам». Судьба мужественных христиан была решена. Укрепляясь словами Господа: *Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8, 35), святой князь и преданный его бо-

ярин приготовились к мученической кончине и приобщились Святых Таин, которые предусмотрительно дал им с собой духовный отец. Татарские палачи схватили благоверного князя и долго жестоко избивали, пока земля не обагрилась кровью. Наконец, один из отступников от христианской веры, по имени Даман, отсек голову святому мученику.

Святому боярину Феодору, если Он выполнит языческий обряд, татары льстиво стали обещать княжеское достоинство замученного страдальца. Но это не поколебало святого Феодора – он последовал примеру своего князя. После таких же зверских истязаний ему отрубили голову. Тела святых страстотерпцев были брошены на съедение псам, но Господь чудесно охранял их несколько дней, пока верные христиане не погребли их с почестью. Позже мощи святых мучеников были перенесены в Чернигов. Так, честно пострадав, святые мученики Михаил и Феодор предали души свои в руки Господу 20 сентября/3 октября 1246 года (по другим источникам, в 1244 году).

Исповеднический подвиг святого Феодора поразил даже его палачей. Убедившись в непоколебимом хранении русскими людьми православной веры, их готовности умереть с радостью за Христа, татарские ханы не решились испытывать впредь терпение Божие и не требовали от русских в Орде прямого исполнения идольских обрядов. Но борьба русского народа и Русской Церкви против монгольского ига продолжалась еще долго. Православная Церковь украсилась

в этой борьбе новыми мучениками и исповедниками. Отравлен монголами был великий князь Феодор († 1246), замучены были святой Роман Рязанский († 1270), святой Михаил Тверской († 1318) и его сыновья Димитрий († 1325) и Александр († 1339). Всех их укрепляли пример и святые молитвы русского первомученика в Орде – святого Михаила Черниговского.

14 февраля 1572 года, по желанию царя Иоанна Васильевича Грозного, с благословения митрополита Антония, мощи святых мучеников были перенесены в Москву, в храм, посвященный их имени, оттуда в 1770 году они были перенесены в Сретенский собор, а 21 ноября 1774 года – в Архангельский собор Московского Кремля.

Сказание об исповедническом подвиге князя Михаила и боярина его Феодора было написано их духовником – епископом Иоанном. Житие и служба святым Михаилу и Феодору Черниговским были составлены в середине XVI столетия известным церковным писателем иноком Зиновием Отенским.

Вторичная память святых – 14 февраля.

«Род праведных благословится», – говорит святой псалмопевец Давид. Это в полной мере сбылось на святом Михаиле. Он явился родоначальником многих славных фамилий в русской истории. Дети и внуки его продолжали святое христианское служение князя Михаила. Церковь причислила к лику святых его дочь – преподобную Евфросинию Суздаль-

скую (память 25 сентября/8 октября) и его внука – святого благоверного Олега Брянского (память 20 сентября/3 октября).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.